

СВЕТА

ВОКРУГ

11 1987

1917-1987

ДО СЛЕДУЮЩЕГО

СОЛНЦА

АЛЕКСАНДР КОЧЕТКОВ
Фото автора

Позади остались огоньки полярной станции на острове Жохова — последнего промежуточного пункта по дороге на льдину научно-исследовательской комсомольско-молодежной станции «Северный полюс-28». Впервые я познакомился с молодыми полярниками СП-28 весной 1986 года, когда дрейфующая станция только создавалась. Те дни были заполнены бесконечными погрузками и разгрузками самолетов, нескончаемыми хлопотами.

— Знаете, — сказал начальник СП-28 Александр Чернышев, — приезжайте к нам лучше осенью, когда закончится строительство, наладится быт, развернутся полностью работы по научным программам.

Кто бы мог предположить тогда, что ни летом, ни осенью, ни в начале зимы попасть на СП-28 будет невозможно...

Во время очередной подвижки

Геофизик Алексей Озимов (слева) и метеоролог Николай Панин познакомились и подружились еще во время зимовки на СП-26.

льда через взлетно-посадочную полосу прошла трещина и надолго лишила 26 человек связи с Большой землей. Чтобы подготовить новый ледовый аэродром, нужно было срезать 135-метровую гряду торосов, вылить в неровности и впадины шесть тысяч тонн океанской воды. Лишь в начале февраля, через девять месяцев после открытия станции, на СП-28 смог вылететь первый самолет...

Сегодняшний полет на дрейфующую станцию особенный, в авиации такие рейсы называют пробными, «техническими». Мы должны приземлиться на ледовый аэродром, чтобы выяснить, можно ли сесть на него. Поэтому самолет ведут одни из самых опытных полярных летчиков Кольмо-Индибирского объединенного авиаотряда — экипаж командира Юрия Клепикова. В салоне Ил-14 также начальник экспедиции «Север-39» Владимир Киселев, наша кино съемочная группа Центральной студии документальных фильмов, группа руководителя полетов Павла Петровича Бирюкова¹. Нас не очень то хотели сажать в этот самолет — все-таки рискованно, полет пробный, но Бирюкову удалось уговорить авиационное начальство: «Ладно, может, возьмем ребят? Кино все же, для истории... Жаль, останутся».

Полет длится уже больше трех часов. Скоро должны выйти в заданный район. Линии горизонта не видно, в сплошной тьме мерцают перед пилотом стрелки приборов. Штурман Вла-

димир Арсланов определяет по звездам наши координаты. Трудно, очень трудно отыскать в океане полярной ночи несколько домиков и короткую посадочную полосу.

По расчетам до точки остается пять минут. Радист еще раз запрашивает СП-28 — погода там пока благоприятная. На дрейфующей станции должны запускать в небо осветительные ракеты. В салоне все прильнули к иллюминаторам, стараясь оттаять изморозь на стекле горячим дыханием и теплом рук. Ничего не видно, лишь звезды — сверху, сбоку и, кажется, даже внизу, под нами.

Наконец голос штурмана:

— Ракету вижу, прямо по курсу!

Пробный заход над полосой, видим еле различимую цепочку огоньков. Короткие, отрывистые слова-команды, и из-под крыльев выползают два луча навстречу приближающейся земле. Вернее, не земле, а нескольким сотням метров относительно ровного льда, окруженного грядами торосов. Включается секундомер. Проходим над полосой, в конце полосы замечаю темные жилки разводий. Самолет заходит на второй круг.

Все ближе и ближе летящий навстречу лед. Мягкий толчок...

— Борт 61788, есть посадка на СП!

Самолет, не выключая моторов, разворачивается и проезжает еще раз по всей длине полосы, готовый, как испуганная птица, в любой момент снова подняться в воздух.

Открывается дверь, и в салон клубами врывается морозный воздух. Горят огни фальшфейеров, красноватые отблески играют на лицах встречающих — собралось все насе-

ление СП-28. Почти все зимовщики с большими заиндевевшими бородами — сразу и не узнаешь, кто есть кто.

Еще не утихло радостное возбуждение встречи, а прилетевшие руководители авиаотряда придирчиво, метр за метром, осматривают взлетно-посадочную полосу.

— Молодцы, ребята! Подготовили аэродром как во Внукове!

А это значит, что на СП-28 остается группа руководителя полетов. Следующий самолет будет направлять на посадку уверенный, чуть с хрипотцой, голос Павла Петровича Бирюкова.

Остаемся и мы.

Вот и еще один день наступил, самый обыкновенный будничный день зимовки... Для нас второй по счету, для старожилы станции — 269-й.

Льдина, на которой находится СП-28, небольшая — от огромного поля, которое мы видели весной 1986 года, остался где-то километр на полтора: на ней обычные полярные палатки и десяток домиков, изготовленных из двух слоев толстой фанеры с пенопластом посередине. В них живут, в них же расположена и научная аппаратура — так что ходить на работу далеко не приходится. Отопление — печки, работающие на солярке или керосине. В домиках электрическое освещение — днем и ночью слышен шум работы дизелей электростанции. Впрочем, сейчас день и ночь — понятие условное. Все двадцать четыре часа в сутки темно. Солнце на нашей широте покажется лишь через месяц. Вокруг на тысячи кило-

¹ См. очерк «За кромкой Бирюковского берега». — «Вокруг света», 1986, № 10.

Александр Чернышев — самый молодой начальник СП в истории научно-дрейфующих станций.

здесь, на льдине, в первые дни зимовки. Ребята долго думали, какое имя дать щенку? В результате обсуждения появился приказ по СП-28 за номером 7, который гласил: «В связи с тем, что дрейф комсомольско-мо-

очередь. Обязанностей у дежурного много: накрыть столы в кают-компании, вымыть посуду, подмести полы, заготовить снег для камбуза и растопить его — другого способа добыть пресную воду здесь нет. Единственное преимущество — дежурный может выбрать фильм для вечернего просмотра, но мне не повезло — интерес к кино упал, так как все фильмы уже засмотрены до дыр, а новых мы с собой не привезли.

Живем по московскому времени, поэтому, когда в Москве ложатся спать, на «Северном полюсе» все собираются в кают-компании на завтрак. Завтрак в 23.00, обед в пять утра, ужин в одиннадцать утра. Порядок установлен строгий и обязательный для всех: хочешь ли завтракать или нет, но приходи. Каждый должен видеть, что все на месте, ничего ни с кем не произошло, какое у кого самочувствие и настроение. Кают-компания — это, пожалуй, единственное место, где может собраться весь коллектив станции.

Сразу после завтрака зашпешили к себе метеорологи и радисты — подходил срок отправки на Большую землю очередной сводки погоды. За ними потянулись ребята из отряда гидрологов — готовятся к зондиро-

метров никого — только льды, торосы и разводья...

До вчерашнего дня на станции было 26 человек. Теперь стало чуть побольше. Все ребята молодые, многие в Арктике впервые. Средний возраст — двадцать семь лет.

На станции есть две собаки: Янка и ее «сын» Веселый, который родился

лодежной станции посвящен 50-летию первой в мире СП, назвать «сына» Яны именем «Веселый», в честь собаки, которая вместе с папанинцами успешно выдержала испытание полюсом».

По давней полярной традиции все вновь прибывшие назначаются на дежурство по станции. Сегодня моя

ванию океана. Расправившись с посудой, иду выносить мусор на улицу. Его сваливают в пустые бочки из-под солярки: бросать на территории станции ничего нельзя — когда появится солнце, вокруг любого темного предмета может образоваться небольшое озерко воды. Пустые бочки вскрывают с помощью зубила и молотка.

С непривычки пока получается плохо...

— Ночью у тебя дежурство продолжается, — напоминает Чернышев, — перед отбоем каждый доложит тебе о наличии людей в домиках, а потом надо обойти территорию станции — мало ли чего, все-таки живем на льдине.

Опустела кают-компания. Одеваюсь, выхожу на улицу. Здесь в Ледовитом океане на льдине и снег под ногами скрипит как-то по-иному. Его твердые и жесткие крупинки блестят в свете фонарика — будто каждая по отдельности. Кажется, каждый шаг слышен на многие километры вокруг... А может, просто такая тишина здесь — только шаги, собственное дыхание да мерное рокотание дизеля электростанции. Я вспоминаю свое весеннее недолгое пребывание на льдине и пытаюсь сориентироваться. Вот несколько снежных холмов — как раз возле них приземлился первый вертолетный «десант» на льдину: на белом снегу тогда кто-то из летчиков написал пламенем горящего фальшфейера: СП-28, 24 апреля 1986 года. Как давно это было! Сейчас эту надпись уже не найти: ее стерли метели и ветра... Но я знаю, что она была вот здесь, возле самого большого холма, из которого потом сделали ледник для продуктов. Подхожу к домику метеорологов. Из люка на крыше упирается в небо световой луч.

— Для чего это?

— Измеряю высоту облачности, — жестом приглашает зайти Коля Панин, — через каждые три часа готовим сообщение на Большую землю: какая на СП температура, облачность, давление, ветер...

— И ночью тоже через каждые три часа?

— И ночью...

Северный Ледовитый океан на картах погоды представляет собой огромное по площади белое пятно. Любые данные из этого малоизученного района уникальны, их ждут синоптики, которые составляют прогнозы погоды для всего Северного полушария, капитаны судов, плавающих по Северному пути, летчики, летающие в высоких широтах.

— Да, — говорит Коля, — если на материке на такой метеостанции работают семь-девять человек, то здесь нас всего двое: бывает, что не видится с Алексеем Логиновым неделями — ведь работаем мы, сменяя друг друга.

Николаю 26 лет, это его вторая зимовка на дрейфующих станциях. До этого был год на СП-26. Многие ребята из нынешнего состава познакомились и подружились именно на «двадцать шестой»: Коля Панин и начальник СП-28 Саша Чернышев, геофизик Алеша Озимов, аэролог Володя Филиппов и Володя Качуров, радиоспециалист Виктор Карасев... Тогда и возникла идея создания нового комсомольско-молодежного коллектива.

— Хочешь, зайдешь к Карасеву, — посоветовал Панин, — он сейчас не

спит, готовится принимать информацию со спутника. Вон, видишь светится окошко напротив?

Автоматический пункт приема спутниковой информации, где вместе с Карасевым работают гляциолог Олег Фаломеев и гидролог Андрей Павлов, позволяет получать снимки, сделанные искусственными спутниками Земли. С любопытством рассматриваю фотографии: белые массивы льда, черные жилки-ниточки разво-

дий.

— Люблю все новое, неожиданное, — говорит Карасев. — Когда предложили поехать сюда, на СП-28, сразу согласился. Единственное, переживал, не испорчу ли я ребятам показатель среднего возраста — ведь мне уже 46 лет.

«Есть такие люди, возраст которых кажется ошибкой», — сказал кто-то из ребят, имея в виду Виктора Карасева. Его на станции зовут больше по отчеству — Федоровичем, хотя, бывает, назовут и просто Карасем. Радиолюбители нашей страны, да и многих других стран знают его позывной «4 КОД». Да, еще к сведению филателистов — штамп с отметкой Северного полюса на их корреспонденцию ставил тоже Карасев, как започтой СП-28.

На наш разговор вышел Андрей Павлов, с ним я познакомился еще два года назад, во время экспедиции в Антарктиду.

— Давай зайдешь к соседям-гидрологам, у них сейчас зондирование океана, — предлагает Павлов.

— У них что, тоже ночная вахта?

— И ночная, и дневная...

У гидрологов зондирование закончилось, все сидели пили чай. Отряд гидрологов на «Двадцать восьмой» — самый молодой, веселый и шумный: Коле Лобашову — 23 года, Андрею Корягину и Кириллу Норченко — 26, Володя Вышваркин чуть постарше — ему 28.

— Ты нашу гидрологическую лунку еще не видел? — спросил Володя.

— Нет, не успел.

— Пойдем посмотрим.

Пробираемся с Вышваркиным по снежному коридору в палатку, где находится продолбленная во льду лунка.

— Вот он, Северный Ледовитый океан, — с гордостью говорит Володя, — под ногами ни много ни мало — три километра.

Он включил опущенную в воду трехсотваттную лампу. Наклоняюсь к лунке. Надо же, и здесь есть жизнь: в толще воды плавают маленькие медузы, креветки...

— Как-то подсознательно притягивает, манит эта бездонная синь, — Володя тоже заглядывает в лунку. — Но для того, чтобы работать здесь в течение года, одной красоты мало — нужно иметь какую-то свою научную идею, которую либо подтвердишь, либо опровергнешь. Мы измеряем температуру воды, ее соленость, изучаем течения, распределение водных масс по глубине и направлению. Если раньше, буквально не так давно, наша

работа была очень тяжелой физически — попробуй-ка в течение нескольких часов крутить ручку лебедки, то теперь подъемом и спуском научных приборов управляет ЭВМ.

В вычислительном центре СП-28 работают двое: Гена Ушман и Костя Ягудин. Первый работает днем, второй ночью — машинное время и здесь в цене.

— Трудно с вдохновением работать, если не видишь конечного результата, — рассказывает Костя, — а раньше именно так и было. Одни люди на льдине собирали информацию, совсем другие расшифровывали ее в Москве, Ленинграде и писали на ее основе свои диссертации. Теперь же можно заниматься научной работой прямо здесь, на СП: вносить какие-то изменения по ходу эксперимента, управлять им. А в своей памяти машина держит все данные со всех служб за все время нашей работы.

— А можно посмотреть данные сегодняшних наблюдений?

— Пожалуйста, — Костя включил печатное устройство, и цифры, появившиеся на экране монитора, перешли на листок бумаги. — Это лишь самые основные результаты, возьми себе — пригодится, когда будешь заносить в вахтенный журнал итоги своего дежурства.

Вернувшись в кают-компанию, делаю запись в журнале:

«6 февраля.

Координаты станции: 81° с. ш. 168° в. д.

За сутки льдина продрейфовала 7,3 км.

Направление дрейфа: северо-восток.

Средняя температура: минус 42.

Ветер: 4 м/с.

За истекшие сутки чрезвычайных происшествий, разломов льдины, белых медведей не было. Ледовая обстановка без существенных изменений.

Все службы работали по научным программам.

Карбин, ракетницу и дежурство по станции сдал А. Кочетков».

Дни на дрейфующей станции удивительно похожи один на другой. Разнообразие вносят лишь не столь частые авралы по заготовке снега для бани или заделке трещин на взлетно-посадочной полосе, а также другие общестанционные работы, которые медленно накапливаются и требуют своего разрешения. Выходных на СП не бывает. Так и идет отсчет времени: по банным дням да еще, пожалуй, по воскресеньям...

В воскресенье повар станции Боря Гуричев старается порадовать всех особо изысканными блюдами.

— Отношение к повару здесь совсем иное, чем на Большой земле, правда, и ответственность другая, — говорит мне Борис. — Я подсчитал, что до конца зимовки услышу от ребят пятьсот тысяч раз слово «спаси-

бо». Хотя все продукты хорошие, но они одни и те же, со временем приедаются. Вот и стараешься готовить по-домашнему, ведь от моей работы зависит настроение людей — не так уж много радостей здесь, на льдине.

В маленьком коллективе все на виду... Многие проблемы начинаются и кончаются в тесных стенах домиков. А полярная ночь, беспроглядная тьма вокруг еще больше подчеркивает удаленность, оторванность от внешнего мира. Полярная ночь! Сколько нелестных слов говорилось о ней исследователями Арктики. Нансен писал: «Полярная ночь.. Я изнемогаю от твоей холодной красоты; я жажду жизни, тепла, света! Позволь мне вернуться и снова начать жить». Визе словно вторит Нансену: «Великая, вещая ночь! Жизнь идет своим чередом, часы отстукивают свои секунды, минуты, часы, месяцы, годы — и все это пропадает где-то в вечности... А ты сидишь здесь, за 80-м градусом, окруженный насыщенной смертью природой... Мрак и холод; незримо свершает над горизонтом свой путь солнце, и ни одного луча-улыбки не шлет в это мрачное царство, где все застыло в безмолвии...»

Да. Полярная ночь — самое трудное время на дрейфующих станциях. Не только из-за погоды — постоянных ветров и метелей, температуры, не поднимающейся выше минус сорока...

Виктор Карасев — один из самых опытных на СП-28 — зимовал неоднократно и в Арктике, и в Антарктиде. Его я и спросил, что он думает о полярной ночи:

— Когда долгое время живешь в маленьком ограниченном коллективе, не все так просто... Вот приехали мы на льдину: каждый со своим характером, своей судьбой, отношением к жизни. Проходит время. Если дома, на Большой земле, впечатления от человека, с которым, к примеру, сталкиваешься каждый день на работе, как-то растворяются в большом числе контактов и встреч, то на льдине все это оседает, копится, нередко принимает и негативную окраску. В начале зимовки — все хорошие товарищи, в середине — некоторые могут в твоей оценке перейти уже в другую категорию. Так же оценивают и тебя... Это не открытие нашей станции — это общий закон. Бытует мнение, что с опытными полярниками зимовать легче, чем с молодыми. Не знаю, мне кажется, это неверно. У молодых реже встречается такое отношение: «Ладно, мол, бывали, знаешь...» И все равно Чернышеву я не завидую. Ведь он самый молодой в истории начальник станции, а быть начальником и в то же время товарищем — ох как нелегко...

Большинство ребят комсомольско-молодежного коллектива оказались молодцами — не позволили себе расслабиться, замкнуться в себе, загрустить. Почему большинство? Да потому, что были и такие, с которыми пришлось расстаться: один так и не сумел приспособиться к жизни на

льдине, второго за некорректное отношение к товарищам тоже пришлось отправить домой.

У полярников бытует мнение, что, пожив полгода на дрейфующей льдине, узнаешь человека лучше, чем за двадцать пять лет жизни на Большой земле... Наверное, так и есть.

Иван Дмитриевич Папанин так вспоминал о дрейфе на СП-1: «Мы, конечно, не ждали, что на льдине будет спокойная жизнь, но и не представляли, что она будет столь перенасыщена всякими происшествиями, требовавшими от нас выдержки и терпения».

Одно из самых распространенных бедствий на дрейфующих станциях — разлом льдины. Явление это для полярников привычное, хотя и всегда неожиданное. Движущийся лед может издавать самые различные звуки — от звона лопнувшей струны до грохота взлетающего реактивного лайнера. Сила эта всеокрушающая — даже ледяное поле средней величины имеет массу около трех миллионов тонн. Не было, пожалуй, ни одной дрейфующей станции, избежавшей разломов и торшений: льдину СП-5 в течение года ломало 25 раз, станцию СП-9 вообще пришлось эвакуировать; предыдущую комсомольско-молодежную станцию СП-19, находившуюся на ледяном острове, разломало на отдельные кубики в 30—40 метров. На «Двадцать восьмую» приходили тревожные известия с СП-27, дрейфовавшей в тысяче километров от нас. После серии расколов льдина уменьшилась до ста метров, а полярников пришлось снять специальным рейсом атомохода «Сибирь».

Когда комсомольцы СП-28 только готовились к открытию станции, известный советский исследователь Арктики академик Алексей Федорович Трешников спросил начальника станции Сашу Чернышева, приходилось ли ему работать на СП во время разлома?

— Приходилось, — ответил он.

— Ну, тогда хорошо, — сказал Трешников, — тогда, значит, к таким ситуациям вы готовы...

Нужно сказать, что «Двадцать восьмой» повезло. Трещины проходили по ледовому аэродрому, крошили, отламывали куски с боков льдины, доставили множество хлопот и дополнительной работы, но сам лагерь обошел стороной. К торшению на СП-28 привыкли, как привыкают к толчкам в купе поезда на крутом повороте железной дороги. Внешне никто не проявлял беспокойства и паники, но в глубине души все были готовы к возможному испытанию, не позволяя себе расслабиться, забыть, что под ногами холодные толщи вод Северного Ледовитого океана.

Солнце здесь скрылось за горизонтом еще в октябре прошлого года... Но все на свете кончается. День от дня все светлее и светлее становились

сумерки. Метеорологи Коля Панин и Алеша Логинов высчитали для нашей широты и день возвращения солнца — 24 февраля. Этот день на полярных станциях особый. Появление солнца не только кладет конец полярной ночи, но и предвещает скорое наступление света, весны, а значит, и возвращение домой.

К празднику готовились всей станцией: до хрипоты обсуждали программу предстоящего торжества, на одном из холмов построили снежную крепость, для ее штурма напильники аккуратные кубики снежков — при температуре за сорок их руками не слепишь. До позднего вечера гидрологи клеили из поролона маски и раскрашивали их разноцветными красками... А на следующее утро все собрались у кают-компани. Самые нетерпеливые забрались на крышу, в надежде скорее увидеть хотя бы краешек светила. Как нестерпимо медленно тянулись минуты! Как соскучились, истосковались глаза по теплomu желтому солнечному свету! Как ждала и просила его каждая клеточка тела.

Наконец величаво и медленно, пробив тонкую полосу облаков, из-за горизонта показался краешек солнца.

— Это еще не солнце, а только его отражение, — авторитетно заявил кто-то.

— Не слушайте его, отражения без солнца не бывает! Да здравствует солнце!

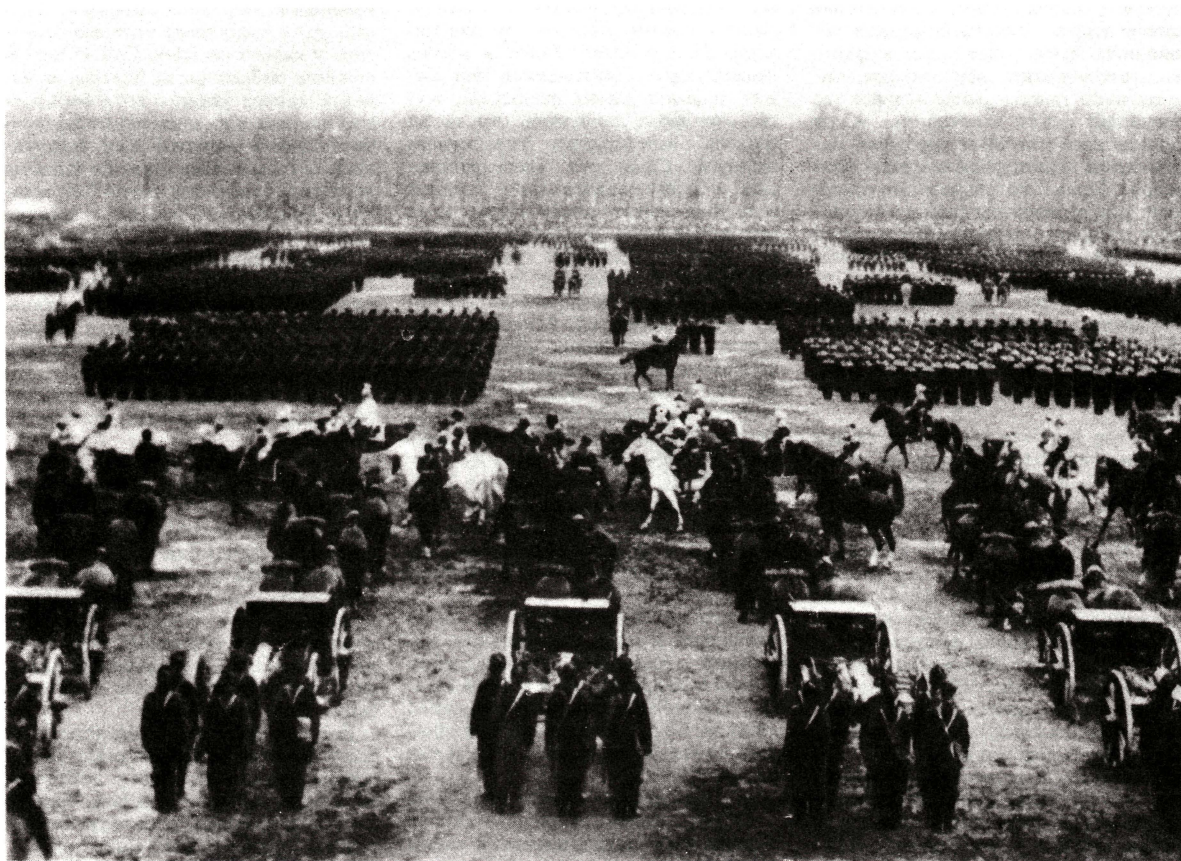
Отдельные слова потонули в общем восторженном шуме. Трудно было выдерживать, устоять на месте. Были, сами того не желая, спотыкаясь на неровной, заснеженной поверхности льдины, побежали навстречу солнечному свету... А потом был отчаянно веселый штурм снежной крепости, торжественное сожжение чучела полярной ночи, чай и горячие блины Бори Гуричева, залихватские переборы баяна Пал Петровича.

Вот и пришла весна. Длиннее стал световой день, да и ночи стали почти совсем светлые. Исчезли с небосклона краски северного сияния. Больше мы его не увидим в этом году. Температура, правда, все еще зимняя. 6 марта был зафиксирован абсолютный минимум для СП-28 — минус 48 градусов по Цельсию. Ничего, весна морозов не боится.

Подумать только, целый год прошел... Весна, лето, осень, долгая зима и снова весна. Наверное, так далеко и надолго стоит уезжать только ради очень интересного и нового дела. А дело было действительно новым и интересным: на пустом месте построили станцию. Вот она, живет, работает! Следующей смене, тоже кстати комсомольско-молодежной, уже не придется начинать с нуля, но все-таки это очень много — год, проведенный на льдине. Отсюда, со льдины, многое видится по-иному, просто не умеешь или не можешь оценить там, на Большой земле, самые простые человеческие радости-хлопоты...

МАРСОВО ПОЛЕ

ЛЮДМИЛА ПРОЦАЙ
Фото из Государственного архива
кинофотофонодокументов
г. Ленинграда

Когда-то на месте Марсова поля простиралось топкое болото. Отсюда брали свое начало речушки Мья и Кривуша, превратившиеся в нынешние Мойку и канал Грибоедова. Для того, чтобы разбить здесь Летний сад, возвести царскую резиденцию, решено было осушить то болото. К Неве прорыли Лебяжьё канавку, а параллельно ей, по западной стороне, выкопали Красный канал. Но его впоследствии засыпали. Первоначально место это называлось Большой луг. Однако во времена Петра I в дни придворных торжеств здесь стали устраивать фейерверки, называвшиеся в ту пору «потешными огнями». Потому и прозвали луг «Потешным полем».

При императрице Екатерине I на

берегу Мойки находился царский дворец, а летом на лугу разбивался лагерь гвардейских частей. И получило поле название Царицына луга.

В середине XVIII века под наблюдением Р. Б. Растрелли здесь был высажен декоративный кустарник. Вскоре Царицын луг превратился в обширный сад. В 1799 году на северной границе поля поднялся обелиск в честь выдающегося русского полководца Петра Александровича Румянцева (позднее он был перенесен на Васильевский остров). А спустя два года на берегу Мойки поставили памятник Александру Васильевичу Суворову. Когда на поле построили 155-метровый казарменный комплекс для Павловского полка, на плацу постоянно стали проводить раз-

личные парады и смотры петербургского гарнизона. Этот плац, вытопанный солдатским сапогом, пустынный и пыльный, жители города окрестили «Петербургской Сахарой». Тогда-то за ним и закрепляется название — Марсово поле.

Но с 1873 по 1895 годы здесь проводятся традиционные народные гулянья с каруселями, качелями, катанием с горок, балаганными представлениями. По праздникам спектакли смотрели до 70 тысяч человек. В балаганах Марсова поля начинали свой творческий путь такие известные артисты, как А. П. и В. Л. Дуровы, И. С. Радужский (Бим)... В 1897 году, боясь беспорядков при таком большом скоплении народа в самом центре города, власти определили для

народных гуляний Преображенский и Семеновский города.

В 1903 году на Марсовом поле проводилось первенство мира по конькобежному спорту на 1500, 500 и 100 метров, организованное Обществом любителей бега на коньках. А зимой 1913 года состоялся хоккейный матч.

Когда 4 апреля 1912 года ожидалось солнечное затмение, для петербуржцев на Марсовом поле построили небольшой павильон с куполом, который напоминал обсерваторию. Внутри на треножном штативе была установлена труба оптического телескопа. За доступную плату любой желающий мог наблюдать не только прохождение «дневного светила» сквозь тень Луны, но потом и просто любоваться картиной звездного неба.

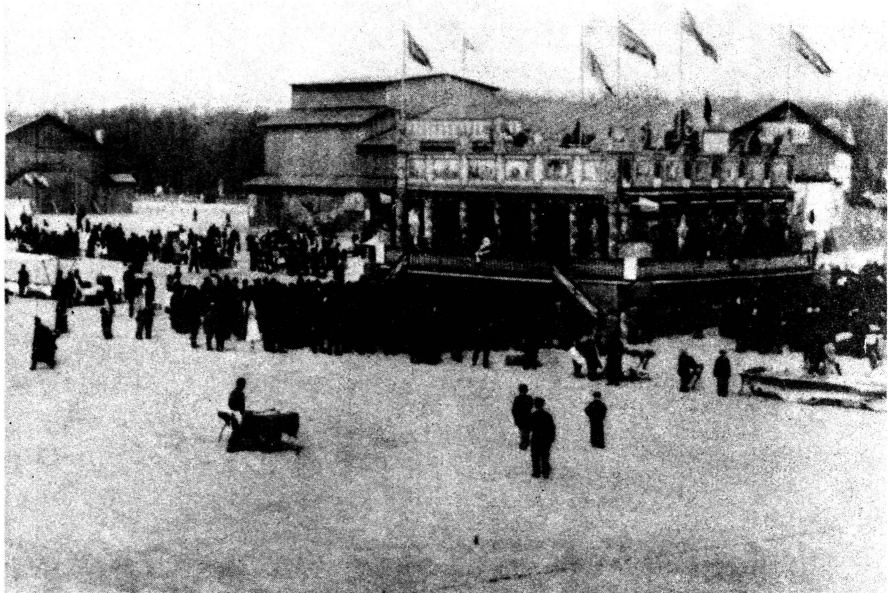
Однако за два предшествовавших столетия Марсово поле не знало столько событий, сколько принес ей один-единственный 1917 год. 26 февраля солдатам лейб-гвардии Павловского полка, квартировавшего в казармах у Марсова поля, был отдан приказ «прекратить в столице беспорядки, оружием подавить выступления протеста питерских рабочих». Но павловцы вступили в перестрелку с отрядом полицейских карателей. Так прозвучали первые выстрелы войск в защиту трудового народа. На Марсовом поле торжественно обменялись знаменами рабочие Путиловского завода и солдаты Павловского полка. И уже вместе они освобождали политических заключенных из казематов Петропавловской крепости.

Парад Санкт-Петербургского гарнизона. 1903 г.

Общедоступный театр. 1895 г.

Франко-русские горы. 1895 г.

Хоккейная команда начала XX века на ледовом катке Марсова поля.

Обсерватория. Солнечное затмение 4 апреля 1912 г.

Идет бойкая торговля. 1895 г.

В день 1 мая 1917 г.

Манифестация 18 июня 1917 года.

Февральская революция не обошлась без жертв. На улицах Петрограда было убито и ранено 1382 человека. Местом захоронения погибших избрали Марсово поле. 23 марта 1917 года, после траурного шествия по центральным улицам города, здесь собрались тысячи жителей. 180 артиллерийских залпов прозвучало с Петропавловской крепости, когда оцинкованные гробы опускали в братскую могилу.

18 апреля (1 мая) рабочие Петрограда впервые свободно отмечали Международный день солидарности трудящихся. На Марсовом поле всюду развевались красные флаги, гремели оркестры. Грузовые машины служили трибунами ораторам. На одной из таких выступал и В. И. Ленин, пришедший сюда с колоннами рабочих демонстрантов Выборгского района.

В канун Октябрьской революции в здании казарм Павловского полка помещался один из полевых штабов восстания. 24 октября павловцы очистили от юнкеров Троицкий (ныне Кировский) мост и вместе с солдатами из охраны Петропавловской крепости удерживали его. А на следующий день они заняли часть улиц между Марсовым полем и Дворцовой площадью, штурмовали Зимний дворец.

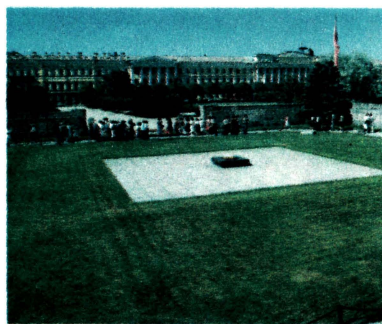

После победы Великой Октябрьской социалистической революции на Марсовом поле проходили праздничные демонстрации трудящихся города на Неве.

В день Первого мая 1920 года по призыву партии большевиков был организован Всероссийский субботник. В Петрограде местом его проведения стало Марсово поле. Субботник начался праздничным артиллерийским салютом со стен Петропавловской крепости. Под звуки духовых оркестров более 16 тысяч человек взялись

за лопаты, ломы, кирки, носилки. Территория неблагоустроенного захламленного пустыря была разбита на 8 участков, отведенных каждому из существовавших в то время административных районов. Убирали мусор, разбивали газоны, рыли лунки для посадок и заполняли их черноземом. К 18 часам было посажено более 60 тысяч деревьев и кустарников.

Проект планировки и озеленения Марсова поля разработал один из виднейших советских архитекторов

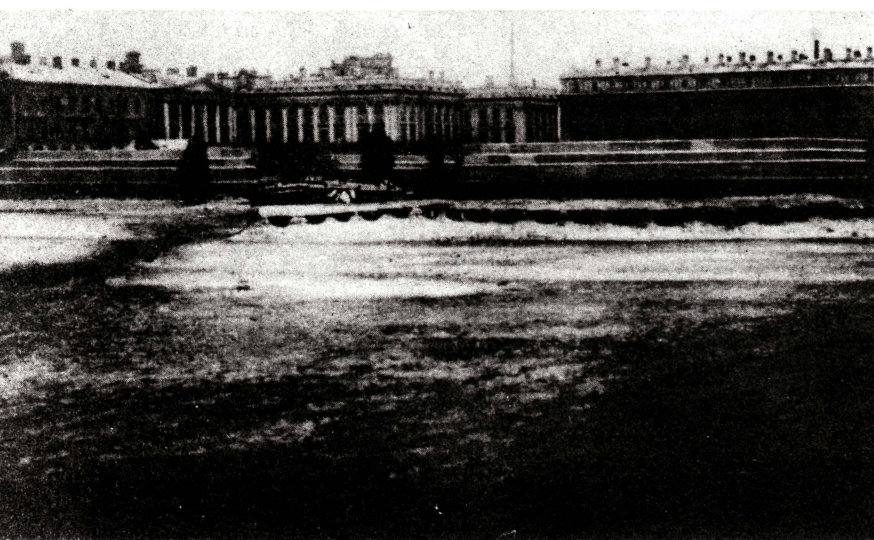

Строительство памятника Борцам революции. Ноябрь 1918 года.

Группа работников Нарвско-Петергофского райсовета у братских могил 7 ноября 1919 года.

Посадка деревьев во время субботника. 1920 г.

Демонстрация 7 ноября 1922 г.

И. А. Фомин, возглавлявший комиссию градостроительства при Петроградском совете коммунального хозяйства.

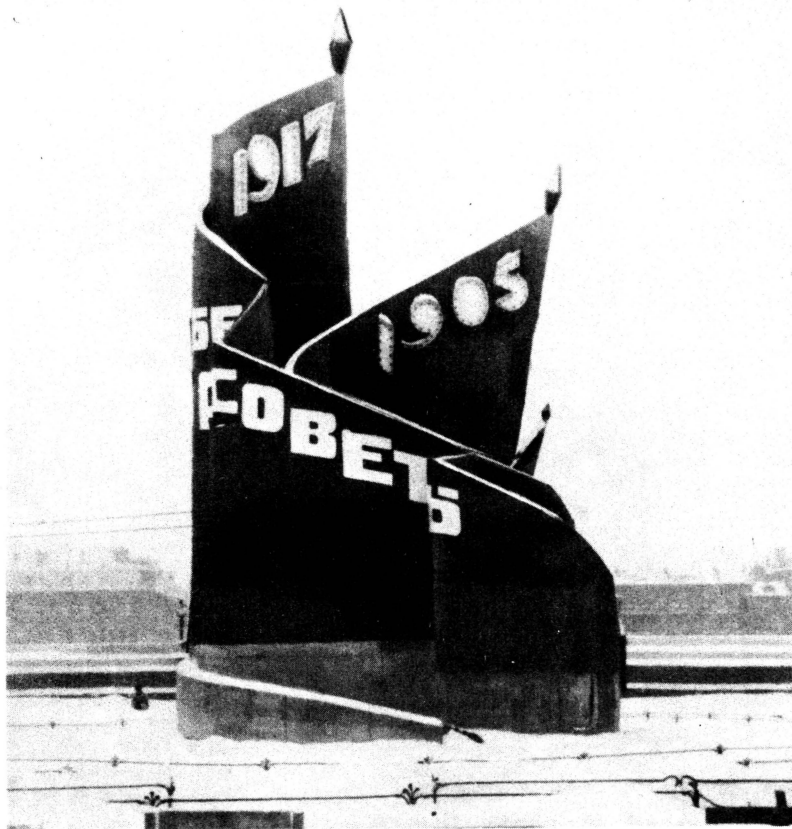
В партерном саду, занимающем 10,6 гектара, нет высоких деревьев. Тенистые аллеи из стриженных лип ограничивают площадь с трех сторон, а в центре ее находится памятник Борцам революции. Он виден отовсюду.

Ансамбль Марсова поля, без которого трудно представить сегодня город на Неве, не сразу приобрел свой нынешний облик. Для его сооружения Обществом архитекторов-художников Петрограда был объявлен открытый конкурс, в жюри которого входили Александр Блок, Максим Горький, Анатолий Васильевич Луначарский. Победу одержал проект под девизом «Готовые камни». Автор его, еще совсем молодой тогда, а позже известный советский архитектор Л. В. Руднев предлагал соорудить памятник из сохранившихся гранитных блоков снесенного в 1914 году старинного склада.

Открытие памятника состоялось 7 ноября 1919 года. Стены его были сложены из грубо тесанных гранитных блоков. Каждая стена прерывается в центре одиннадцатиметровым проходом на внутреннюю площадку. В проходах, на торцах стен высечены строки стихотворения, написанного наркомом просвещения А. В. Луначарским.

Но пришло лето 1941 года. С первых дней войны на Марсовом поле строились траншеи и земляные щели для укрытия прохожих от осколков авиабомб и артиллерийских снарядов во время вражеских налетов. На территории партерного сквера разместились батареи и блиндажи орудийных расчетов ПВО. Летом 1942 года перенесшие жестокую блокадную зиму ленинградцы превратили

в огороды каждый клочок земли. На Марсовом поле, как в Летнем и Михайловском садах, появились картофельные и овощные грядки. Но даже в самые лютые морозы не было срублено на топливо ни одного деревца или кустика. От вражеских бомб и снарядов пострадали Инженерный замок, Русский музей, здание Ленэнерго (Павловские казармы), Мраморный дворец и Летний сад. Один из снарядов повредил восточную сторону гранитного надгробия памятника Борцам революции.

6 ноября 1957 года в центре мемориала на Марсовом поле был торжественно зажжен самый первый в нашей стране Вечный огонь.

9 мая 1960 года в ознаменование 15-летия Победы факел, зажженный от негасимого пламени Марсова поля, был пронесен по улицам города-героя к Пискаревскому мемориальному кладбищу. А в 1967 году от огня Марсова поля вспыхнул факел и на могиле Неизвестного солдата у Кремлевской стены в Москве.

Зажженный у монумента Борцам революции в память о тех, кто отдал жизнь за Советскую Родину, он теперь горит вечным огнем в городах-героях нашей страны.

Украшение Марсова поля к празднику Великого Октября. 1931 г.

Строительство укреплений на Марсовом поле. Октябрь 1941 г.

Зенитная батарея. Зима 1941/42 г.

Зажжение Вечного огня. 1957 г.

ГОЛОС, ВЗЫВАЮЩИЙ К ПРАВДЕ

Над Нью-Йорком летели белые облака. Летели низко, обгоняя друг друга, едва не задевая верхушки небоскребов. В окно, выходящее на 54-ю улицу, не было видно ни неба, ни уличного оживления. Их заслоняла серая громада соседнего здания.

Казалось бы, привычная обстановка, но работа в тот полдень шла вяло. Я то откладывал бумаги, то ходил по комнате, то опрометью бросался к телефону по первому звонку. Из Канзас-Сити, где разместился комитет поддержки Леонарда Пелтиера, должен был позвонить Джон Стар и сообщить о судьбе борца за права американских индейцев. Что скажут в госпитале? Неужели зрение Пелтиера будет ухудшаться?

Телефон зазвенел под вечер, когда я, честно говоря, уже утратил всякую надежду. Джон Стар тяжело дышал и запинаясь.

— Мы только что из Ливенуорта, — выдавил он. — Думал, что не успею тебя застать. Неприятные новости.

— Что-то произошло?

— В том-то и дело, что ничего. Никакого лечения Пелтиеру предоставлено не было.

— Что же делали с ним в госпитале почти две недели?

— Обследовали! — В голосе Джона слышался горький сарказм.

Ранним утром 25 ноября 1986 года тюремный фургон отвез Леонарда Пелтиера из ливенуортской тюрьмы в спрингфилдский госпиталь, где он был помещен в одиночную палату. Врач был скор на выводы: «Чепуха. Это у вас от простуды. Скоро все пройдет». Но шли дни, а левый глаз по-прежнему видел плохо. Когда ста-

ло очевидно, что дело не в простуде, Леонарда подвергли более тщательному обследованию. На этот раз мнение врачей было куда менее утешительным: произошло кровоизлияние, следствием которого стала закупорка кровеносных сосудов в области левого глаза.

— Мы только что беседовали с ним, — продолжал Джон Стар. — Он спокоен, но настроение у него явно неважное. Врачи говорят, что зрение может ухудшиться.

— Но все-таки, может быть, есть способ хоть как-то ему помочь?

— Сейчас этим и занимаемся. Беседуем с врачами, ищем специалистов. Не верится, что у нас в Америке, где медицина творит чудеса, человек может ослепнуть из-за небольшого кровоизлияния.

— Успеха вам, — пожелал я. — Джон, звони. Мы все очень ждем.

— Конечно, — раздалось в трубке. — До сих пор не укладывается в голове, что мы, индейцы, можем потерять не только политического лидера, но и художника, подлинного народного художника...

— Джон, ты сказал — художника?

— А ты не знаешь? Пелтиер прекрасно рисует. Если у нас в комитете остались репродукции его работ, я тебе вышлю.

Джон сдержал слово.

Футляр бандероли был сделан из твердого непромокаемого картона и оклеен на стыках липкой лентой. Вскрываю посылку с предельной осторожностью, надрезаю бритвой клейкую ленту, разворачиваю свернутые в трубочку листы. Портреты, пей-

зажи, орнаменты — целая гамма образов и красок.

Столько лет писал о человеке, а до сих пор, оказывается, не знал, что он рисует.

Еще в прошлом веке, нападая на индейские стоянки, войска федерального правительства США вместе с жилищами уничтожали и произведения индейского искусства. Уничтожая культуру, колонизаторы пытались вытравить у коренных американцев национальное самосознание.

Но национальный дух жил, поднимаясь из пепла.

...Портрет индейского певца Канги Дута. Умный, проникновенный и слегка лукавый взгляд мудреца и воспитателя. Какой индейский праздник или ритуал обходился без него, философа, знатока людей и жизни! Возможно, когда-то песни и сказания в исполнении певца и зажгли в душе молодого Леонарда первые искорки протеста.

Индейский воин на вздыбившемся коне. Более ста лет назад предки Леонарда на таких вот скакунах шли в бой с правительственными войсками, защищая земли индейцев.

Вашингтон проявил себя как агрессор цивилизованный: соплеменникам Пелтиера индейцам сиу и оглала предложили сначала продать свои земли, на которых было найдено золото.

— Земля, носящая на себе людей, не может быть продана, — ответил на это вождь Тасанке Уитке по прозвищу Бешеная лошадь.

Тогда словесные уговоры сменились грохотом пушек. 7 февраля 1876 года военное министерство США отдало распоряжение генералу Шеридану начать боевые действия против «враждебно настроенных сиу».

Индийские воины на лихих скакунах гибли под пулями и картечью сотнями. Но снова шли и шли в бой, пытались отстоять свои земли. Он, этот бронзовокожий всадник с обнаженным торсом, устремленный вперед в порыве к свободе, остался в памяти народа. И вот воскрес в огненном ореоле на полотне индейского художника...

свой манифест, призывающий товарищей расправить крылья.

Молодая индейка, задумавшаяся над письмом... Мягкие желтые, коричневые и голубые тона. Спокойная грусть в глазах.

Лирический мотив в произведениях Пелтиера искренен и чист, как чиста мелодия старинной индейской песни.

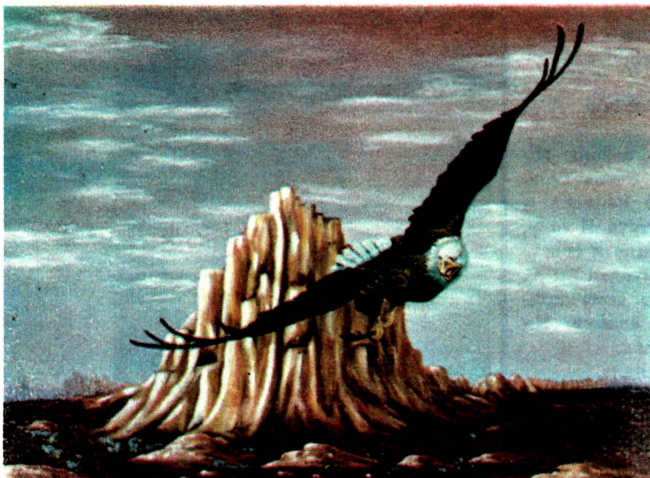
далеком заснеженном Миннеаполисе.

И вот — конечно же, автопортрет. Леонард в ритуальном головном уборе, сделанном из чучела совы. По древнему индейскому поверью, сова учит человека быть мудрым, терпеливым, выдержанным.

...Я долго рассматривал репродукции, вглядывался то в одну, то в дру-

Картины, присланные комитетом поддержки Леонарда Пелтиера в корпункт ТАСС.

Картин было много.

Еще одно полотно: над каменной прерией, распластав могучие крылья, медленно кружит орел — символ силы, благородства, несгибаемой воли индейцев. Его перья украшали головные уборы индейских вождей и воинов. Изображение величественной птицы — символа свободы — передает из тюремных застенков индейский художник-борец. Передает как

Ноты и слова ее хранятся в архиве бюро американской этнографии.

Глянь, как рад
Этот парень,
Как строен и горд!
То любимая
Бросила нежный свой взор...

Кто знает, может быть, песня и образ индейки помогли Леонарду пережить долгую и томительную разлуку со Стефани. Жена осталась в

гую. Потом набрал номер Канзас-Сити. Джон Стар был на месте — дежурил в комитете поддержки Л. Пелтиера.

— Знаешь, Джон, у меня просто нет слов... — начал было я.

— А-а-а. Получил? — перебил он. — Не ты один — работы Леонарда полюбились многим.

— Вы не пытались выставить их? — В крупные галереи, сам пони-

маешь, нам путь закрыт. А в индейских организациях выставляли. И ты не можешь себе представить, какой интерес эти работы вызывают у людей!

Знаешь,— добавил Джон после паузы,— Леонард говорил, что его подтолкнуло к серьезной работе побойще при Вундед-Ни, где в 1890 году правительственные войска устроили настоящую кровавую баню.

— Разве это может вдохновить? — невольно вырвалось у меня.

— Не знаю. Но это родные места Пелтиера...

Каждое утро, будь то мороз или жара, она спешит через весь город в маленькую комнатку, где разместились одна из групп поддержки Пелтиера. Весь день — встречи, беседы, телефонные звонки, подготовка листовок и пресс-бюллетеней. Только вечером, добравшись до своей квартиры, она садится на диван и позволяет себе чуть-чуть расслабиться. Глядя на картины мужа, Стефани Отм Пелтиер словно говорит с Леонардом: «Веселый танцор в индейском костюме... Легко, забавно. Поймай, уж не хочешь ли ты сказать, что он и есть то священное дерево, центр единения всех индейцев? А может, ты и прав. Вот он — живой, неподдельный росток на грубом, кажется, мертвешем стволе. Наследник нашего прошлого, залог будущего. Да, ты прав. Пока приплясывает этот танцор, существуют сиу, оглала, чипева. Остановится — тогда конец. Иссякнет индейский дух, погибнет священное дерево».

Я позвонил Стефани Пелтиер в один из вечеров, когда над Миннеаполисом, как передало радио, выла пурга.

— Я не отрываю тебя от дел, Стефани? — начал я.

— Нет, какие дела! Рассматриваю его автопортрет. Да, тот самый, с сохой. Все-таки его следовало бы написать иначе.

— Почему?

— Усталость. На лице слишком большая усталость. Он должен выглядеть бодрее, веселее... — И добавила после паузы: — По крайней мере, на картине. Так нужно, понимаешь?

В трубке послышался глубокий вдох безмерно уставшей женщины, которой нужны огромные силы, чтобы жить, надеяться, ждать...

— Я давно хотел спросить, Стефани,— прервал я тяжелую паузу.— Когда Леонард начал рисовать?

— Очень давно. Пожалуй, намного раньше, чем мы познакомились. С юных лет. Но тогда это не было осознанным творчеством. Так, развлечение. Он рисовал карандашом, авторучкой. Рисовал где придется. Дарил рисунки друзьям, рвал, забывал о них: не считал себя художником. Все время отдавал работе в Движении американских индейцев. По-серьезному он взялся за кисть, пожалуй, уже в тюрьме.

— А как относятся к этому тюремные власти?

— Терпят. Раньше, когда Леонард сидел в тюрьме Мэрион, в штате Иллинойс, ни о каком рисовании не могло быть и речи. Это тюрьма строгого режима. Но Леонард стал известен не только индейцам, и мы добились его перевода в Ливенуорт. Там условия получше.

— А сам Леонард — он как отзывается о своем творчестве?

— Он больше рисует, чем говорит. Рисование для него теперь — самое сильное средство самовыражения, средство общения с людьми. Его последнее оружие, если хочешь.

— Как же теперь? Если глаза...

Я не договорил, сам ужаснувшись зловещему смыслу вопроса. На том конце провода воцарилась тишина. Я почувствовал, что попал в самую болевую точку...

— Ты хочешь сказать, если глаза перестанут видеть,— послышался наконец мягкий голос Стефани.— Да, это нам всем не дает сейчас покоя. Если он перестанет видеть... Не станет художника, еще одного индейского художника. Но давай надеяться. Без надежды еще хуже. Нам без нее нельзя.

Это было в конце января 1987 года. Зазвонил телефон, и в трубке раздался тонкий голос телефонистки:

— С вами хочет говорить мистер Леонард. Вы согласны оплатить разговор?

— Леонард? — переспросил я.— Какой Леонард?

— Леонард Пелтиер,— послышался издали хриловатый мужской голос.

Да, это был он. Ему удалось добиться разрешения у тюремного начальства на этот звонок.

— Вы желаете говорить с мистером Пелтиером? — переспросила телефонистка.

— Конечно же! Соедините! — воскликнул я.

— Послушай,— вновь возник голос Пелтиера,— у меня очень мало времени. Я тут кое-что написал и передал ребятам из комитета. Я хочу, чтобы о написанном узнали и советские люди. Я так признателен им за мужественную борьбу в мою поддержку. Знайте — я не сдаюсь. Ни при каких обстоятельствах.

Трубка жалобно запищала.

Через несколько дней почтальон принес еще один картонный рулон. Из него выскользнул листок бумаги.

Леонард написал:

Послушайте!

Я — голос индейцев,

Что из тысяч могил

Взлетает к сиянью

Небесных светил.

Я — голос,

Взывающий к правде,

Свободе и миру...

Нью - Йорк — Москва

И. КУДРИН,
политический обозреватель
Гостелерадио — специально
для «Вокруг света»
Фото А. ГРОМОВА

Я улетаю из Лиссабона жарким июньским днем. Прощаясь с иностранными пассажирами, служащая аэропорта, словно сошедшая с рекламного проспекта, вручала каждому цветные буклеты. «Приезжайте к нам снова,— приглашали они.— Португалию невозможно узнать после одной поездки. Вы успели увидеть лишь малую часть того, что она вам может показать...»

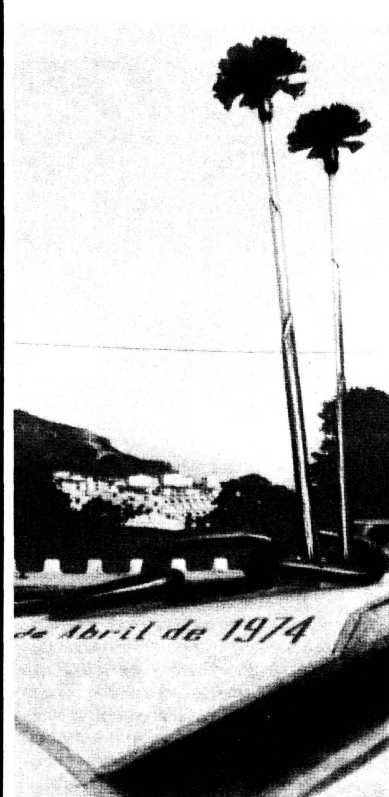
А вот западная пресса в последнее время пишет о ней одними мрачными и унылыми красками: нация устала, погрузилась в апатию, утратила присущий ей оптимизм и веру в будущее.

Чаще всего поводом для таких выводов и прогнозов является экономическое положение Португалии, ее политическая нестабильность. Действительно, промышленность и сельское хозяйство страны переживают далеко не лучший момент. По многим важным показателям национальная экономика плетется в хвосте западноевропейских государств, за что Португалию даже нарекли «Золушкой континента».

Да, кризисные явления крайне болезненно сказываются на жизни португальцев. Обездоленность, лишения,

Памятник «Алые гвоздики» при въезде в город Сесимбра.

На улицах города Порту.

ГВОЗДИКИ НЕ ВЯНУТ

социальные контрасты порой прямо-таки бросаются в глаза: ребенок, спящий на земле, уныло протянутые за хлебом руки, лагуги из картона... И все же, проехав всю страну с севера на юг, духа всеобщего уныния, чувства безысходности в людях я не заметил. Португальцы строят дома и корабли, выращивают пшеницу и виноград, пекут ароматный деревенский хлеб «каркача», а во время фиест лихо отплясывают красочную «виру». «Золушка континента» не намерена всегда пребывать в темном углу в перепачканном драном платье. Но португальцы сознают, что для этого нужно много и упорно работать. Лишь в народной поговорке шутливо утверждается, будто только в Порту люди по-настоящему трудятся, в Коимбре только учатся, а в Лиссабоне заняты сплошными развлечениями. Нет, работают везде, в городе и в деревне, на севере и на юге. Если только есть работа. Если только есть земля.

ЗЕМЛЯ КАТАРИНЫ

Село Балеязо словно вымерло. Те, кто не в поле, затаились в прохладе затемненных от беспощадного солнца домишек. Даже детворы не видно на улицах. Лишь редкий автомобиль поднимет клубы красной пыли. И

снова тишина. Вместе с моим новым другом Жозе я сижу в глубине полутемной таверны. Мелкими глотками потягиваем холодную — зубы ломит — воду, с нетерпением поглядывая на входную дверь, откуда вот-вот должен появиться председатель местного сельскохозяйственного кооператива.

— Такие таверны на селе, по существу, — единственное место для общения людей, — говорит Жозе, уполномоченный региональной организации компартии. — Во времена Салазара мы проводили в них свои собрания: на виду у всех сидели, так что вне подозрений. Полицейский заглянет, а мы сразу наливаем в стаканы пиво, изображаем хмельные споры, а то и песню какую затынем. Мундир подойдет к стойке, хлопнет стаканчик дармового вина и уходит довольный: пьет деревенские мужики, значит, никакой крамолы на его участке быть не может. Ну а если что серьезнее, трактирщик был свой человек, предупреждал, и мы немедленно расходились по домам...

— Извините за опоздание — дела, — перед нами неожиданно вырастает коренастая фигура Антониу Кабесинья. Он вытирает огромным платком потный лоб, садится за стол, наливает воду, сразу включается в разговор.

Антониу — здешний, из бедной крестьянской семьи. С детских лет батрачил в поле, потому и грамоту постиг лишь к четырнадцати годам. Впрочем, и у Жозе такая же незавидная судьба. Жил всегда впроголодь, вместе с родителями надсаживался на помещичьем поле.

— А как вы в партию пришли? — срывается у меня невольный вопрос.

— Коммунистами стали в армии, когда окончательно прозрели во время войны в далекой Африке, — отвечает Жозе.

Неважно, что один служил в Анголе, другой в Мозамбике. Оба они видели издевательства над африканцами. Оба они не раз хоронили невесту за что погибших в джунглях своих деревенских сверстников — только в одном Балеязо двенадцать парней навсегда остались в африканской земле. Постепенно под влиянием служивших рядом коммунистов крестьянские парни стали менять взгляды на жизнь, на события, участники которых были. Короче, после победы революции в апреле Антониу и Жозе домой вернулись убежденными членами Португальской коммунистической партии.

Балеязо, в провинции Алентежу, вроде бы ничем особым не отличается от сотен других сельских населенных пунктов. Такие же кривые узкие

улучки. Такие же бедные жилища. И все же БалеЙзао знаменит на всю страну. Португальцы узнали о его существовании в 1954 году, когда там произошли необычные для тех времен события.

Тогда, три с лишним десятилетия назад, в душный майский день местные батраки, доведенные до отчаяния голодом и произволом помещика Нунеша, отказались работать на него, потребовав прибавки к мизерной почасовой оплате. «Бунт в БалеЙзао!» — кричал латифундист по телефону, вызывая войска на подмогу. Каратели прибыли без промедления.

— Ну, кто из вас недоволен законом и самыми справедливыми в мире порядками? Кто бунтует против бога, отечества и хозяина, столь уважаемого всюду сеньора Нунеша? — обратился к толпе лейтенант Каражолла.

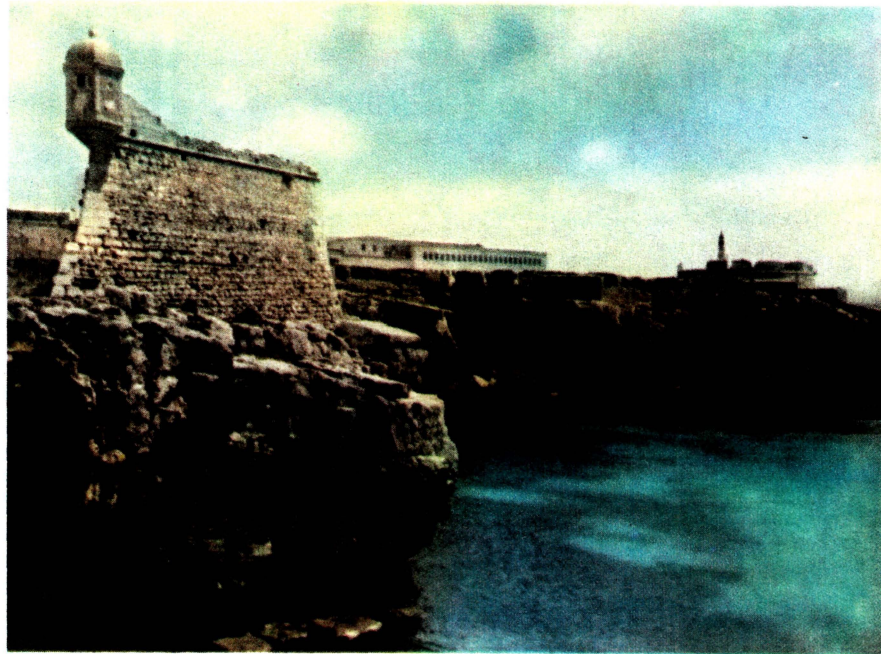
— Нет больше мочи терпеть такое! Наши дети умирают от голода! — смело вышла навстречу офицеру женщина с грудным ребенком на руках. Едва она успела произнести эти слова, как Каражолла хладнокровно выстрелил.

Случилось это возле проселочной дороги. Вместе с Жозе и Антониу мы стоим на месте трагедии. Тогда власти хотели избавиться от мужественной смутьянки, но добились обратного. Здесь, в БалеЙзао, крестьянка по имени Катарина Эуфемия обрела бессмертие, превратившись в национальную героиню. На месте ее гибели сооружен памятник. Монумент имеет форму серпа и молота, столь дорогих для Катаринины символов. Ведь она была коммунисткой. На камне лежат свежие, еще не успевшие поникнуть от солнца алые маки. Жители БалеЙзао помнят отважную односельчанку. Недаром именно здесь, на этой скупой засушливой земле, после революции был создан один из первых в Португалии крестьянских кооперативов. Люди недолго думали, как назвать свое коллективное хозяйство. «Земля Катаринины».

Чез час вместе со своими спутниками я вхожу в шалаш, сооруженный посреди обширной плантации. Во время короткой сиесты сейчас здесь отдыхают члены кооператива. Худощавые мужчины. Женщины в черных фетровых шляпах-шалеу, поверх которых повязаны черные платки. Усталые, с лицами, покрытыми розовой пылью, они едят из котелков принесенную из дома похлебку, запивая ее родниковой водой. О чем-то тихо переговариваются. Неожиданный приход председателя взбудоражил людей, разом породил массу вопросов, как я заметил, тревожных, беспokoйных. До этого Антониу уже рассказывал мне, что последние два-три года дела хозяйства идут далеко не блестяще. Причем сами кооператоры в этом абсолютно не виноваты. Они работают по-прежнему много и упорно. И урожаи получают гораздо выше, чем односельчане-единоличники. Тем не менее «Земля Катаринины» переживает труд-

ные времена. Переживает только потому, что хозяйство стало бельмом на глазу у меняющихся непопулярных в народе правительств.

Аграрная реформа — детище Апреля. В южных районах (только Алентежу занимает 40 процентов тер-

ритории страны) было создано свыше 500 коллективных крестьянских производственных объединений. Земледельцы в короткий срок обработали отобранные у латифундистов угодья и очень быстро стали получать столь отменные урожаи зерна и овощей, что Португалия смогла резко сократить дорогостоящий импорт сельскохозяйственной продукции. Люди получили землю, постоянную работу, перестали зависеть от помещичьей прихоти. Они работали на себя и стали жить намного лучше. Вот и в БалеЙзао исчез вечно витавший призрак голода, появилось электричество, началось сооружение водопровода.

Однако реакция перешла в наступление на одно из самых важных завоеваний революции. Нашлись политики, экономисты, социологи, которые с «научной» точки зрения объявили аграрную реформу «поспешной» и даже «незаконной». Вот почему сегодня у коллективных хозяйств отбирают земли (причем самые лучшие, плодородные), скот, строения, технику. В таких условиях распадаются кооперативы, ибо их просто-напросто душат в смертельных тисках банки, фирмы, занимающиеся переработкой сельскохозяйственной продукции, послушные помещикам местной власти. Однако «Земля Катаринины», как и 350 других хозяйств, продолжает жить несмотря ни на что. Борьба за выживание предстоит тяжелая, затяжная. Об этом и идет речь в просторном шалаше, что вырос посреди плантации.

На Антониу обрушивается град вопросов. Почему у хозяйства продолжают отрезать лучшие угодья? Почему на днях увели с фермы еще десяток коров? Почему конфисковали трактор и два грузовика? Снова голем ходят, почувствовав прави-

В годы фашизма крепость Пенише была превращена в тюремный застенок.

Крестьянка из кооператива «Земля Катаринины» в БалеЙзао.

Свой кооператив рыбаки назвали «Апрель — месяц надежды».

тельную поддержку, окрестные богатеи. Как в былые черные времена вызывают гвардейцев, и те, угрожая оружием, не пускают крестьян на поля, что перешли к ним после Апреля. Может быть, это уже конец? Может, лучше миром разойтись и вернуться к прежнему?

— Ни в коем случае, — горячится Антониу. — Враги только и надеются на то, что мы дрогнем. Да, нам по существу объявляют войну, но мы должны работать еще лучше, держаться еще тверже и все вместе. Подумайте, а как бы на нашем месте поступила Катарина?..

— Да, к этим аристократам на поклон идти нельзя, — говорят крестьяне. — Правы коммунисты, нельзя возвращаться к старому, иначе снова ждут нужда, голод, издевательства и месть сеньоров. Если уж вступили на новый путь, значит, надо идти до конца.

МРАЧНАЯ ПАМЯТЬ ПЕНИШЕ

Сотни лет бьются о кирпичные стены этой крепости океанские волны. Некогда сторожевой форт, в годы фашизма Пенише была превращена в злобный застенек. Сегодня порту-

гальцы приходят сюда на экскурсии: многим, особенно молодым, полезно узнать, что происходило здесь в годы диктатуры. Я прохожу через крепостные ворота не один. Рядом со мной шагает Мануэл Педро, член Центрального Комитета Португальской компартии. С Пенише у него давнее

и горькое знакомство — несколько лет провел он в ее каменном мешке. Я еще до приезда в страну знал одну истину. Если в Португалии встречаешь человека в возрасте моего спутника и знаешь, что в партию он вступил в годы разгула салазаровской тирании, можно даже не спрашивать: он обязательно прошел подполье, тюрьмы, концлагеря.

Память. От нее никуда не денешься. Мануэл может обойти всю территорию Пенише с закрытыми глазами. Сегодня здесь слышится оживленный говор. Совсем рядом шумит пристань, куда вернулись с ночного лова местные рыбаки. А товарищ Педро вспоминает иные дни. Когда он пересекал этот двор в наручниках в сопровождении озлобленных конвоиров. Когда он целые недели, месяцы, годы смотрел на узкую полоску неба через щель оконного козырька.

Мануэл Педро — один из тех, кто всю свою жизнь посвятил борьбе за свободу португальцев. Он шел на риск сознательно, постоянно. Знал, что каждый день, каждый час, каждую минуту его могли арестовать, бросить в застенки, убить.

Ах, память, память... Она хранит все до мельчайших деталей. Каждый смелый поступок товарища. Каждое преступление палачей. Я обратил внимание на то, что в повседневном обиходе португальские коммунисты избегают употреблять такие слова, как «подвиг», «герой». Нет этих слов и в лексиконе Мануэла. Он считает, что всего лишь выполнял свой долг.

— Пенише как зловещему застенку конец был положен Апрельской революцией, — говорит товарищ Педро. — Накануне Первой мая обрел долгожданную свободу и я. То, что мы, коммунисты, здесь увидели и пережили, многократно описано и пересказано. Я тебе хочу сказать совсем о другом. Ведь, по существу, мы сумели превратить страшную тюрьму в

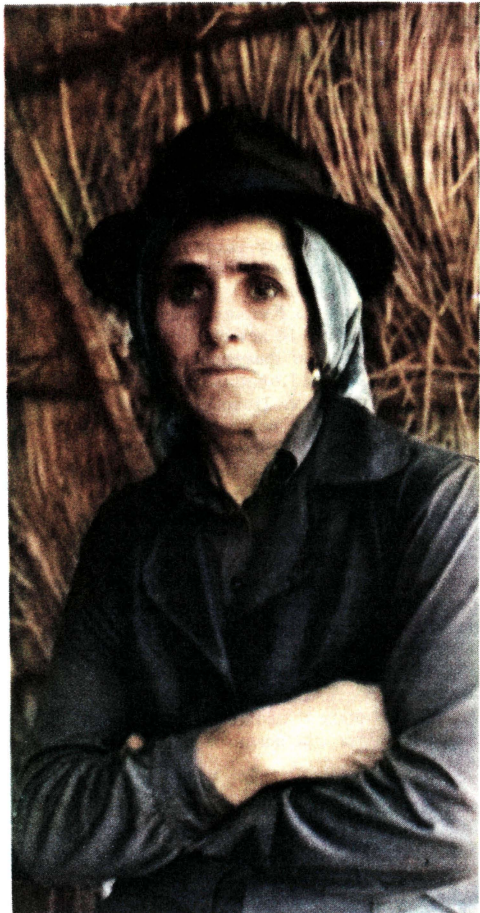
школу борьбы и сопротивления. Тюрма стала продолжением схватки с фашизмом, только в иных обстоятельствах, иными средствами. Нам не разрешали переговариваться между собой, к нам подсаживали «рашадо» — провокаторов, а мы ухитрились проводить собрания, устраивать читку и обсуждение поступающих из Лиссабона подпольных изданий. Тюремщики старались сломить нас, но мы не думали сдаваться. Порой наши товарищи совершали из Пенише удивительные по дерзости побег, как, например, побег группы узников во главе с Алваро Куньялом. Даже в самые тяжелые и, казалось бы, в самые унизительные минуты мы оставались выше, честнее, сильнее тех, кто нас охранял...

ЧЕРНЫЙ ФЛАГ — СИМВОЛ БЕДСТВИЯ

Португальские города как-то сразу покоряют приезжего, создают у него светлое хорошее настроение. Я ловил себя на этой мысли, любуясь нарядами проспектами столицы, бродя затейливыми улочками Коимбры, наблюдая за будничной суетой маленькой рыбацкой Сесимбры, дивясь какому-то поистине женскому очарованию Грандулы — той самой, что дала название гимну свободы Португалии. Мелодия песни «Грандула, моя смуглянка» послужила сигналом к апрельскому выступлению прогрессивных военных.

Взять хотя бы Лиссабон, зеленый, уютный, продуваемый свежими ветрами. Он как будто постоянно готовится к большому празднику. Но однажды июньским утром Лиссабон поразила меня непривычной тишиной. Не было нервного нетерпения машин возле светофоров. Как-то разом стало мало людей вокруг, а те, что шли рядом, не торопились, как обычно. Потом я заметил опущенные решетки на витринах магазинов, увидел застывшие на рельсах пригородные электрички и сообразил, что город охвачен забастовкой. По-настоящему понять ее размах можно было только в рабочих пригородах.

Один из них, Алмада, в получасе езды от центра. Здесь расположена одна из крупнейших в Европе судостроительных верфей — «Лижнаве». Ее ворота наглухо закрыты. Перед ними установлены барьеры и шлагбаумы, возле которых дежурят хмурые пикетчики. У многих поверх синих рабочих комбинезонов на груди и на спине картонки с лозунгами протеста. Сквозь такую стену вряд ли посмеет пройти хоть один штрейкбрехер. Это отлично понимают и полицейские. Их усиленные наряды на автомашинах и мотоциклах приведены в боевую готовность, но черные мундиры держатся в стороне. Эта картина на фоне огромного замершего предприятия выглядит угнетающе. Но есть еще нечто такое, что придает ей даже несколько зловещий вид. Это масса черных флагов. Они висят на заводских воротах, на стрелах замерших кранов,

их держат в руках забастовщики. Такие флаги в Португалии издавна являются символом голода и нищеты, символом социального бедствия. Экономический кризис в стране ощущается постоянно, давая знать о себе закрытием заводов и фабрик, массовыми увольнениями.

— У тружеников «Лижнаве» повод для выступления особенно веский, впрочем, как и на соседней верфи «Сетенави». Почти девять месяцев мы не получаем заработной платы. Никто — ни токари, ни слесари, ни Kranовщики, хотя на работу приходим ежедневно и трудимся, как всегда, исправно до конца смены, — говорит мне Висенте Мерендеш, один из руководителей партийной организации коммунистов на верфи, сам по профессии сварщик. — Дирекция утверждает, что у нее нет денег, что, мол, «Лижнаве», как и все отечественное судостроение, переживает острый кризис. Единственный выход администрация видит в резком сокращении производства с неминуемыми увольнениями. Только все эти разговоры о нерентабельности, предрепродукции для наивных. Наша партия видит, к чему ведут дело реакционеры...

Замыслы правых, надо сказать, предательские не только по отношению к трудящимся, но и ко всей нации. И «Лижнаве», гордость португальского судостроения, и другие крупные национализированные предприятия они хотели бы пустить с молотка, уступить частному, прежде всего иностранному капиталу. Предлог старый — экономический застой, отсутствие заказов, нерентабельность производства. Чтобы пустить на дно предприятия, вырванные из-под власти монополий после апреля 1974 года, правые пытаются взять рабочих измором: уже свыше ста тысяч человек на 700 заводах и фабриках более года не получают ни единого эскудо.

Против подобных планов решительно выступает Португальская коммунистическая партия, подлинная защитница интересов нации в целом и каждого труженика в отдельности. «Лута» — «борьба» — под этим девизом удалось сплотить основную массу трудящихся, каких бы взглядов они ни придерживались, к каким бы политическим организациям ни принадлежали.

Вот отчего полупустым, парализованным выглядел в тот солнечный летний день всегда такой оживленный Лиссабон. Вот почему бросили вызов реакции судостроители. В конце концов последнее слово сказали именно они.

Однажды, подъехав к дому моего давнего друга и коллеги, работающего в Португалии, я столкнулся в подъезде с пожилым подтянутым сеньором. Его оригинальная внешность, монокль в глазу, черный китель с нашивками ветерана от кавалерии сразу напомнили мне...

— Неужели это он?..

— Да, это Спинола, — подтвердил мой товарищ. — Как видишь, мы с

ним соседи. Сейчас он наверняка вернулся с традиционной верховой прогулки...

Уже после апреля Спинола, ставший впоследствии маршалом, страстно рвался в диктаторы, мечтал въехать в Лиссабон на белом коне. Пытаясь потравить своим сторонникам и угодить американцам, он не уставал повторять: «Коммунистическая партия — наш главный враг, и мы поведем против нее наступательную борьбу». Как все это похоже на давние салазаровские времена, когда главари режима обещали навсегда покончить с коммунистами, а заодно «с профсоюзным вольнодумством»! Не удалось!

Вот уж когда на деле проверялась мудрость народной песни:

Чтобы мысль подрубить

под корень,
нет такого мачете на свете...

Компартия оставалась единственной организованной силой подполья. Такого мужественного и надежного союзника с первых минут своего выступления 25 апреля 1974 года получили прогрессивно настроенные военные. Этот союз обеспечил успех «революции гвоздик».

ВСТРЕЧА С ТОВАРИЩЕМ КУНЬЯЛОМ

Прошло более десяти лет с того дня, когда по лиссабонским проспектам ехали на бронемашинах улыбающиеся солдаты. Люди в военной форме, обнявшись, шагали рядом с рабочими. Исчезло разом былое недоверие. Воин и труженик говорили на языке свободы, демократии и солидарности. Рассказывают, что продавщица столичного универмага Селеста Сейруш первая непроизвольно изобрела символ Апреля, опустив в дуло винтовки незнакомого ей солдата алуэ гвоздику. Не знаю, так ли это: мне лично разыскать эту девушку не удалось. Но символ действительно прекрасен, и повсюду в мире португальскую революцию назвали «революцией гвоздик». Эти нежные цветы вручали выходящим из темниц узникам. Они алым дождем сыпались с вертолетов на ликующие толпы горожан. В стране появились даже монументы в виде гвоздик, а дата 25 апреля сразу же гордо вписала себя в название городских кварталов, улиц, площадей, мостов.

Пришла весна давно ожидаемой свободы. Рухнувший ненавистный режим позволял португальцу всего три вида действий. Одно, главное, — это массовое паломничество к деревушке под названием Фатима, где семь десятилетий назад якобы произошло чудо — явление группе неграмотных крестьянских детей святой. Кто-то из взрослых даже ухитрился подслушать ее откровения, которые как две капли воды напоминали проповеди платных пропагандистов режима. Естественно, она утверждала, что все беды идут от «красной России», которую надлежит бояться пуще пламени ада.

А еще позволялось португальцу предаваться народным песнопениям и танцам в дни фиест да кричарь во время футбольных зрелищ. И все. Дальше этого предела человек перешагнуть не имел права. Ничем иным занимать свои мысли не мог. Жить был обязан как повелят. Делать только то, что прикажут.

Коммунисты и сегодня выступают как самые последовательные защитники апрельских завоеваний. Об этом записано во всех важнейших документах ПКП последних лет. Об этом говорили мне мои новые друзья, которым до сих пор крайне трудно, порой по-прежнему с известным риском, приходится работать в гуще народных масс. Особенно нелегко на селе в более консервативных северных районах. На эту тему зашел у нас разговор с Генеральным секретарем ПКП Алваро Куньялом.

Жизнь товарища Куньяла подобна открытой книге. В 18 лет он вступает в партию, которую фактически возглавил с 1942 года. Подполье. Аресты. 14 лет заключения. Потом дерзкий побег из Пеннеше с девятью товарищами в январе 1960 года. Сломить его волю не удалось — во все времена Алваро Куньял оставался негнбимым бойцом за народное дело.

Он принял меня в скромной рабочей комнате, из окна которой видны лачуги обитателей лиссабонского предместья. Почему-то при встрече сразу пришел в голову такой факт: на своем первом после Апреля съезде коммунисты избрали Центральный Комитет в составе 23 человек. За их плечами в общей сложности было свыше 250 лет пребывания в тюрьмах.

— Товарищ Куньял, несколько дней назад на митинге вы назвали ПКП партией правды, надежды, партией настоящего и будущего. Не могли бы вы раскрыть смысл этой характеристики партии?

— Когда я говорю, что ПКП — партия правды, это значит, что партия во всей своей деятельности исходит из реальных фактов действительности, ничуть не приукрашивая ее, нисколько не отходя от истины. ПКП — партия надежды. Трудящиеся на себе испытали все ужасы диктатуры. После 1976 года на их завоевания ополчились все силы реакции. Вот почему народ Португалии рассматривает нашу партию как силу, способную объединить всех демократов и патриотов на защиту Апрельской революции. Коммунистам верят, с ними связывают самые светлые надежды на будущее. Да, мы партия будущего. Мы находимся в постоянной борьбе за демократию и социализм, а социализм — это будущее португальского народа.

— Как бы Генеральный секретарь охарактеризовал своих товарищей по партии?

— В партии сегодня насчитывается свыше 200 тысяч коммунистов, а это не так уж мало для такой небольшой страны, как наша. (Население Португалии 10 миллионов чело-

век.) Считаю, что коллективный образ партии складывается из индивидуальных характеристик каждого партийца. Партия — это большой и сплоченный коллектив, каждый член которого выполняет не только партийные поручения, но и вносит свой вклад в осуществление генеральной линии. Братство, единство, чувство локтя — таковы черты, присущие сегодня моим соратникам.

— А что для вас самого значит партия?

— Это вся моя жизнь...

«В самые трудные моменты моей жизни мне давала силу Советская страна, победы советского народа», — признался мне во время одной из бесед Мануэл Педру. От коммунистов, наших больших друзей, любовь, уважение к СССР передается тысячам португальцев.

Так случилось, что долгие десятилетия наши страны были разъединены не только расстоянием. Сейчас между Советским Союзом и Португалией успешно развиваются экономические, торговые и культурные отношения. На верфях городка Виана-ду-Каштелу я видел суда, строящиеся для нашей страны, был свидетелем бесед советских моряков и местных корабелов. В этом краю, как, впрочем, и в других уголках страны, неизменно ощущаешь интерес жителей к СССР. Многие пронесли чувства к Родине Ленина через десятилетия. Посланцы советских республик частые гости на заводах и в кооперативах. На берегах знаменитых рек Тежу и Дору не раз с успехом выступали самые известные наши артисты, прославленные коллективы.

Залита ярким солнцем, вся в ярком цветении прекрасная португальская земля, одновременно древняя и молодая. В прошлом у нее были мрачные времена, но сегодня португальцы думают о будущем, живут надеждами на новые демократические перемены. Так что я решительно не согласен с теми западными журналистами, которые вроде бы заметили «перерождение» португальского характера, мнимую отрешенность и апатию людей. Точно также явной выдумкой является распространяемое буржуазной прессой мнение, будто бы политическая жизнь страны резко повернула вправо, а средний португалец становится все более консервативным. Дело дошло до того, что корреспондент английского журнала «Экономист», совершивший поездку по Португалии, удивленно воскликнул: «Оказывается, сердце Португалии все еще бьется с левой стороны!»

Я показал эту статью моему знакомому португальскому коллеге. Он улыбнулся:

— А где же ему еще быть, нашему горячему сердцу? Конечно, слева и только слева!

ГРИГОРИЙ ТЕМКИН,
наш спец. корр.
Фото автора

ШАГИ В БЕЗЪЯДЕРНЫЙ МИР

Они прилетели — двести тридцать американцев — почти из всех штатов страны. А мы — двести участников похода из Москвы, Ленинграда, Новгорода, Калинин, Клина, союзных республик, рабочие, преподаватели, артисты, литераторы, студенты, — встречали гостей цветами и словом «Welcome».

Они ручейками просачивались через шлюзы пулковской таможни — веселые и настороженные, усталые и возбужденные; одетые в джинсы и редкой ветхости штаны с заплатами, в майки, футболки с антивоенными призывами, безрукавки, которые у нас считаются предметом нижнего белья; укрывшие шевелюры самых разнообразных фасонов и расцветок — от солнечно-рыжего до иссиня-черного и даже зеленого — под лихо загнутыми полями ковбойских шляп, соломенными сомбреро и сетчатыми капроновыми картузами с яркими эмблемами; увешанные диктофонами, фотоаппаратами, видеокамерами. Двести тридцать — такие непохожие на нас, встречающих в Ленинградском аэропорту, целым океаном деталей, но уже ставшие близкими благодаря нашей общей задаче.

Советско-американский поход за безъядерный мир в совместном марше от Ленинграда до Москвы должен

был доказать, что люди различных культур, возрастов, национальностей, идеологий могут жить и работать вместе на основе общечеловеческих ценностей.

Наверное, не только я — каждый из нас, приехавших и встречающих, внимательно вглядывался в лица, надеясь в пути понять друг друга, обменяться сокровенными мыслями.

Всматриваясь в незнакомые лица, я тоже говорил «welcome» — «добро пожаловать», — жал руки, называл себя в ответ на ничего пока не говорящие мне имена.

РИК ЛАЙФ: «Я ВСЕГДА БЫЛ САМЫМ ОБЫКНОВЕННЫМ АМЕРИКАНЦЕМ...»

Шли четвертые сутки похода. Ленинградское шоссе то отбивало жестким шершавым асфальтом сотни советских и американских подошв, то размачивало их прохладными и обширными, как пруды, дождевыми лужами.

На всем пути вдоль обочин стояли люди, махали руками и флажками, держали самодельные плакаты: «Мы — за мир!», «Не хотим войны!» Стояли и в знойные полдни, и в проливной дождь, чтобы пожать руки, подарить букетик цветов, значок,

открытку. Седые фронтовики выходили к дороге при боевых регалиях, обнимали таких же седых, как они, американских ветеранов и, утирая слезы, повторяли: «Спасибо, ребята!»

В одной деревушке-невеличке на обочине у калитки стояла табуретка. На ней — трехлитровая банка молока, стакан, чашка с шариками засахаренного джема.

— Пейте, дорогие, подкрепляйтесь, — приговаривала древняя, морщинистая, почти неприметная в тени забора, старушка с жалостливо прищуренными голубыми глазами. Плечистый рыжеволосый американец — я знал только, что зовут его Рик Лайф, ему 23 года и что в детстве ему довелось побывать с родителями в Москве, — толкнул меня в плечо:

— Грег, она это продает?

— Она угощает, — ответил я. — Говорит, должно быть, ты устал, и предлагает подкрепиться. Выпей.

Улыбка слетела с лица Рика, вид у него стал растерянный, стакан молока, который я ему налил, он выпил с трудом. Затем сел прямо у калитки на пыльную землю и разрыдался...

— Я всегда был самым обыкновенным американцем, — рассказывал Рик вечером в палатке. — Увлекался футболом и бейсболом, врагами считал красных, учился рассчитывать в жизни на самого себя и далек от всяких миротворцев, охранителей природы и иже с ними. Я рос в семье военного моряка и сам надеялся стать военным. Надеялся втайне: мама и слышать об этом не хотела. Ее отец, мой дед, был штурманом бомбардировщика и погиб в сорок четвертом в Европе. И за моего отца она, и я вместе с ней, тоже очень переживала, когда он уходил в море...

Все изменилось в 1985 году. В руки

мне случайно попал листок — приглашение на Великий марш мира по Соединенным Штатам¹. Цели марша мне тогда были безразличны. Но идея пересечь страну пешком от Тихого до Атлантического океана меня захватила. Подал заявление, его приняли.

На Великом марше я познакомился с удивительными людьми, они предложили мне посещать действующую при марше Академию мира. В противовес военным в этой академии учили миру. После первых полутора тысяч миль я начал сомневаться в том, что прежде казалось несомненным. И стал задавать вопросы. Кому нужны ядерные испытания, если русские ввели на них мораторий? Если все мы против ядерной войны — а я лично не встречал никого, кто был бы за, — то почему на наши палатки иногда летят цветы, а иногда — ракеты из ракетниц? Я не мог по-прежнему все это объяснить советской угрозой и «коварством красных», не мог безоговорочно верить Рейгану, «что русские комми наступают и только и ждут возможности, чтобы захватить нас всех».

Терпеть не могу зиму, но когда узнал, что такое «ядерная зима», я возненавидел войну. За восемь с половиной месяцев марша по Америке из стороннего наблюдателя я сделался убежденным противником ядерных испытаний, гонки вооружений, оружия массового уничтожения.

Чем ближе марш подходил к Вашингтону, тем больше людей присоединялось к нашим колоннам. Но тем

громче звучали голоса скептиков. «Эй, пацифисты! — кричали они. — Нас агитировать против войны легко. Попробуйте-ка поагитировать за мир в России!» И тогда организаторы марша обратились в ваше посольство. Через полгода получили согласие от русских на марш по Советскому Союзу!

Дело стало за организационной работой, отбором кандидатов, сбором средств. И я, как и другие, ходил от двери к двери, от знакомого к знакомому, и говорил: «Готовится поход за мир по Советскому Союзу, мы будем говорить с русскими о мире, о том, что не хотим воевать. Если верите в эту затею, поддержите ее как можете!» В одних домах мне отвечали: «Это очень хорошо — то, чем вы занимаетесь, но я не имею к этому никакого отношения». В других просто захлопывали перед носом дверь. Но в большинстве — желали удачи, брали адрес, а через несколько дней присылали чек — на пять, десять, двадцать пять долларов. За мной одним стоят двести с лишним человек, которые помогли нам, снарядили в поездку.

Самое трудное до посещения вашей страны было собрать деньги на поездку. Самое трудное после возвращения будет заставить своих сограждан поверить в то, во что поверили мы сами, убедить их в искренности и открытости русских. Убедить в том, в чем мы убеждаемся каждый день, каждый час в вашей стране!

— А ты расскажи своим друзьям, — посоветовал я, — что старушку, которая напоила тебя сегодня молоком у дороги, зовут баба Паша. И что на войне у нее погибли муж и сын, что детей у нее больше нет, и на тебя, американца, она смотрела как на

¹ О встрече с его участниками рассказывал в очерке «Пароход мира на Миссисипи» Владимир Шинкаренко. — См. «Вокруг света», 1987, № 3.

сына, и что она не хочет, чтобы в следующей войне погиб ты.

Рик молча выбрался из палатки, постоял у входа.

— Расскажу, обязательно расскажу, — негромко и твердо сказал он. И зашагал на свет костра, где и русские, и американцы завели хоровод.

НАДИН БЛОК: «ГЛАВНОЕ — ВОСПИТАНИЕ УВАЖЕНИЯ К ПЛАНЕТЕ...»

Мы познакомились на речном прогулочном судне в первые дни похода. Американцы ошеломленно бродили по палубе судна, залитой щедрым северным солнцем, от борта к борту, под дружные «ахи» запечатлевая на пленку красоты города на Неве.

Только одна худенькая, невысокого роста американка лет тридцати, встряхнув копной черных мелкозавитых волос, уверенно направилась в капитанскую рубку. Минут через тридцать она спустилась вниз, довольная, сияющая:

— Отличное судно, ничуть не хуже моего «Клируотера». — И она протянула узкую крепкую ладонь. — Меня зовут Надин. А тебя?

Я представился и сразу же не преиначил уточнить:

— У тебя есть собственное судно, Надин?

— Нет, какое там судно, — смеется Надин, — жилья своего и того пока нет. «Клируотер» для меня и работа, и дом. Хожу на нем первым помощником, хотя и имею диплом капитана. Я окончила Корнельский университет по специальности «водная экология и охрана окружающей среды». На нашем судне мы ходим вверх-вниз по Гудзону, учим экологической грамоте, ведем экологические наблюдения, исследования.

Рассказываю Надин о прошлогоднем плавании на шхуне «Полярный Одиссей», об экологической миротворческой экспедиции «Дунай — Лена», которую сейчас проводят мои товарищи по клубу «Путешествия в защиту мира и природы».

— Именно — мир и природа, — поддерживает с жаром Надин. — Есть единая общая проблема выживания человечества, и ее слагают угроза ядерной войны и экологическая угроза. Две неразделимые составные части, две стороны одной медали. Не справившись с одной из этих опасностей, пусть даже при полном успехе в другой, — мы не обеспечим выживания виду «Homo sapiens».

В том, что Надин не просто говорит, но и активно действует, меня убедили не только ее фразы — отточенные, острые, емкие, выдающие профессионализм и полемический опыт. От ее земляков из штата Коннектикут я узнал, что на счету этой молодой американки уже пять арестов за «проникновение в запретную зону» — полицейские власти задерживают тех, кто проникает на территории ядерных полигонов и препятствует проведению испытаний. Надин вместе с другими противниками ядер-

ных испытаний на полигоне в Неваде требовала присоединения США к советскому мораторию.

Активисты организации «Клируотер» — это переводится как «чистая вода» (так же называется и принадлежащее ей учебное исследовательское судно) — вот уже четверть века занимаются охраной природы. В этой организации — более пятнадцати тысяч членов: по представлениям «Клируотер» внесены сотни тысяч долларов штрафов за загрязнение водоемов, десятки фабрик и предприятий вынуждены установить современное очистное оборудование, перейти на безотходные производственные циклы.

— Мы не только рассылаем экологические бюллетени, выступаем по радио, в печати, — говорит Надин. — Мы проводим на берегах Гудзона концерты и фестивали. Традицию эту заложил в конце 60-х годов известный певец Пит Сигер. С тех пор на празднике мы говорим: смотрите, как хорош Гудзон, смотрите, каким отравленным, грязным он был не так давно. И посмотрите, каким он может и должен стать...

Зимой, в межсезонье, Надин занимается изучением экологических последствий ядерной войны для океана. Страшная тема, еще более жуткая потому, что это отнюдь не научная фантастика: обмен ударами по подводным целям, удары из-под воды, отравление акваторий, направленный подводный ядерный взрыв, волна от которого, многократно превосходящая самое мощное цунами, обрушится на берега, на сотни километров захлестнет сушу радиоактивным потоком...

— Надин, — спросил я, — в чем же, по-твоему, решение? В принятии правильных законов, договоров, соглашений? В их четком соблюдении?

Выслушав мой вопрос, Надин кивнула:

— Ты знаешь, я, наверное, несправимая оптимистка: верю, что дела меняются к лучшему. И чувствую, как общественное мнение набирает силу, право физически это ощущаю. В каких-то вопросах у нас в стране мы иногда расходимся, спорим отчаянно, но зато единодушно принимаем девиз нашей организации:

«Мы не получили Землю в наследство от наших родителей,

Мы взяли ее взаймы у будущего наших детей».

ВИКТОР ЧАВЕЗ: «Я ЕХАЛ СЮДА С НАДЕЖДОЙ, УЕЗЖАЮ С УВЕРЕННОСТЬЮ...»

Этот коренастый смуглый крепыш с черными волнистыми волосами до плеч, черными усами и черными, блестящими, как масляни, глазами, почти не участвовал в дискуссиях. Лишь изредка бросал он короткую точную фразу и умолкал, то ли раздумывая над ответами других, то ли задумавшись, как ответить себе самому.

— Слишком многое я пережил в свои тридцать шесть, — ответил он на

вопрос о причинах его неразговорчивости.

Мать Вика была испанкой; ее не стало, когда Вик, младший из шести детей, был совсем крошкой. Отец — индеец-апах, выросли их один. Сколько помнит себя Вик, всегда работал: с пяти лет продавал и разносил газеты, чистил обувь, помогал скотоводам — настоящим ковбоям! — на ранчо, объезжал диких лошадей, участвовал в родео. В 17-летнем возрасте попал в армию, в морскую пехоту. После полугода лет службы в Штатах и на Окинаве, оказался во Вьетнаме. Из «адовой мясорубки», как говорит Вик, через три месяца его, тяжелораненого, вывезли на санитарном самолете. От ранений на всю жизнь остались шрамы на голове и груди. И — ненависть к войне.

После демобилизации Виктор поступил в полицию, в отряд мотопатрулирования.

...Однажды автомобиль угонщика буквально перемешал его плоть с железом полицейского мотоцикла.

— Ты, наверное, видел подобное в гангстерских фильмах, — с горечью говорит Виктор, — выглядит эффектно. Но не приведи господь испытать это в жизни! Я испытал...

Но в разбитом, израненном теле ожил голос — сильный, музыкальный, бархатистый. Не закончив лечение, Виктор Чавез стал брать уроки игры на гитаре, занялся пением. Он исполнял народные баллады и собственные песни в стиле «кантри». Поет о природе, вольных просторах, свободолюбивых людях, которым не нужна атомная бомба, не нужны войны и убийства. Человеку нужен для счастья свежий чистый воздух, напоенный любовью.

За короткий срок песни Виктора Чавеза обрели заметную популярность и в Соединенных Штатах, и за рубежом. У него есть одиннадцать записей и пластинок. Двенадцатый диск — надеется он — будет записан после советско-американского похода за мир.

Мы слышали песни Виктора Чавеза на протяжении всего марша — они звучали на пешеходных переходах, озорные, веселые мелодии «кантри» помогали одолеть усталость. В совместных концертах на биваках мягкий и мощный голос его завораживал пять сотен участников похода, сливаясь с шорохом елей под белыми новгородскими ночами. На антивоенных митингах в Твери и Клину его песням аплодировали тысячи.

На телестудии в Останкине Вик, изменив своему правилу меньше говорить и больше петь, сказал миллионам советских телезрителей: «Мое сердце растворилось в теплоте и открытости советских людей. Ваша искренность, ваша жажда мира и дружбы многое изменили во мне. Я ехал сюда с надеждой, уезжаю с уверенностью...»

Ленинград — Новгород — Калинин — Клин — Москва

ЯМАЛ-ХАРЮТТИ

Человек, о котором мне хочется рассказать, был из беспокойного племени исследователей. Ямал-Харютти — Ямальский житель — такое прозвище получил он от кочевников Ямала. О нем и сейчас помнят на Севере. Председатель самого северного на полуострове сельского Совета Николай Окататта на мои вопросы о Ямал-Харютти и его спутниках ответил коротко: «Эти люди жили на нашем Ямальском полуострове, но трудно о них рассказать».

Что же, может быть, это удастся мне. Ведь я давно иду по следу ямальских экспедиций двадцатых годов. Работал в тундре, расспрашивал людей в поселках, вел поиски в архивах Салехарда, Тобольска, Москвы. Но самая большая удача ждала меня в Свердловске. В семье П. В. Евладова, сына Ямал-Харютти, сохранились письма, карты, старые фотопластинки и, главное, — полевые дневники Владимира Петровича Евладова.

АРГИШ УХОДИТ ОТ ВЕСНЫ

17 марта 1928 года из Обдорска (ныне Салехард), «столицы» западносибирских тундр, выступил на север необычный санный поезд — аргиш — несколько десятков тяжело груженных нарт, нагруженных четверками оленей. Невдалеке двигалось сменное стадо в полторы сотни голов.

По праву проводника экспедиции «нарьяна луце» («красных русских») на передовой упряжке сидел ненец Хэму Хороля. Дорога за Обь была трудной. Олени, исхудавшие от малокормицы на вытоптаных ягельниках окрестностей Обдорска, тянули груз, выбиваясь из сил. Полусгнившая упряжь часто рвалась, ломались нарты. То и дело приходилось останавливаться, перепрягать оленей, ремонтировать нарты, подвязывать и крепить поклажу.

Пять дней спустя, в ночь, близ фактории на реке Щучьей экспедиционный обоз догнали две легкие упряжки. Одной из них правил человек в малице, но из-под ее капюшона поблескивали стекла очков. Для любого жителя тундры этого было достаточно, чтобы понять: перед ним — нездешний, приехал издалека по важному делу. Одним словом — «начальник». Такому сразу нельзя отказывать в просьбе, но и соглашаться со всем сразу тоже не следует, лучше посмотреть, что за человек...

А человек был вот какой. Начальнику Ямальской экспедиции Влади-

миру Петровичу Евладову шел тогда 35-й год. Уроженец Урала, инженер путей сообщения, мичман флота военного времени, он свою молодость прожил непросто, как непроста была в те годы жизнь всей нашей страны.

...В сентябре 1917-го Евладов вступил в партию большевиков и через полгода был делегирован на IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов, где голосовал за ратификацию Брестского мирного договора. Потом дороги гражданской войны привели его на Урал, в Сибирь и в Монголию — там он принимал участие в разгроме банд барона Унгерна.

Вернувшись на родной Урал, Евладов сразу активно включился в работу партийных и хозяйственных организаций Уфы, Челябинска, Свердловска. Но, видно, его призванием была не кабинетная работа...

В свою первую экспедицию на Ямал он ушел в 1926 году в составе лечебно-исследовательского отряда. Экспедиция должна была выработать предложения по организации постоянной медицинской помощи ненцам и хантам.

Вскоре Евладов был включен в состав Комитета содействия народностям северных окраин при Уральском облисполкоме; Уралком Севера являлся местным отделением Комитета Севера при Президиуме ВЦИК, который возглавлял видный деятель партии П. Г. Смидович.

В 1927 году Уральский облисполком принял решение: «Для всестороннего изучения политико-экономического состояния, жизни, быта, обычного права ямальских кочевников, флоры, фауны, оленеводства, пушного и рыбного промыслов, товарно-меновых отношений, производства и потребления, работы торгово-заготовительных организаций направить комплексную экспедицию на Ямальский полуостров сроком на полтора года в составе начальника экспедиции Евладова В. П., охотоведа Спицина Н. Н., товароведа Каргопольцева И. В.». В экспедицию вошли также переводчик Ядопчев М. Ф., практикант Терентьев В. И., пастухи Филиппов, Хатанзеев, Тибичи с семьями. В составе Ямальской экспедиции должен был проводить летние полевые работы и отряд Обдорского ветеринарно-бактериологического института.

Маршрут и план работ был одобрен и одобрен в Свердловске и Москве при участии крупных специалистов по проблемам Севера. И к концу апреля следующего года экспеди-

Владимир Петрович Евладов — начальник первой советской комплексной экспедиции на Ямал и остров Белый.

ция уже затерялась в снегах южного Ямала...

От фактории Щучья санный поезд повернул прямо на север и стал на обычный весенний путь кочевых ненецких хозяйств, которые уже ушли вперед на 100—150 километров. Нужно было убежать и от наступающей весны, от внезапного потепления, вскрытия и разлива рек, которые могли остановить движение экспедиции.

Как ни спешили, но праздник 1 Мая решено было отметить торжественно, конечно, насколько позволяла походная обстановка. Метельный ветер развеивал над чумом, где собрались пастухи, красный флаг. За праздничным обедом Евладов и Спицин вспоминали прежние маевки, рассказывали, как празднуют 1 Мая рабочие в больших городах. И, конечно, шла речь о самой экспедиции. Евладов примерно так говорил пастухам:

— В прошлом году вас переписывали, бумагу делали. Большой выборный начальник посмотрел и сказал — плохо живут самоеды¹, мал приплод оленей, много пропадает, надо искать новые промыслы, надо лекаря послать, пусть смотрит, какие болезни на оленях и как их лечить. Он послал нас еще смотреть, как вы живете, что у вас есть, чего нету... Много ли бедных, нельзя ли моржа и тюленя промыслить и сказать Сеньке и Ар-

¹ Самоеды — устаревшее название ненцев. (Здесь и далее — прим. авт.)

хипу (заведующим факториями.— А. П.), чтобы принимали зверья...

Пастухи внимательно слушали и говорили: «А-а, трам». Так. Важно было рассеять недоверие к экспедиции, чтобы добрые вести о ней бежали впереди аргиша...

5 мая перешли реку Танлова — приток Щучей. Вскоре опять остановка: наступил Егорьев день — праздник пастухов. К тому же начался отел. До реки Юрибей экспедицию вел новый проводник Хот Езынги. Призрак нежеланной весны все время маячил за спиной, снег заметно таял, идти становилось все труднее. «Теперь стало ясно,— пишет Евладов в дневнике,— что попасть на Белый остров так быстро, как я рассчитывал, не удастся».

Эта строка говорит о том, что Владимир Петрович с самого начала экспедиции думал об этом острове, лежащем за проливом Малыгина, совсем близко от материка, и тем не менее практически неисследованном. В 1828 году там побывал штурман Иванов, а в 1908 году — Б. М. Житков, начальник экспедиции Русского Географического общества. Но ни тот, ни другой не смогли подробно изучить и описать Белый: ненцы считали его «святым островом» и делали все, чтобы воспрепятствовать появлению на нем русских. Неудивительно, что остров Белый притягивал Евладова словно магнит...

Стали двигаться ночами — снег был тверже. Но опасность застрять надолго на южном Ямале из-за весенней распутицы оставалась, и это угнетало людей. В эти дни в лагерь экспедиции приехали ненцы Яунгад Хадампи и Олю Окатэтта. Они сказали, что за плату продуктами готовы доставить часть груза экспедиции в район Тиутей-яхи, то есть реки Тиутей (Моржовая), где предполагалось разбить летнюю стоянку. Ранее они отказывались от этого выгодного предложения, откровенно говоря, что у них могут быть неприятности. Ведь они бедняки, а богатые оленеводы могут спросить у них: «Зачем привели сюда русских?» Теперь же согласились. Можно было предполагать, что в отношениях экспедиции с местными жителями наступило потепление.

Освободившись от более чем полутонны груза, отряд стал двигаться быстрее, перешли реку Иоркуту, потом Юрибей. Догадали оленеводов. За Юрибеем ушел на свою «вотчину» Хот Езынги. Нужен был новый проводник, но никто из ненцев не хотел оставлять свое стадо даже ради хорошей платы — ведь в это время отел уже был в разгаре. Однако в гости, прослышав о запасах чая, сахара, масла и о гостеприимстве начальника экспедиции, ехали все.

Сделали несколько переходов без проводника, а затем пошли вместе с кочевым хозяйством братьев Пуйко — Парыси и Нумеда. Нумеда Пуйко оказался бывалым морским охотником и много ценного рассказал о промыслах в Карском море. В кото-

рый раз Евладов подумал тогда, что общение с проводниками, неизбежно менявшимися, что само по себе было затруднительным для экспедиции, имело и свою пользу: они просвещали его, он — их.

В начале июня отряд достиг озера Ней-то. Здесь братьев Пуйко сменил бедняк оленевод Хасовоку Окатэтта. Знаменитое озеро Ней-то, лежащее на историческом пути русских мореходов через Ямал в Сибирь, обходили северным берегом. Обоз медленно и осторожно двигался по глубокому и тесному ущелью, над которым нависли наметы снега, грозя оборваться и мощной лавиной снести людей и оленей. Тут еще стояла суровая зима, воды Ней-то были крепко скованы льдом.

Отряд находился близ «географического центра» полуострова Ямал, координаты — 70° северной широты и столько же восточной долготы. Отсюда на легкой нарте без груза уже можно было достичь Белого острова за несколько долгих касланий, но Евладову хотелось попасть на остров летом, когда никто, кроме ненцев, там еще не бывал. Поэтому ближайшая цель весеннего маршрута оставалась прежней — река Тиутей.

Ушел проводник Хасовоку. Далее экспедицию сопровождал богатый оленевод Мыйти Окатэтта, по прозвищу Чугунная голова. Он отличался высоким ростом, мощным телосложением, а также удачливостью в «оленных делах». С Мыйти сделали несколько трудных кочевков. Евладов пишет: «Днем все время светило яркое солнце, свет сделался невыносимым. Мы шли на север по ночам, а впереди нас перед глазами стояло полуночное солнце». 22 июня отряд почти достиг намеченного рубежа. Измученные люди и олени стояли на водоразделе полуострова Ямал (возвышенность Ямал-хой), у истока реки Тиутей. Отсюда повернули на запад и после нескольких переходов стали лагерем на летовку.

Так, ценой большого напряжения, во многом лишь благодаря помощи ненцев, весенний маршрут был выполнен. За 70 суток сделали 42 перехода. Нужно было дать отдых людям и животным.

Исследовательская работа во время весеннего перехода велась, по словам Евладова, «в ненормальных условиях из-за трудностей пути». Но все же время от времени удавалось делать выезды в ненецкие стада для наблюдения за отелом, было начато заполнение бланков бюджетных хозяйственных обследований, собирались сведения по топографии, топонимике и этнографии, записывались все пожелания и претензии оленеводов.

Побережье Карского моря теперь было почти рядом — в двух суточных переходах от лагеря экспедиции. Весенние морские промыслы уже начались. Для изучения их решено было послать на побережье товароведа Ивана Каргопольцева. Но поездка не удалась. Несколько дней его катали

по разным чумам, не давали ни спать, ни есть и в сильный туман привезли обратно в лагерь. Он рассказал, что об экспедиции вновь ходят нелепые слухи. Говорили, что «началась война, пришел красный отряд отбирать оленей, надо от них скрываться и не пускать их туда, куда они хотят». Старые страхи и обиды были еще живы... Снова главной задачей экспедиции на время короткой летовки стало установление дружеских отношений с местным населением. Опять начались обоюдные поездки в гости, знакомства, расспросы, рассказы, угощение — сахар, масло, баранки и чай, чай, чай...

На лето экспедиция разделилась: южный, ветеринарно-бактериологический отряд должен был работать в юго-западной части Ямала до мыса Марре-сале; северный на главе с Евладовым готовился отправиться на лодке в плавание вдоль берегов Ямала к острову Белому. Встреча обеих групп была назначена на первое октября у озера Ней-то.

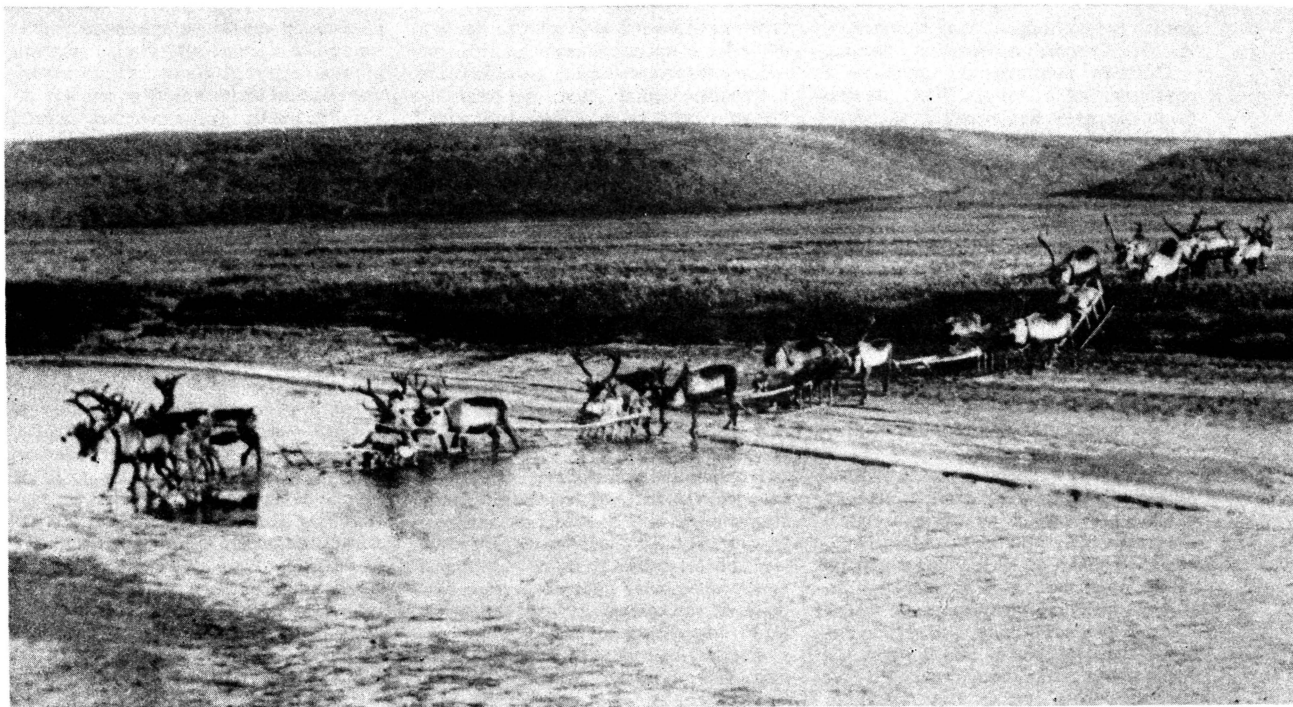
БЕЛООСТРОВСКАЯ ЗАСТАВА

Лагерь экспедиции стоял на «вотчине» Хаулы Окатэтта — опытного морского зверобоя и хорошего оленевода, пользовавшегося большим авторитетом у всего населения Ямала. В 1908 году он, так же как и некоторые другие ненцы Ямала, получил от Б. М. Житкова бронзовую медаль Общества акклиматизации и вот уже 20 лет (!) терпеливо ждал от него якобы обещанную «бумагу», дающую ему право на «управление всеми самоедами». О «бумаге» он напомнил и Евладову.

Северный берег Тиутей-яхи «принадлежал» Сэу Яптику, о котором поговаривали, что он шаман. С ним и с Хаулы Окатэтта и начались переговоры о лодке. Евладов пишет: «Много интересных моментов имели эти и последующие переговоры, прежде чем я получил в свое распоряжение лодку 30-летнего возраста. Еще более того потребовалось «дипломатических подходов», чтобы получить и опытных спутников. Сначала выбор остановился на лодке Хаулы, но она оказалась так стара, что ее начали разбирать. Потом перешли на лодку Сэу Яптика и долго на нее ориентировались, но потом хитрый старик заменил ее лодкой Едайко Яптика».

Проводниками пожелали быть сами Хаулы и Сэу. Само собой, должен был собираться в путь и хозяин лодки. Правда, наиболее опытного шкипера Хаулы Окатэтта одолевали сомнения: он дал «крепкий зарок» никогда не выходить в море после того, как бурей однажды его унесло на Новую Землю. Все же удалось убедить Хаулы, что сопровождение русских избавляет его от клятвы...

26 июня лодка спустилась к устью Тиутей, еще двое суток не выходили в море, ожидая попутного ветра. Это позволило Евладову предпринять несколько маршрутов по мысу Тиутей-

сале, осмотреть жертвенники и землянки «сииртя» — древних морских зверобоев Ямала. Перед выходом в море каждый бросил в воду монетку в дар местному богу моржей. Отказался выполнить обряд лишь охотвед Николай Спицин, чем сразу нашёл себе недоброжелателя в лице старика Сэу, который поделился опа-

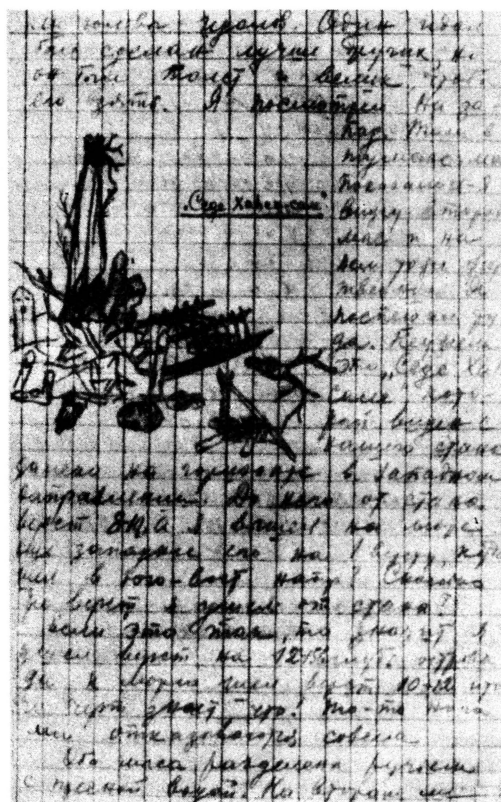
сениями с начальником, что «охотвед Миколаиц не человек вовсе, а... черт!».

Вышли в море. Дул порывистый юго-западный ветер, ледяные поля плавали неподалеку от берега. Лодка несколько раз подходила ко льдам, чтобы запастись пресной водой и подстрелить моржа или тюленя. До

Далеко растянулся аргиш по ямальской тундре...

Страница из дневника В. П. Евладова с рисунком жертвенника на острове Белый.

Памятный знак, поставленный экспедицией на острове Белый.

острова Белый было 500 километров пути.

Плавание длилось 13 суток. 10 августа у устья реки Ептармы их догнали вести о том, что в чуме Едайко Яптика болезнь. Лодку отпустили и перешли на сушу.

К этому времени отношение жителей Ямала к экспедиции вновь переменялось к лучшему. Добрая весть о «красных русских» шла впереди отряда. Везде их встречали дружелюбно. Евладов пишет: «Самоеды Ямала (имеется в виду самая северная оконечность полуострова.— А. П.) давно знали о нашем прибытии, оказывали всяческое содействие, проявляли предупредительность и внимание. Ни тени недовольства приездом незна-

ных гостей, ни тени страха перед «начальством» не наблюдалось. Дети, и те ожидали нас. В одном месте на встречу нам выехал восьмилетний мальчик. Отец его объяснил, что мальчик никогда еще не видел русских и боялся, как бы они не проехали мимо. Он выехал звать нас к себе в гости в чум».

Все складывалось благополучно, но успокаиваться было рано. 15 августа группа Евладова выехала к проливу Малыгина. В ясную погоду с этого места можно разглядеть остров Белый, но в тот день видны были лишь пустынные серо-стальные воды Карского моря под пасмурным небом. Горизонт и остров были закрыты туманом. Добрались до чума Нгедруй

По Карскому морю, вдоль берегов Ямала, экспедиция шла на ненецкой промысловой лодке.

У шкуры добытого дикого оленя.

Ядне, но здесь наткнулись на настоящую «белоостровскую заставу». Ненцы не желали, чтобы пришельцы ступили на их «священную землю». Нужно было преодолеть это сопротивление, но, конечно, не грубым напором. Переговоры Евладова с Ядне — это, пожалуй, один из самых драматических моментов экспедиции. Вот рассказ Евладова об этом: «На мое заявление о поездке на остров Белый Нгедруй Ядне сказал, что лодок нет и ехать нам нельзя. Я почувствовал в его объяснениях явное нежелание пустить нас на остров и решил тактику дипломатии и обходных путей оставить сразу:

— Послушай, вэйсако¹, что я тебе скажу.

— Скажи, послушаю, чего плохого?

— До нас здесь были два русских человека, одного ты не помнишь, а другого знаешь. Обоим этим людям вы не давали проехать на Белый остров. Теперь ты мне говоришь, что нет лодок и я ехать тоже не могу. Большой выборный начальник, который послал нас сюда, велел поехать на Белый остров, и я должен там быть. Будешь ли ты мне помогать или нет — все равно я там буду.

— Как терпишь², если лодок нет?

— Вон у тебя три калданки³ я видел на нартах. Наверное, ты их не пожалеешь, а я свяжу их плотом, поставлю парус и подожду ветра...

— Так не терпишь, вода большая, другого берега не видно.

— Ну, если мы погибнем, тогда нас спрашивать ни о чем не будут. Так мне легче, чем не поехать на Белый. А куда девались три лодки Яптиков и Ямалов?

— Они три дня назад ушли на остров промыслять оленя.

— Почему же не дождались меня, ведь я писал бумагу?

— Бумага прошла хребтом, ко мне не попала, и я не знаю, получили ли они.

— Вэйсако, хитрить со мной не надо. Ты знаешь, песец хитрит, а в слопец⁴ попадает. Хочешь я скажу, почему вы не пускаете нас, русских, на Белый остров?

— Ну, скажи.

— Там, на Белом острове есть у вас главный бог Сэру Ирику — Белый дедушка. Там есть много других идолов, и вы боитесь, что мы потронем, разорим их, а святую землю оскверним своими ногами.

— Как ты знаешь? Этого даже не всякий самоедин знает!

— Я еще много другого знаю, я знаю, как солнце по небу ходит, знаю, почему длинная ночь бывает у вас, знаю, почему ночью свет бывает и многое другое. Ты со мной не хитри, я знаю, что ты думаешь.

¹ Вэйсако — старик (ненец.).

² Ненцы употребляют выражение «терпишь» в значении — можешь, способен, нравится.

³ Калданка — легкая долбленая лодка для переправы через речки.

⁴ Слопец — деревянная ловушка.

— Я-вой, я-вой,— удивленно сказал он, и суевёрный страх мелькнул в его глазах. Он спокойно сидел за чаем, по плечам свисали длинные волосы, свалывшиеся в колтун. Четыре промышленника-сына сидели напротив и хранили молчание, пока отец разговаривал. Женщины суелись у чая, охотовед Спицин с интересом наблюдал эту своеобразную борьбу.

— Вэйсако! Скажи всем, что мы приехали сюда не для богов, а для людей. Богов ваших мы не только трогать, даже смотреть не будем, если по дороге не попадутся. На острове нам нужно посмотреть, много ли диких оленей осталось, долго ли они вас кормить будут.

Много еще было разговоров у нас, пока старик наконец сказал:

— Однако, тебе надо помогать.

— Как будешь помогать, раз лодок нет?

— Одна-то лодка есть, вчера пришла.

— Ну вот, я вижу, что ты настоящий друг, так и скажу большому начальнику.

— Я тебе дам сына, пусть едет с вами. Он все знает на острове, он стреляет хорошо, вот он сидит...»

Итак, лодка получена, а с нею и надежные проводники. Дорога на Белый открыта!

ЗНАКОМСТВО С СЭРУ ИРИКУ — БЕЛЫМ ДЕДУШКОЙ

В тот же день выехали на реку Яхада. Евладов поставил на руле лодки массивную сургучную печать и вдавил серебряный рубль. Это означало, что лодка не может двигаться с места, пока печать не снята. Рубль означал, что с этого момента хозяину будут платить за лодку деньги.

Ночью 20 августа все отъезжающие на остров прошли обряд очищения. Под каждой нартой с сидящим на ней человеком женщина подержала жестянку с дымящимся оленьим салом. Особенно долго окуривали нарты охотоведа Спицина... Через два часа быстрой езды уже были у лодки. Ночь была тихая и без тумана, погода на редкость благоприятная для плавания.

Шли вниз по реке Яхады то под парусом, то на гребях и к утру вышли к устью. Отсюда, с мыса Яхадь-сале, остров Белый был уже хорошо различим. Поставили парус — и к полудню были уже на середине пролива. Вокруг лодки резвились тюлени...

Наконец к вечеру бросили якорь. Через час три чумика стояли на южном берегу острова. Здесь было зелено, в бинокль удалось разглядеть стайку диких оленей, на берегу отпечатались следы белого медведя. Остров производил впечатление заповедника. После чая, перед сном, ненцы предупредили, что винтовки надо всем зарядить и положить около себя, так как белые медведи любят нападать на сонных людей.

С утра ненцы ушли на охоту и с

ними Спицин. Переводчик Ядопчев занялся обедом. Евладов заряжал патроны, готовил фотопластинки, писал дневник. К вечеру он вышел разведать местность. Было тепло. В последний момент все же решил захватить суконную охотничью куртку. С собой взял патроны, фотоаппарат, сумку для дичи и буссоль для собственного спокойствия — профессиональный геодезист, он считал, что с буссолью не заблудится.

Евладов шел, обгибая крупные озера и легко пересекая в броднях мелкие. Мысль о том, что он первый из исследователей проник в глубь Белого острова, заставляла волноваться. Б. М. Житков пробывал на острове, покрытом снегом, с утра до середины дня. Штурман Иванов ездил ненадолго на южный берег для определения широты, а его помощник Рагозин в две коротких поездки нанес на карту линию западного берега Белого до широты 75°25'. Теперь же, опираясь на полное содействие проводников, трех молодых охотников — Паали Ядне, Ули Адера и Табкоче Ямала — можно было оставаться на острове столько времени, сколько понадобится. Снега и льда не было. Остров лежал открытый для исследовательского глаза. Как хорошо быть первым!

Незаметно наплыл густой туман. Пора было возвращаться в лагерь — сумка с подстреленными гагами давила плечи. Евладов повернул к побережью. Сгустились сумерки. От тумана очки Евладова покрылись водой, их пришлось снять. Теперь небольшое озеро казалось безбрежным, кочка чернела горкой...

Ночь опустилась над тундрой, очертания местности еще больше расплывались. Долго Евладов шел не меняя направления, пока не наткнулся на плавник. Море шумело где-то впереди, но его не было видно. Вот наконец и берег.

Через полчаса ходьбы во мгле показались очертания высокого мыса с жертвенником. Что за история? Похоже, следовало двигаться в обратном направлении... Евладов взобрался на мыс. Такого огромного жертвенника ему еще не приходилось видеть. Большая куча оленьих рогов, из которой торчали палки-идолы с грубо вырезанными лицами и пятнами жертвенной крови на них. В самой середине поставлено большое листовничное бревно. Вокруг стояли малые идолы, которые были одеты в специально сшитые малицы и ягушки, здесь же валялись черепа белых медведей. Невдалеке в последних тусклых лучах заката виден был еще один мыс и тоже с жертвенником. Теперь сомнений не было. Это Сидяхаен-сале — «Два святых мыса», о которых Евладов знал по книге Житкова. Значит, до стоянки больше десяти километров. Сколько же он уже прошел? Не менее тридцати, ноги совсем отказывались идти. Он собрал сухого плавника на костер, подумал, не взять ли жертвенную шкуру оленя, чтобы постелить на влажный

песок, но не стал этого делать. Следы сапог выдали бы нарушившего «святое место». Костер весело затрещал. Евладов испек на костре гагу, поужинал и, зарядив ружье жаканом (берег на случай встречи с медведем), лег спать на обрывках старых жертвенных шкур.

Холод не дал крепко уснуть. Лишь забрезжил рассвет, он встал и пошел по берегу к лагерю. Вся одежда была мокрой насквозь, болела натертая нога. Но все же Евладов внимательно осматривал береговые осыпи. Попался лишь кусок хорошего каменного угля.

Наконец солнце показало в тумане свой бледный круг. Евладов взглянул на буссоль, ввел поправку на магнитное склонение и определил время — около шести утра. В лагере уже, наверное, беспокоились. Евладов пошел быстрее, из последних сил, и к полудню вышел на стоянку. Выпив горячего кофе со свежими лепешками, которые испек Максим Ядопчев, он завернулся в малицу и проспал до вечера.

Дальше все пошло гладко. Спицин с ненцами ходил в тундру, проводил учет численности дикого оленя. В один из походов он открыл два больших озера, которые ненцы называли Пага-мал-то («Конец реки Пага озеро») и Нябы-Пага-мал-то («Другой конец реки Пага озеро»). Эти озера Евладов положил на карту по данным Спицина, а по схемам, нарисованным проводниками, нанес и реки, вытекающие из этих озер до впадения их в море.

Потом они занялись съемкой береговой линии, которая не уточнялась более ста лет, со времен описи штурмана Иванова. Расхождения между старой и новой картами оказались значительными. Южный, высокий, берег был изрезан оврагами, далеко уходящие в море мысы разделялись долинами речек и ручьев. Мысы были сложены из песчаника, иногда выходили наружу суглинки, мощные прослойки торфа. Кое-где виднелись складки напластований — видно, остров тревожили геологические сдвиги.

Много интересных сведений приносили вечерние разговоры у костра с ненцами. Белый был необитаем, но южную его часть хорошо освоили жители северной оконечности Ямала. Летом на лодках, а зимой на оленях они пересекали пролив и добывали на острове диких оленей. Это было большим подспорьем в их хозяйстве. Только нельзя было брать на остров женщин и ставить чум — этого не любит хозяин острова Сэру Ирику. На восточный и на западный берега острова ненцы ездили изредка, но на северном не бывали вообще, боялись — «в море волна большая, лодка не терпит». Два главных святых места на острове — Сидя хаен-сале и Вэйсако-хэге, где живет Белый дедушка. С уважением относились ненцы и к «езе-луцем-пя» — железному столбу на мысе Шуберта, который поставили еще участники Вели-

кой северной экспедиции в XVIII веке.

Наконец выпал удобный случай, и Евладов со Спициным отправились на поиски Сэру Ирику. В пути они представляли, что придут к огромному невиданному раньше жертвеннику, но все оказалось проще. На «святом мысу» они нашли лишь небольшую кучу черепов медведей и диких оленей. Посредине стоял идол. Голова и личина его были обработаны более тщательно, чем это обычно делают ненцы. Две ветки с сучками изображали руки. Вокруг воткнуты в грунт сухие лиственничцы. К ним привязаны красные ленточки. Тут же были маленькие идолы-«сядаи», небрежно отделанные и свежеструганные. Никаких следов жертвоприношений путники не заметили. Трудно было объяснить, почему столь ретиво охраняемые Белый дедушка и место его обитания выглядят так скромно...

За неделю все намеченные работы на острове были закончены. Стали ждать попутного ветра. Перед отплытием Евладов с Ядопчевым на месте стоянки на мысе Видя-Вангутте-сале («Двух песцовых нор») поставили памятный знак экспедиции — большое лиственничное бревно на четырех подпорках. Ненцы назвали его «Эвлад-юмб» — «Знак Евладова».

30 августа ночью ненцы разбудили Евладова и сообщили, что «хась тара» — пора ехать. Когда миновали пролив, вошли в устье Яхадь-яхи и поплыли вверх по реке, Евладов заметил далеко на холме треугольник чума старика Ядне. Он вспомнил свои страхи в первый день приезда к проливу Малыгина. Это было полмесяца назад. Вот и Белый остров позади... Это середина пути. Теперь они пойдут на юг, к озеру Ней-то. Оттуда — на Обь, к далекому Обдорску.

В этот день кончилось лето, началась короткая арктическая осень. Впереди было еще восемь месяцев тяжелой походной жизни в тундре.

9 апреля 1929 года Евладов записал в полевом дневнике: «Мы двинулись в последний путь — к Обдорску. Весна уже чувствовалась, хотя снег был крепок и таиние еще не началось. Опять обоз, опять аннасы¹, опять сидение на нарте целый день, опять тысячи мыслей за целый день, как в прошлом году. Но эти мысли уже иные. Позади пройденный годовой путь странной, своеобразной и тяжелой жизни. Вспоминаются мелкие эпизоды, встает перед глазами вся жизнь Ямала в целом. За долгий день обдумываю детали социальных отношений ямальских ненцев, экономические условия их существования, намечаю планы ближайших работ. В это время у меня созрело окончательно предложение организации Надымского совхоза, морской звероубойной экспедиции и др. Чувствую огромное удовлетворение от перенесенных трудностей...»

¹ Аннас (ненецк.) — санный поезд, то же, что аргши.

ВЕЛИЧАЙШАЯ ГАЛАКТИКА

В 1985 году австралийский астроном Д. Малин обнаружил в созвездии Девы неизвестную галактику. Первоначально предполагалось, что это вполне заурядный «карликовый» объект. Однако в мае 1987 года американские ученые установили, что объект находится вне созвездия Девы и примерно в 715 миллионах световых лет от Земли.

Эта спиральная галактика, получившая имя своего первооткрывателя, является самой темной и самой крупной из всех, известных до сих пор науке. Она представляет собой гигантскую систему поперечником 770 тысяч световых лет. Для сравнения: наша галактика Млечного Пути имеет диаметр «всего» 100 тысяч световых лет.

Новооткрытая галактика Малин-1 содержит в своих пределах вчетверо большее количество водорода, чем любая известная современной науке. Светимость же ее в 100 раз меньше, чем в обычных спиральных галактиках.

ПТИЧИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

Как известно, цапли, населяющие Северную Америку и Африку, иногда ловят рыбу на приманку. Но вот недавно японский орнитолог Хироёси Хигучи обнаружил несомненного чемпиона по такому виду лова. Им оказалась зеленоспинная цапля, населяющая заповедник Куамото на юге Японии.

Эта цапля использует в качестве приманки для рыб живых насекомых или листья, веточки, ягоды и даже оставленное человеком печенье.

Более того, орнитологу удалось увидеть, как цапля обрабатывала свои приманки, чтобы сделать их более привлекательными для добычи. Так, подобрав ветку, которая казалась ей великоватой, птица прижимала ее лапой к земле и клювом разламывала пополам. Затем одну половинку она бросала в воду и затаивалась в ожидании неосторожной рыбы. Причем молодые цапли были менее удачливыми ловцами, нежели взрослые. По неопытности они часто забрасывали слишком крупные приманки.

Впрочем, такие вот примитивные орудия труда используют не только цапли. Американский поплазень «обтесывает» кусочки коры и использует их в качестве рычажка для добычи насекомых, а галапагосский выюрок Дарвина обрабатывает колючки кактуса, чтобы выковыривать личинки и насекомых из древесного хода.

ОТКРЫТ ГОРНЫЙ ХРЕБЕТ

Еще в 1901 году геолог Синди Беррард из Картографического управления Индии предположил, что в Центральном Индостане должен быть «захоронен» крупный горный хребет, породы которого создают здесь мощную положительную аномалию силы тяжести.

Длительное время гипотеза оставалась спорной. Но вот группа индийских ученых установила, что в данном регионе существуют связанные между собой инверсии магнитного и гравитационного полей, о которых говорят, в частности, спутниковые данные. Они свидетельствуют о том, что здесь существует древний горный хребет протяженностью 1500 и шириной 300 километров. В районе Амаркантака смещение его геологических слоев вверх достигает 6 тысяч метров над уровнем границы между земной корой и мантией.

Этот куполообразный вытянутый гребень следует параллельно Гималаям. По мнению ученых, хребет образовался в результате столкновения двух континентальных плит — Индийской и Евразийской, которое происходило около 40 миллионов лет назад. В ту далекую эпоху Индийский континент представлял собой жесткий блок земной коры, который перемещался на север. Преодолев расстояние около 9 тысяч километров, он «уперся» в эластичную Евразийскую плиту и глубоко вклинился в нее. При этом к северу от места столкновения возникли гигантские складки Гималайской горной системы, а на юге, кроме образования горного хребта, происходило длительное «сжатие» суши.

МОЛОКО ДЛЯ... МУРАВЬЯТ

Среди муравьев «рабовладение» или, точнее, «животноводство», — явление распространенное. Известно, что они нередко «пасут» тлей, чешуйчатых насекомых, древесных блох целыми стадами и по мере надобности «доят» их. Более того, муравьи не только защищают этот «домашний скот» от врагов, но и нередко строят для него жилища или разделяют с ним свой кров.

Новую особенность поведения муравьев вида плагиилепис обнаружили западногерманские ученые, проводившие наблюдения в сосновых лесах на юге Греции. В октябре, когда эти насекомые совершали брачные полеты, каждая самка держала в мандибулах личинку мучнистого червеца, который нередко служит «домашним животным» у этого вида муравьев.

Затем, когда самка зарывалась в почву, чтобы начать на новом месте еще одну колонию, она вносила в свое жилище эту личинку. Таким образом, «царица» нового муравейника с самого начала уже имела в своем распоряжении «дойных коров» для появляющейся молодежи.

ПУТЕВОЙ ЛИСТ ПОЖАРНОГО ПАНКРАТОВА

В прошлогоднем июльском номере журнала, в разделе «Спутник» рассказывалось о забытых смельчаках — американцах, которые пересекли в 1915 году Аляску на тогдашнем несовершенном автомобиле. Читательский отклик на эту публикацию напомнил о другом забытом рекорде тех лет, установленном нашим соотечественником.

«По улицам Харбина двигалась необычная процессия. Впереди катили три велосипедиста с котомками за плечами, за ними — блестящий трубачи гремели военной оркестр, а дальше — густая толпа. Завистливые восклицания перемежались с трогательными напутствиями родных», — так описал дореволюционный альманах «Глобус» событие, которое происходило 10 июля 1911 года. Трое харбинских спортсменов отправились в путешествие... вокруг Земли!

Инициатором неслыханно дерзко по тем временам путешествия был двадцатилетний Анисим Панкратов — по профессии пожарный, человек недюжинной силы и мужества.

Через тридцать дней три велосипедиста въехали в Читу. Но в дальнейший путь отправился один Панкратов — трудности сломили волю его товарищей.

К середине ноября Панкратов в Москве. Под колесами велосипеда поскрипывает снежок. А до этого — четыре месяца по осеннему бездорожью, по лесным звериным тропам, срезая углы. Тучи мошкар в таежной глухомани. Жители глухих хуторов крестили колесную машину и кричали: «Сгинь, нечистая сила!», а то и швыряли вслед камнями. Не раз насканивали «лихие люди». Но что возьмешь с человека, у которого в карманах ветер? Весь маршрут велосипе-

дист разбил на отрезки длиной 40—50 километров. В конце каждого обращался к деревенским старостам, чтобы те расписывались в его путевом листе, удостоверяя покоренное им расстояние.

Из Москвы в Петербург рекордсмена сопровождал почетный эскорт восхищенных энтузиастов-велосипедистов. А в середине декабря Панкратов пересек западную границу России. В Италии он встретился с А. М. Горьким, который тепло его принял и помог деньгами бедовавшему спортсмену: большую часть пути он питался одним хлебом да водой.

Не всегда Панкратов двигался на велосипеде. Порой велосипед ехал на хозяине. Именно так они перевалили Альпы. Далее рубчатый след шин протянулся через Францию, Испанию, по дорогам Великобритании. Перебравшись через океан, Панкратов пересек Северо-Американские Соединенные Штаты, как тогда называли США. Даже в сибирской глубинке ему не было так тяжело, как там. Позже он рассказывал корреспонденту журнала «К спорту»: «Едешь по дороге, приближаешься к какой-нибудь ферме, а тебя встречают с оружием наготове и заряженными кольтами...»

Спустя два года и две с половиной недели после старта, 28 июля 1913 года, улицы Харбина вновь заполнили толпы — народ восторженно встречал бородатого, запяленного оборванца, имя которого теперь блистало в лучах всесветной славы. Впервые в истории ему удалось замкнуть кольцо велосипедного маршрута вокруг планеты. За время беспримерного велопробега он сменил на своем велосипеде 53 покрышки, 4 седла, 2 руля, 11 цепей и несколько тысяч спиц!

Международный союз велосипедистов удостоил его высшей награды — Бриллиантовой Звезды.

Начало первой мировой войны застало Панкратова в России. Он закончил авиационную школу, сражался на фронте и в 1916 году погиб во время воздушного боя над городом Двинском.

Д. Гиндин,
Ленинград.

НЕ ПУГАЯСЬ ЮПИТЕРОВ

Продолжаем — по просьбе читателей — разговор о тех, кто добывает уникальные кадры в разных концах света.

Недавно французские телезрители были приятно озадачены фильмом режиссера-документалиста Мишеля Тонелли. Он поведал о повседневной жизни бушменов Ботсваны, живущих поблизости от озера Соа. Подробности быта, общения даны такими крупными планами, с таким обилием подробностей, что вопреки очевидности кажется, будто снимались актеры-профессионалы, загримированные африканцами. Какой же секрет знал Тонелли? Почему бушмены у него не боятся камеры, ведут себя с завидной раскованностью?

Сам режиссер объясняет это так: «Прятать камеру, снимать исподтишка — не метод. Это — как видно по многим фильмам — дает поверхностную картину, составленную из подсмотренных обрывков быта, из случайных удач. Я подумал: ведь в обрядах племен есть что-то от спектаклей... И решил: попробую-ка выявить актерские качества в бушменах! Пусть они разыграют перед камерой свою привычную каждодневную жизнь. Вполне сознательно.

В поселке поэтому я не столько снимал, сколько налаживал хорошие отношения с жителями. Они оказались отзывчивы на доброту, доверчивы, старательны, нисколько не агрессивны. Всякую минуту готовы шутить, поддерживать шутку, поцокивая языком. А как только отношения нала-

дились — через много-много дней, — накрутить нужное количество метров пленки оказалось делом терпения и техники.

Наши лампы-юпитеры зачаровывали бушменов. Когда же оказалось, что ночью снопы света привлекают лакомых для них насекомых, нас прищипали к добрым волшебникам. Слова «Внимание, съемка!» понимали уже без перевода — бушмены тут же спешили на положенные места. Текст я не подсказывал, только задавал ситуации — в надежде на импровизацию. И надежда оправдалась. Некоторые совсем обжились перед камерами. Как-то раз, во время страшнейшего ливня, такие энтузиасты несколько часов топнулись возле нашей палат-

ки — в недоумении: чем нам не нравится погода, почему мы не начинаем любопытную возню с черными ящичками и переносными солнцами?»

АКУЛЫ? АКУЛИШКИ!

Когда видишь этот экспонат в нью-йоркском естественнонаучном музее, хочется переименовать в свое время нашумевший фильм об акулодоеде из «Челюстей» в «Челюстишки».

На стене нарисована в натуральную величину двенадцатиметровая доисторическая акула, благо просторный зал позволяет. Перед изображением — макет челюстей, воссозданных учеными. Размеры пасти компьютер вычислил по зубам, найденным палеонтологами в заброшенной шахте штата Северная Каролина.

Вряд ли соотношение величины зубов и размеров тела тогдашних чудовищ существенно отличалось от такого соотношения у акул современных. Недостающие две сотни зубов изготовили из пластмассы. На снимке в разверстых челюстях уместилась вся группа ученых, принимавших участие в реконструкции.

Такие акулищи обитали в морях четыре миллиона лет назад. Невольно задумываешься над тем, каких же размеров добыча плавала в тогдашних океанах, чтобы ее хватало «на зубок» монстру, в пасть которого могла бы проехать малолитражка!

Я. Гольдштейн,
Москва

ПОЛОСАТЫЕ ПОДКИДЫШИ

Тигрица все сильнее чувствовала голод. Совсем отоцали и два пушистых детеныша — какое молоко у голодной матери! Владения тигрицы, в которых она охотилась, подошли к двум деревьям. Тигрица из распадка поднималась на сопку, и дымы, запахи жилья тревожили ее и дразнили аппетит.

Наконец голод пересилил осторожность и страх перед человеком. Тигрица спустилась к деревне, стала кружить вокруг. Дождавшись, когда чернота уссурийской ночи опустилась на тайгу, она прокралась в деревню и задала трех собак. На следующую ночь — еще четырех. Через несколько дней она снова подобралась огородами к избам, перемахнула через высокую изгородь и упала прямо в закут на свиней. Одну успела задавить.

Отчаянный поросячий визг разбудил хозяев. Вспыхнул в окнах свет. На крыльцо выскочили люди, бабахнуло ружье...

Тигрица сделала гигантский прыжок и ушла в тайгу. Но люди понимали: узнав дорогу в деревню, тигрица не оставит их в покое.

Пришлось выследить ее и убить. А двух тигрят принесли в деревню. Ошеломленные чуждой обстановкой, присутствием враждебно пахнущих людей, малыши беспомощно жалелись к крыльцу. И тут к ним подошла хозяйская собака, обнюхала и... легла рядом. Она недавно оценилась, молоко у нее было. Тигрята миглом сориентировались и стали жадно сосать новую мать. Собака восприняла это совершенно

естественно и в дальнейшем кормила и защищала полосатых подкидышей.

Произошло это недалеко от Хабаровска. В такое «усыновление» трудно поверить, но снимок моего знакомого, Виталия Ивановича Беловолова, подтверждает это.

В. Марьин,
г. Хабаровск

В достоверности рассказанного мы не усомнились. Однако возник вопрос: неужели до сих пор жизнь зверя, занесенного в Красную книгу, так дешево ценится? Видимо, были какие-то другие серьезные причины, о которых читатель не рассказал, заставившие жителей деревни пойти на крайнюю меру...

Интересно было бы узнать, что с тигрятами сейчас? Возможно, наши читатели из Хабаровского края расскажут об их дальнейшей судьбе?

В ЧЕСТЬ ИСТОРИКА И ГЕОГРАФА

«Многочисленные потомки немало гордились славою своего предка, но сохранить его могилу не смогли... Так она и затерялась для нас, и мы уже не можем поставить памятника!» — так завершился документальный рассказ Валентина Пикуля «Трудолюбивый и рачительный муж», опубликованный нашим журналом в феврале этого года. Речь шла о знаменитом историке и географе XVIII века П. И. Рычкова. Вскоре мы получили очень порадовавшее нас письмо от заведующей отделом культуры исполкома Бугульминского райсовета К. Нагорновой.

Оказывается, хотя абсолютно достоверное местонахождение могилы П. И. Рычкова и в самом деле не установлено, это не помешало благодарным потомкам бережно отнестись к его памяти. «Дело и имя известного деятеля Петровской эпохи, — пишет К. Нагорнова, — не забыты. Заботами неутомимого краеведа А. В. Ефремова, при поддержке районного отдела культуры, горкома партии и Министерства культуры Татарской АССР изготовлены мемориальные доски и бюст Петра Ивановича Рычкова. Памятник, торжественно открытый в 1985 году, установлен на территории Спасской школы — напротив церкви, где предположительно похоронен Рычков».

ЕСТЬ ИДЕЯ

Сколько километров я на поездах проехал — не сосчитать. Вот и сейчас еду в вагоне, а за окном, как положено, бегут столбы, деревья, дома... Назойливо громко работает радио. Передачи как передачи. Но под стук колес пришла одна мысль... или мечта?

Проезжаем мимо столько поселков, городов, местностей, а что я о них знаю? Что знают о них другие пассажиры? И как было бы славно вместо обычной программы, которую можно и дома послушать, передавать рассказ за рассказом про все те места, которые вот-вот неозорратно мелькнут за окном!

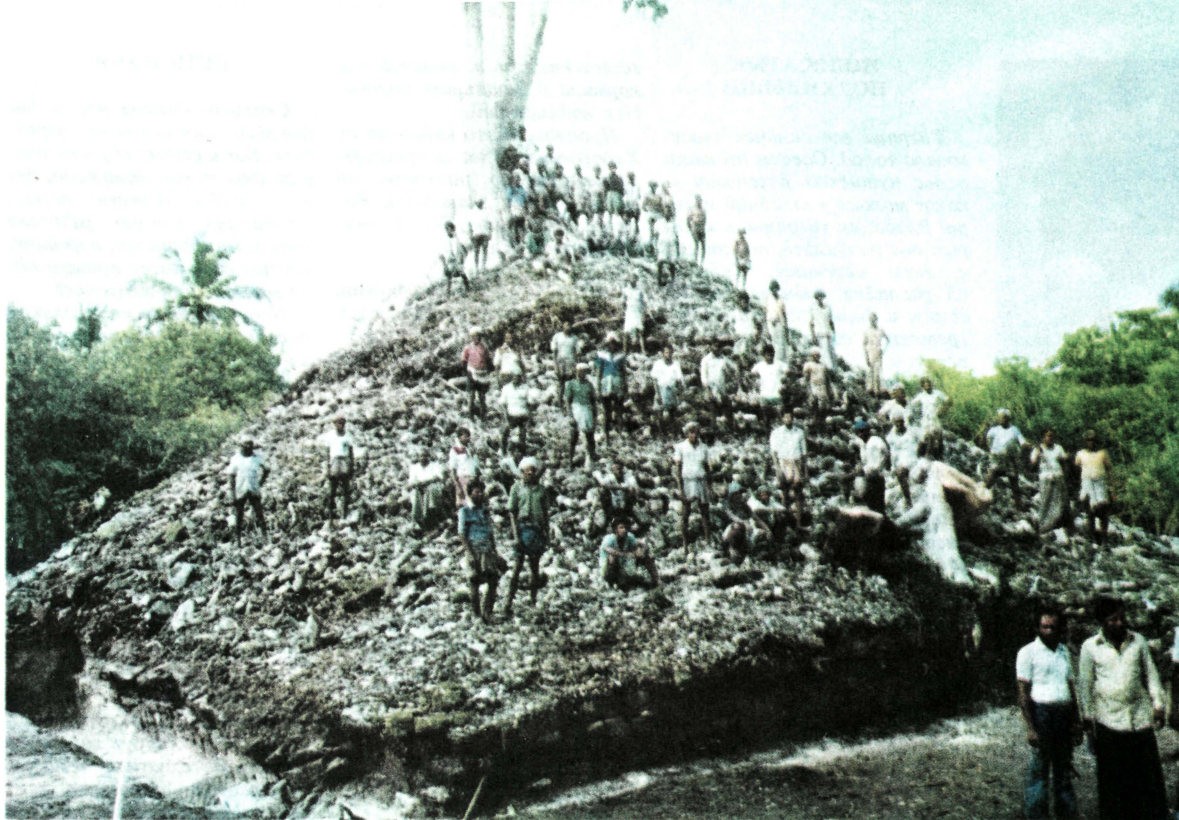
Вообразите: вы лежите на полке, смотрите в окно, а диктор — или писатель, поэт из тех мест, мимо которых как раз проезжает поезд, — интересно и содержательно повествует о том, что бы вы узнали и увидели, сойди вы вдруг с поезда... И так вдруг захочется сорваться, схватить чемодан, задержаться именно в этих местах! Но если даже, поборов соблазн, вы останетесь лежать на полке, то все равно сохраните в памяти услышанное. Рассказывать можно об истории и неповторимости этих мест, о лесах и реках, о народных промыслах и искусствах... Да мало ли о чем может рассказать человек, влюбленный в свой край!

И если это осуществится, у пассажира будет впечатление, что за окном не однообразные пространства, не километры скуки, за окном — Родина.

Анатолий Пикалев,
г. Ленинград

Раздел ведет
В. ЗАДОРЖНЫЙ

ТУР ХЕЙЕРДАЛ

ТАЙНА ТЫСЯЧИ ОСТРОВОВ

О ставив позади узкий пролив, мы плыли по озаренной утренним солнцем мирной лагуне вдоль песчаного берега длинного низкого острова, густо поросшего тропическими деревьями. Только лес — и ни одного дома. Почему-то этот плодородный остров был необитаем.

Назывался он Ган, как и остров с аэропортом по ту сторону Экваториального прохода. Мы решили называть его Гааф-Ган, так как он составлял часть широкого атолла Гааф. В Мальдивском архипелаге есть еще один крупный остров Ган — в атолле Ламу, к северу от прохода Полуостровного градуса. По сведениям, собранным Хасаном Манику, на всех трех одноименных островах находились древние холмы, самый большой — как раз на том Гане, вдоль которого мы сейчас следовали. Жители соседнего острова называют его «Гаму хавитта» — «Холм Гаму», — и высота его достигает почти двадцати метров.

В Мале я спрашивал Манику, почему три крупных острова в архипелаге называются одинаково и что означает слово «Ган»? Он ответил, что «Ган» и «Гаму» — всего лишь две разные грамматические формы одного и того же слова, по-настоящему все три острова должны называться Гаму, причем «гаму» — древнее санскритское слово, означающее «селение». Известно, что в мальдивском языке дивехи много санскритских корней. Но ведь остров, на который мы сейчас смотрели с палубы, был необитаем; странно, что его называли Ган, если это слово означает «селение» или «деревня»...

Узкий пролив, через который из Экваториального прохода в лагуну вторгался накат, отделял Ган от значительно меньшего, густо населенного островка Гаду. В селении, занимающем всю площадь Гаду, теснятся 1600 жителей, на необитаемый Ган они плавают только за пищей.

Мы бросили якорь около Гаду, и местная дхони отвезла нас на берег. Приветливые островитяне отвели нам дом собраний с щедро посыпанным белоснежной коралловой крошкой земляным полом, на котором поставили раскладушки с камышовыми матами.

Первым делом я спросил, почему необитаем большой остров Ган. И с удивлением услышал, что давным-давно на Гане жили люди, но однажды остров подвергся нашествию огромных свирепых кошек. Часть жителей Гана была убита, часть спаслась, уйдя на своих лодках в океан. С той поры на острове никто не селится, и жители Гаду посещают его только днем.

Кошки — единственное домашнее животное на Мальдивах; прежде мальдивцы вообще не знали других наземных животных. Но предание

подразумевало кошек совсем другого рода, это были какие-то демоны в рост человека в кошачьем облике.

По словам жителей Гаду, в лесу на Гане осталось множество руин. Их никто не раскапывал, и там действительно есть большой холм, но его никогда не называли «Холмом Гана», потому что на острове холмов несколько. Самый большой из них, сооруженный в давние времена людьми народа редин, назывался Вадамага хавитта. Все считали, что внутри его спрятаны всевозможные предметы.

Вожди Гаду познакомили нас с высокорослым островитянином, который явно занимал видное положение в общине. Его звали Хасан Манику, как и нашего ученого друга в Мале, и Абдул, чтобы различать их, стал именовать местного Хасана Хозяином Гана. При этом он объяснил нам, что ни один из островов архипелага не находится в чьем-либо личном владении, просто мальдивское правительство разрешило Хасану арендовать Ган. Жители Гаду собирают там кокосовые орехи и отдают одну восьмую сбора Хозяину.

Услышав, что мы мечтаем посетить необычный остров, Хозяин охотно согласился доставить нас туда. С двумя помощниками он повез нас через пролив на маленькой дхони, и вскоре мы вышли на берег Гана.

Около часа длился пеший переход — сначала через травянистую равнину с высокими кокосовыми пальмами, затем по хорошей тропе, окаймленной плотными зарослями. В непролазной чаще совсем рядом могли скрываться не видимые с тропы сооружения. Густое сплетение ветвей, листья и колотеч оставляло проходы лишь для тоненьких ящериц. Зато высоко над подлеском, на макушках деревьев и пальм, висели вниз головой коричневые летучие мыши величиной с кролика. Спугнутые нашими голосами, они улетали прочь, расправив кожистые крылья, словно ведьмы в широких плащах.

Меня изрядно озадачило предание о больших кошках. Никакие тюлени или другие морские животные не могли обратиться в бегство людей, которые смело сражались с самыми крупными акулами. Проще всего посмеяться над этой историей, посчитать ее чистым вымыслом, призванным объяснить, почему Ган безлюден. Однако, беседа с Хозяином и другими жителями, верившими в старинное предание, легко было убедиться, что перед нами не какие-то недоумки, а наследники цивилизации не менее, а то и более древней, чем наша.

Мне вспомнилось, что жители ближайшей большой страны, Шри Ланка, называют себя сингалами — «львиными людьми». На Шри Ланке никогда не водились львы, но сингалы считали своими предками древних мореплавателей из Индии, потомков легендарного правителя-льва. По этой причине они высекали из камня изображения львов и использовали другие символы, в том числе устрашающие маски с кошачьими клыка-

ми, которые надевали как в мирное, так и в военное время.

Конечно же, мальдивцы, никогда не видевшие крупных представителей семейства кошачьих, должны были воспринять львов как «очень больших кошек». И многое говорило за то, что «львиные люди» доходили до Мальдивов. Большую хавитту на Фуа Мулаку Белл определил как разрушенную сингалскую ступу. Отбитая голова Будды и бронзовая буддийская фигурка, которых мы видели в Мале рядом с изображениями демонов и индусской фигуркой, убедительно свидетельствовали, что до мусульман на Мальдивы пришли буддисты (и застали здесь людей, исповедовавших еще более древнюю религию). «Львиные люди» Шри Ланки были ревностными буддистами и ближайшими соседями мальдивцев. Вполне возможно, что именно сингалы в львиных масках и были «большими кошками с моря», чья свирепость заставила население Гана покинуть остров.

Мы продолжали шагать по тропе, когда Хозяин острова вдруг остановился и что-то произнес, показывая рукой на заросли. Абдул перевел: где-то в той стороне, возле другого берега, находятся развалины «буддийского дворца». От него почти ничего не осталось.

Я спросил, были ли редины буддистами. Нет, редины — это те, которые построили хавитты. «Буддийский дворец» был сооружен другими людьми.

Темп нашего движения заметно замедлялся. Пробираясь вперед шаг за шагом, мы любовались отдельными могучими стволами, равных которым нам еще никогда не приходилось видеть в джунглях. С зеленого свода канатами свисали лианы; толстые суцья напоминали полки в цветочном магазине, выстланные мхом с живым орнаментом из орхидей и паразитических папоротников. Было жарко. Жарко и душно. Ветру сюда не было хода. Ничто не нарушало неподвижность листьев безмолвных экваториальных джунглей.

Мы обливались потом и отбивались от комаров. Наконец наши проводники остановились и, указывая на что-то секачами, пропустили меня вперед. Прямо передо мной была сплошная зеленая стена, однако, приглядевшись, я рассмотрел в гуще листья какую-то темную, почти черную массу. Слово кто-то много веков назад нагромоздил здесь гору кокса, обросшую затем мхом и травой.

Гора оказалась очень широкой; шагнув ближе, я увидел, что и справа, и слева за лиственной завесой чернеют камни, одетые мхом. О высоте горы мы не могли судить, так как макушка ее терялась в зеленом покрове леса.

Это была она — большая ганская хавитта. Стоя у ее основания и пытаясь, запрокинув головы, соста-

вить себе хоть какое-то представление о размерах необычного сооружения, мы с Бьёрном не могли удержаться от удивленных возгласов. Потом полезли по камням вверх, в гущу зелени.

Поднявшись вровень с головами людей, стоявших на земле, я наткнулся на извивающиеся среди камней толстые корни. На сплошной, казалось бы, груде камней ухитрилось вырасти могучее дерево. Холм был сложен из грубых обломков известняка и кораллов. На свободных от мха участках некогда белые как снег обломки успели почернеть от времени.

Кладка ничем не была скреплена, и, карабкаясь на четвереньках вверх, мы хватались за стебли папоротника, корни и стволы, стараясь не уронить какой-нибудь камень на головы тех, кто лез следом за нами. Широкие листья облепившего склон растения, похожего на ревеня, ограничивали видимость во всех направлениях; тем не менее, поднявшись над подлеском, я прикинул, что нахожусь примерно на высоте трехэтажного здания.

Тем сильнее было мое удивление, когда я, выпрямившись в рост на вершине холма, обнаружил, что стою между разлапистыми корнями огромного дерева, нисколько не уступающего великанам, которых мы видели внизу. Взявшись за руки, мы едва сумели вчетвером обхватить ствол, величественным шпилем устремленный к голубому небу. Словно сама природа внесла свой вклад в украшение руин внушительного храма.

Мы поискали камни с резьбой, но, помимо могучего дерева, на вершине не было ничего интересного, и мы осторожно спустились по осыпи вниз. Склон был не настолько крут, чтобы камни произвольно скатывались на землю. Напрашивался вывод, что этот холм всегда был таким, каким предстал нашим глазам,— грудой камней, на сооружение которой ушло порядочно физического труда, не что вроде могильных курганов викингов. Но возможен и другой вариант: перед нами остатки ступенчатой пирамиды, чья облицовка со временем обрушилась или была разобрана, после чего холм утратил первоначальную правильную форму.

Вернувшись к подножию искусственного возвышения, Хозяин острова и его помощники сели отдохнуть, весьма довольные результатом экскурсии. Они выполнили свое обещание, привели нас к Вадамага хавитты. И все, больше тут нечего показывать, хоть люди и говорят, будто внутри хавитты лежат всякие ценные предметы. Однако мы отнюдь не собирались ограничиваться беглым осмотром.

Один из островитян принес с собой зеленые кокосовые орехи. Длинным ножом он срубил им макушки, мы с Бьёрном стоя выпили свои порции кокосового молока, после чего стали пробираться в противоположных направлениях сквозь заросли, окаймляющие подножие холма.

Первое открытие не заставило себя ждать: по южному скату холма поднимался пандус четырехметровой ширины. Видимо, он служил лестницей для участников какого-то ритуала, исполняемого на вершине искусственной горы. И мы снова спросили себя: всегда ли этот холм являл собой лишь груды обломков кораллов и известняка или же тут первоначально высилась пирамида с облицованными стенами?

И у северного склона я обнаружил остатки бывшей облицовки — с десятком уложенных друг на друга прямоугольных блоков, поросших мхом. Неожиданностью было и то, что целевшая часть стены образовала прямоугольную линию. Судя по оставшейся кладке, основание хавитты было прямоугольное. Намечалось сходство со ступенчатыми пирамидами Месопотамии, Бахрейна, Омана и доколумбовой Америки, снабженных пандусами.

Взволнованный этим открытием, я позвал Бьёрна, который продирался сквозь чащу с другой стороны, и показал на заинтересовавшие меня камни.

Бесстрастное «ага», услышанное в ответ, заставило меня обернуться, и я увидел, что внимание Бьёрна обращено совсем на другое.

— Что это такое? — воскликнул он.

Я посмотрел влево и вверх, куда он показывал. Из-под корня на нас таранился огромный гриз. В первую минуту я подумал, что это часть каменной скульптуры. Древние солнцепоклонники иногда именно так изображали глаза — высекали концентрические круги, вроде тех, какие можно видеть на наших мишенях для стрельбы. В окружении кустов и папоротников широко открытый глаз казался странно живым, как будто из толщи холма на нас уставился одноглазый гоблин. Четкие рельефные круги были покрыты тонким слоем зеленого мха, одевающего камень так же плотно, как шкура облегает тело животного.

— Что это? — нетерпеливо повторил Бьёрн, заметив, что его открытие ошеломило меня.

— Солнечный символ! — воскликнул я.— Мы прибыли сюда искать у экватора следы солнцепоклонников, и вот тебе искомое. Концентрические круги, обрамляющие центральный диск. Священный символ Солнца, хорошо известный в древней Азии, Африке и Америке.

— Так чего тебе еще надо? — Бьёрн торжествуя хлопнул меня по плечу, громко смеясь.

Спеша разделить наше веселье, островитяне направились к нам, прокладывая секачами путь в зарослях. Вид диковинного камня поразил их меньше, чем нас, и после минутного замешательства они принялись расчищать пространство возле основания хавитты, чтобы мы могли осмотреть все съехавшие с нее камни.

Вскоре возглас одного из островитян привлек наше внимание к прямо-

угольному блоку с уже виденным нами солнечным символом. Еще один такой блок лежал по соседству. Потом я обнаружил изображение несколько иного вида. По бокам солнечных колец торчали три «пальца», как будто солнце снабдили крыльями. Крылатый солнечный диск — распространенный символ верховного божества, бога Солнца, у древних скульпторов Месопотамии и Египта.

Число камней с солнечной символикой множилось. Нашелся даже угловой блок: высеченные на двух соседних гранях рельефы убедительно доказывали, что сооружение было не круглым, а прямоугольным. Выступ на тыльной стороне остальных блоков позволял вставлять их в кладку так, что наружу смотрела слегка выпуклая грань с резьбой. Прием, который широко применяли великие строители пирамид Старого Света и древней Америки.

Продолжая высматривать орнаментированные блоки, я отошел чуть в сторону от подножия холма и наткнулся на маленький бугорок, вершину которого составляли частично засыпанные землей тесаные камни. Такой же бугорок торчал по другую сторону большой хавитты. Первый находился к востоку, второй — к западу от главного сооружения. Видимо, и тут были какие-то постройки; возможно — части храмового комплекса.

В груде камней к западу от холма лежали длинные плоские плиты, на которых искусные мастера вырезали не солнечный диск, а цветки. Солнечные цветки! Рельефные изображения маленьких изящных цветков тянулись в ряд под волнистым краем плит, возможно, служивших частью дверных или оконных перемычек. Цветки чередовались с причудливым символом, он состоял из вертикальных палочек и был очень похож на цифры майя в доколумбовой Мексике, отличаясь от них лишь тем, что палочки помещались по обе стороны точек. Кстати, цветок в качестве символа или орнамента я также видел на древних храмах майя, но еще чаще — в религиозном искусстве индусов.

— Погляди на орнамент «черепаха»! — воскликнул я, показывая Бьёрну на высеченную параллельно цветкам, палочкам и точкам широкую полосу языковидных выпуклостей.

Похуже было, что на камне изображены черепахи щиты с гребнем и задними лапами. Но почему-то не были показаны голова и передние лапы, и, поразмыслив, я понял свою ошибку. Никакие это не морские черепахи, а цветок лотоса, типичный для декора великих древних цивилизаций Старого Света. Еще одно «вещественное доказательство» в мальдивских джунглях! На Мальдивах, в том числе и на этом острове, хватает морских черепах, однако лотос здесь не растет. Как декоративный символ, он представлен в искусстве древнеегипетской, финикийской, месопотамской и индусской цивилизаций. Задолго до того, как лотос про-

ник в Европу и украсил капители греческих колонн, он прочно утвердился в орнаментах культовой архитектуры Ближнего Востока и Юго-Западной Азии, символизируя восходящее солнце.

Солнечные диски, солнечные цветы и цветы лотоса!

Нужны ли еще свидетельства? Все говорило за то, что ни мотивы декора, ни приемы строительства не родились на этом или каком-либо другом мальдивском атолле, — они были ввезены в готовом виде мореплавателями из дальних стран.

Хозяйина острова беспокоила мысль о судьбе обнаруженных нами камней. Все предметы, относимые к языческому наследию, напомнил он, уничтожаются. Что верно, то верно. Лучше всего доставить эти камни в надежное место — музей Мале. Все равно ведь они найдены не там, куда их укладывали строители. Общими усилиями мы отнесли в лодку тринадцать камней, оставив один на следующий день.

Хотя лучи солнца не проникали сквозь лиственный полог, тусклое свечение говорил нам, что светило прошло над хавиттой и склонилось к западному горизонту. Возвращаясь к лодке, мы свернули на боковую тропу, чтобы осмотреть старое мусульманское кладбище. Некоторые плиты в оградах явно были взяты из кладки какого-то более древнего немусульманского храма. Никто не присматривал за могилами; плиты с величественной резьбой и арабскими письменами были либо разбиты, либо наполовину засыпаны землей.

Сразу за кладбищем мы наткнулись на остатки каменного забора. В зарослях кругом были заметны следы обитания.

— Замок буддистов, — сказал Хозяин острова, указывая кивком вправо и влево.

Какое бы строение ни находилось здесь прежде, его тщательно разрушили, и лишь поросшие травой бугорки напоминали о нем.

Мы сели в лодку и пошли на веслах к селению на Гааф-Гаду. Гааф-Ган опять обезлюдел, единственными представителями мира теплокровных животных остались огромные летучие мыши, которые начали летать над лесом.

Вечером вождь селения пригласил нас на ужин. Воздав должное поданным женщинами черепащим яйцам и рыбе с острым соусом, мы вернулись в отведенный нам дом с раскладушками на полу из белой коралловой крошки. Задувая лампу, я успел заметить за двумя незастекленными окнами любопытные физиономии островитян обоих полов и всех возрастов. Должно быть, они еще никогда не видели, как ложатся спать иностранцы. Постепенно их лица смешались с видениями кошачьих людей и редин, и я погрузился в мир снов, и даже тучи комаров не могли извлечь меня оттуда.

На заре меня разбудил заманчивый запах чая и свежих лепешек. Я сел и увидел, что за окнами снова собрались зрители. Собрались снова — или простояли там всю ночь? Кое-как надев штаны, я дал понять, что мне необходимо посетить одно местечко. Через узкую дверь меня провели в защищенный высокой оградой от посторонних взоров маленький сад, где зрели помидоры невиданной величины, и вооружили лапчатым ломом. Сообразив, в чем дело, я выдолбил глубокую ямку — одноразовое отхожее место. Неудивительно, что тут такие помидоры, сказал я себе.

Было еще раннее утро, когда мы, в сопровождении наших вчерашних друзей, втиснулись в лодку и снова взяли курс с перенаселенного Гаду на необитаемый Ган. Благодаря приливу уровень воды в лагуне поднялся, и, работая где веслами, где шестом, мы пошли вдоль берега Гана, намного сократив тем самым вчерашний пеший путь.

Вода была такая прозрачная, что казалось — ничто не отделяет нас от кораллов, едва не царапавших днище лодки. Только в воде они сохраняют свои чудесные краски. Выброшенные на берег белые обломки напоминали мертвые кости, а в воде под нами, на расстоянии вытянутой руки, простирался восхитительный живой сад. Безграничное разнообразие форм и красок... Кораллы, кораллы, сплошь кораллы — не оставалось места ни для плавного качающихся водорослей, ни для мягких актиний. Кораллы круглые, точно яйца или грибы разной величины, кораллы плоские, как поднос, кораллы — словно веера, поставленные в вазу... Но больше всего было искривленных кустиков и изящных канделябров. Все дно лагуны напоминало переливающуюся красками исполинскую палитру. Но если ветер доносил из леса пряные благоухания, то чудо-кораллы, извлеченные из воды, пахли несвежей рыбой. Причудливые коралловые полипы, махавшие нам из своих окошек, были рассчитаны на подводный мир, и разноцветные рыбешки порхали вокруг них, точно бабочки. Более крупные хищные рыбы, словно чувствуя за собой вину, бросались наутек, когда их накрывала тень от нашей лодки. Меня удивило полное отсутствие морских ежей и звезд, которыми обычно изобилуют подводные сады.

Мы сидели, не отрывая глаз от дивных картин, пока лодка не уткнулась носом в известняк. Шлепая по воде, мы вышли на берег, и Хозяин показал нам следы мальчишек, которые, несмотря на ранний час, уже прошли по периметру острова, собирая черепащие яйца. Сегодня как раз был день уборки урожая, и наш друг получит положенную ему одну восьмую сбора — яйца от трех морских черепах. Хозяин предполагал, что их в этот день будет собрано сотни четыре. Ежемесячно на берег Гана выходят 24 черепахи. Они откладывают яйца раз в тринадцать дней, так что в год здесь собирают до 30 тысяч

яиц. Правда, теперь на Мальдивах становится все меньше черепах. Хозяин Гана пометил особи, посещающие остров, считая их чем-то вроде своих кур. На большинстве островов черепах вовсе не осталось, и мальдивцы серьезно обеспокоены тем, что скоро исчезнет один из важнейших в прошлом источников пищи.

— В чем причина? — спросили мы. Тот же вопрос задал я министру рыбного хозяйства потом, когда вернулся на Мале.

Прежде мальдивцы черепах не ловили, собирали только яйца. Но когда лет десять назад сюда докатились волны туризма, возник спрос на сувениры из черепащих панцирей. Туристы платили хорошо, а тут еще мальдивцы, в нарушение старых правил, стали есть мясо черепах. Продажа панцирей была запрещена законом, но изделия из них свободно продавались в Мале. К тому же кому под силу контролировать охоту на черепах на тысяче необитаемых островов?

У дальней кромки пляжа, где начались заросли, мы перебрались через несколько глубоких черепащих гнезд; от них внутрь острова вела едва различимая тропа. Когда она кончилась, два островитянина принялись прокладывать путь секачами.

И вот мы стоим перед Коли Явали — второй по величине хавиттой на Гане. Еще одна груда обломков; не видно ни одного тесаного камня. Без облицовки пятиметровый холм совершенно утратил свой изначальный облик. Правда, на южной грани можно было рассмотреть остатки пандуса. И основание хавитты позволяло предположить, что она была четырехгранная, однако для полной уверенности требовалось произвести раскопки. В нижней части восточного ската находилось заполненное песком углубление, возможно — след какой-то ниши.

Комары быстро прогнали нас обратно на берег, к голубой лагуне, зовущей освежиться купанием. Шероховатое коралловое дно царапало ступни, точно битая посуда, а тут еще пришлось шагать довольно далеко, чтобы войти по колено в прогретую солнцем воду. Мы легли на кораллы, став недосягаемыми для комаров; тем временем Хозяин острова послал своих помощников за камнем с резьбой, который мы оставили накануне.

Около часа лежали мы на колючем матраце, причем тело варилось в воде, а голова поджаривалась на солнце; наконец наши спутники вернулись с камнем. Однако камень был не тот, который мы нашли вчера. На этом обозначенное концентрическими кольцами солнце было крылатым.

Одним словом — новая находка. Уразумев, что они ошиблись, коренные крепыши тотчас вновь углубились в заросли — искать нужный камень. Им были нипочем зной и комары. Когда же они еще через час вышли на берег — каждый нес по камню. Искали один с солнечным

символом, а нашли два. Судя по всему, около руин солнечного храма валялось изрядное количество каменной с этим мотивом.

Вечером второго дня на Гаду нам рассказали о каннибалах. Кое-что об этом мы уже слышали на острове Фуа Мулаку. Копаая яму под фундамент для дома, один из тамошних жителей наткнулся на кучу человеческих костей, и фуамулакцы сочли, что здесь находился «дом костей». На вопрос, что такое «дом костей», нам объяснили: это место, где оставляли кости съеденных людей.

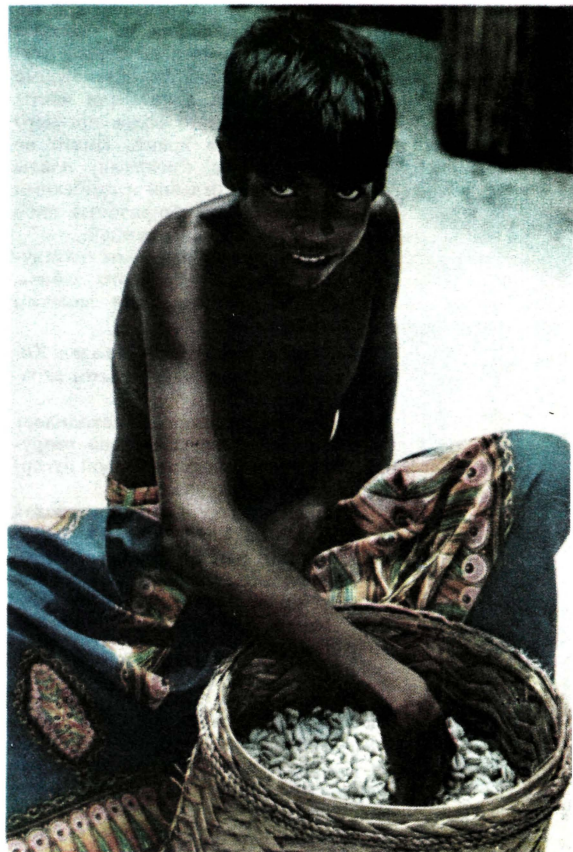
Поедание человеческого мяса несовместимо ни с мусульманской, ни с буддийской религиями, однако нам снова и снова преподносили версию о распространенном в прошлом людоедстве.

Мы услышали длинную историю о десяти островитянах с атолла Адду, которые, сбившись с курса, после долгого плавания очутились в стране Азекара. Здесь они попали в плен, их заточили в большой дом и стали откармливать. Одного за другим пленников куда-то уводили, и под конец остались только двое. Им удалось тайком проследить, какая судьба постигла их последнего товарища: он был отведен в дом вождя и там съеден.

Подкравшись той же ночью вторично к этому дому, они заглянули в окно и увидели, что вождь спит. В очаге, пылающем посреди помещения, лежали два железных прута. Посоветавшись, пленники убили вождя раскаленными прутьями, вылезли через окно и побежали к берегу. Здесь беглецы потеряли друг друга. Один из них, по имени Кирудун Алибея, несколько дней прятался в куче мусора на берегу, а затем, спасаясь от преследования, в конце концов попал к очень хорошим людям, и ему помогли сесть на судно, шедшее в Карачи. После долгих мытарств Кирудун вернулся домой через Шри Ланку и Мале.

Географический круг действий в этом поразительном повествовании поистине огромен, и все же мы не очень удивлялись, ибо уже слышали множество историй о том, как мальдивские суда вплоть до недавней поры ходили во все концы Индийского океана. Другие участники беседы подтвердили, что Азекара — хорошо известное на Мальдивах название далекой страны, которую посещали их предки. Один из наших собеседников считал, что Азекара находится где-то в Индонезии; возможно, в прошлом так называлась вся Индонезия. Наше замечание, что путь домой из Индонезии через Карачи выглядит неправдоподобно, поскольку Пакистан лежит совсем в другой стороне, никого не убедило. Эти люди отлично знали, где находится Индонезия, а где — Пакистан, и продолжали настаивать, что, хотя Кирудун вернулся через Пакистан, с каннибалами он столкнулся в Азекаре.

Многих мальдивцев мы спрашивали, где находилась страна Азекара.

Большинство, как и первый рассказчик, думали, хотя и не брались утверждать, что Азекара — часть Индонезии.

Далекая страна Азекара... Уж не страна ли это ацтеков? Ацтеки все еще практиковали человеческие жертвоприношения и культовый каннибализм на своих солнечных пира-

мидах в те времена, когда на Мальдивах мусульманское население уже давно вытеснило представителей прежних культур. Но дело в том, что Мексика находилась слишком далеко, чтобы можно было проделать обратное путешествие так, как оно описано в предании. Видимо, Азекара лежала где-то у пределов Индийского

ионски в районе хавитты принесли обильные плоды: участники экспедиции нашли обломки статуй и ритуальных предметов, немало камней с солнечными символами.

Раковины каури — в прошлом островная «валюта» — могут многое рассказать об истории Мальдивского архипелага.

Очень важной находкой оказался бассейн, раскопанный на атолле Фуа Мулаку.

океана — либо в Индонезии, как полагали мальдивцы, либо в Восточной Африке.

Позднее мы убедились, что далекая страна Азекара часто упоминается в старинных преданиях на всем Мальдивском архипелаге. В том, что в прошлом совершались плавания

между Мальдивами и Индонезией, сомневаться не приходится. Всем историкам также известен поразительный, хотя еще до конца не объясненный факт, что древние мореплаватели из Индонезии пересекли весь Индийский океан и обосновались на Мадагаскаре, у берегов Восточной Африки. Малагасийский народ и его культура — индонезийского, а не африканского происхождения. А Мальдивский архипелаг лежит как раз на полпути между Индонезией и Африкой.

Разумеется, отнюдь не все мальдивские плавания в дальние страны носили случайный характер. Некоторые потомки древних судостроителей и мореплавателей удивили нас знанием портов на периферии окружаю-

щего их острова океана. Города в Индии, Йемене и Сомали, о которых мы знали только понаслышке, были известны этим наследникам древней цивилизации — и вовсе не благодаря современным средствам информации.

Белл, судя по его запискам, тоже был удивлен. Он цитирует первых европейцев, описавших свою встречу с мальдивцами, — французских братьев Парментье. В 1529 году на кораблях «Пенсе» и «Сакр» они обогнули Африку с юга и вышли к острову Фуа Мулаку в Экваториальном проходе. Приветливый островитянин — видимо, местный вождь или верховный жрец — оказал им радушный прием. В путевых заметках братьев говорится:

«...верховный жрец, человек весьма знающий и учтивый... показал капитану, в какой стороне находятся страны Адам, Персия, Ормуз, Каликут, Мулукве и Суматра; было очевидно, что он хорошо осведомлен и немало странствовал».

Вот какие познания французские современники Колумба обнаружили на крохотном островке в Экваториальном проходе. Каликут — важный порт на западном побережье Индии; Васко да Гама в своем историческом плавании дошел до него всего за тридцать лет до того, как братья Парментье посетили Фуа Мулаку, арабы же еще в VII веке сделали Каликут одним из центров заморской торговли. Ормуз — пролив, соединяющий Аравийское море с Персидским заливом, морские ворота Месопотамии. Страна Адам — прямое указание на Месопотамию, где как христианские путешественники, так и их мусульманские информаторы помещали (у слияния рек Тигр и Евфрат) легендарные сады Эдема. Назвав Суматру и Молукку, мудрый житель Фуа Мулаку обнаружил, что ему были известны индонезийские территории, лежащие так же далеко от Мальдивов, как Персия, Ормузский пролив и страна Адам.

Снова и снова мы убеждались, что европейцы только новички в этом океане. Возвращаясь в Европу с претензией на звание «открывателей» Мальдивских островов, они на самом деле были всего лишь поздними гостями морского султана, обладавшего многовековой историей и традициями мореходства, возраст которого измерялся никем не исчисленными столетиями, а пути охватывали изрядную площадь нашей планеты.

Поздно ночью мы простились с нашими новыми друзьями на Гаду, чтобы идти на Фуа Мулаку. Тяжело груженная дхони повезла нас к стоящему на якоре судну, как всегда битком набитому терпеливо ожидающими пассажирами. Только что над лагуной прошел шквал, и гребная лодка, полная людей и камней с рельефами, с трудом одолевала волны. Подойдя к судну, мы должны были отталкиваться шестами, чтобы пляшущая на гребнях дхони не врезалась

в высокий деревянный борт, и в то же время заботиться о собственном равновесии, передавая мешки с тяжелыми камнями добровольным помощникам, которые распластались на палубе, света нам фонариками.

Наш капитан твердо верил в надежность своего судна, его не страшили ни волнение, ни темнота, и, подняв якорь, мы вышли из защищенной лагуны в коварный Экваториальный проход. Темные очертания суши с двух сторон, гул бурунов на рифах, и вот пролив пройден, мы в открытом море. В три часа ночи мы простились с атоллом Гааф, а уже в десять утра были на знакомой стоянке у южного берега Фуа Мулаку.

На другой день мы пересекли вторую половину Экваториального прохода курсом на Адду-Ган — остров с аэропортом. Отобрав пять лучших образцов облицовочных камней солнечного храма на Гааф-Гане, мы увезли их с собой в Мале. Капитан нашего судна пообещал захватить остальные, когда в очередной раз соберется посетить столицу.

Итак, нам удалось найти то, на поиски чего мы отправились в район Экваториального прохода. После недельного отсутствия мы возвратились в Мале с доказательствами того, что задолго до прибытия арабов на острова у экватора древние солнцепоклонники строили там храмы в честь Солнца. И, кроме них, исламу предшествовала еще одна древняя цивилизация со своей религией. Без сомнения, происхождение мальдивцев было достаточно сложным. Островитяне не раз сменяли веру, прежде чем стали мусульманами.

Мы никак не ожидали, что за дверью кладовки в музее Мале нас ожидают еще сюрпризы. Помогая сторожам укладывать привезенные нами камни с солнечным орнаментом на пол рядом с немусульманскими скульптурами, мы обратили внимание на то, что дверная створка упирается в сваленную в углу груду каменных обломков. Я видел их еще в прошлый раз, но тогда заключил, что это мусор, оставшийся после очередного ремонта. Теперь же мы поднакопили кое-какой опыт, знали, как выглядят куски известняка, которые составляли основу разрушенных храмов, и Бьёрн, нагнувшись, перевернул один крупный обломок.

— Странно... Ого, что это? — бурчал он себе под нос.

На полу перед нами лежал кусок плиты с гладкой отшлифованной гранью, на которой были высечены какие-то символы.

— Иероглифы! — воскликнул я. — Точно, иероглифы. Но отличные от египетских. Зато очень похожие на письмена долины Инда.

Над строкой диковинных знаков тянулась цепочка из свастики — типичного для индской цивилизации символа, который в наше время, в результате использования в нацистской Германии, приобрел дурную славу. В древности в долине Инда свастика символизировала священное

Солнце. Ниже пиктограмм над краем излома выступали контуры большого колеса с множеством спиц: знаменитое солнечное колесо той же цивилизации. Сбоку камень украшала широкая полоса характерных изображений лотоса — еще один древний символ обожествляемого Солнца... Восходящее Солнце... Три варианта солярного символа доминировали на каменной плите.

Однако главное внимание привлекали к себе расположенные в центре пиктограммы. Бросались в глаза морские символы: рыболовный крючок, раковина, две рыбы. Кстати, рыба — один из наиболее употребительных знаков нерасшифрованной письменности долины Инда. Две палки с шипами на концах опять же напоминали рыболовные орудия. Был и еще один типичный для индской письменности знак, похожий на кубок; по мнению ученых, он изображает священный барабан. Срединное место в строке занимал сложный узор — что-то вроде сосуда с узким горлышком, из которого торчали три стрелы с треугольными наконечниками. Стрела — также важный знак в письменности долины Инда.

Цепочка резных знаков обрывалась у отбоя края. Рядом с солнечным колесом помещались еще какие-то непонятные символы. Мы искали в груде обломков недостающие куски плиты, но их там не было.

Когда мы показали этот камень музейным хранителям, они лишь пожалели плечами. Дескать, ничего особенного, какое-то старье, найденное где-то на Мальдивах. Больше они ничего не знали, если не считать, что камень принесли совсем недавно.

Где остальная часть плиты? Недостающие куски?

Они были не в курсе. Между тем, судя по свежему излому, части плиты все еще могли находиться там, где был обнаружен этот фрагмент. Где-то на одном из тысячи островов лежали обломки, позволяющие восстановить всю плиту с письменами.

— Придется организовать экспедицию! — сказал я, отрываясь от созерцания драгоценного образца.

— Никуда не денешься! — рассмеялся Бьёрн.

Мы еще находились под впечатлением от всего увиденного за прошедшую неделю и не успели толком переварить открытие, сделанное за дверью музейной кладовки, когда слух о наших наблюдениях дошел до президента республики.

Вот и вышло так, что камни, привезенные нами в музей с атолла Гааф, из грязных мешков перекочевали первым делом на красный ковер в президентском дворце.

После чего президент, не меньше нас взволнованный нашими находками, предложил мне провести раскопки.

Мне было еще невдомек, что мы потревожили осиное гнездо. Я не уразумел, что мальдивское общество,

с его корнями, идущими к древним цивилизациям, прочно спаянное водно строгими правилами ислама, которые укреплялись в течение восьми столетий консервативного правления султанов, всего каких-нибудь десять лет назад столкнулось с полчищами иностранцев реактивного века. Ворота во внешний мир только что открылись, и молодая демократическая республика уподобилась тиглю, в котором происходила плавка старого вместе с новым. Кое-кто разделял убеждение бывшего султана, что не следует будить спящую собаку, однако была и прогрессивная группа молодых лидеров, желающих познать собственные корни, утвердиться в своей культурной неповторимости, выявить истину о таинственной неписаной истории своего народа. Нам было ясно, что они прочно связаны с арабским миром и признательны ему за религиозный и культурный переворот в знаменательном 1153 году. Однако вместе с тем они прекрасно знали, что народ Мальдивов не только арабского происхождения. Их предки были обращены арабскими мореплавателями в другую веру, но не вытеснены ими.

На другое утро после приема во дворце нам предстояло покинуть Мальдивы, и мы получили подтверждение, что места в самолете забронированы. Однако президент попросил нас задержаться на день в Мале, чтобы я мог выступить с докладом о наших открытиях. По этому случаю местное телевидение отменило передачи, чтобы обеспечить нам полный зал. Вопросы аудитории отражали растущее стремление граждан юной республики узнать, что происходило на их родном архипелаге до периода султаната, о котором они были хорошо осведомлены.

Хавитты, скульптуры, редины — все эти понятия были им известны, но никогда не обсуждались публично. Меня пригласили осмотреть «длинную» статую, пока ее не разбили на мелкие куски. Теперь мне предложили приехать снова, чтобы доискаться до истины о прошлом Мальдивов. Вызов, который надлежало принять. И я принял его.

На следующий день мы с Бьёрном вылетели из Мале. Был конец ноября 1982 года. Я наметил вернуться на Мальдивы в конце января 1983 года с отрядом археологов, чтобы приступить к раскопкам до начала дождей. Дожди начинаются на Мальдивах весной, когда северо-восточные муссоны сменяются юго-западными. Солнце и муссоны направляли древних мореходов в их первых плаваниях в этих районах Индийского океана. Солнце и теперь подсказывало — где, а муссоны — когда лучше всего работать современной археологической экспедиции.

Окончание следует.

ПОТЕРЯННЫЙ ДОМ

«Те, кто полагает, будто «звездные войны» относятся к области фантастики, ошибаются: оказывается, у них уже есть первые жертвы», — так начал свой репортаж корреспондент газеты «Саут Чайна Морнинг пост» Ян Мазер. В этом он убедился сам, посетив «Остров отчаяния». О том, что он видел, как, впрочем, и о самом таинственном острове, затерянном в бескрайних просторах Тихого океана, широкой читательской аудитории ничего не известно. И это вполне объяснимо, поскольку Мазер был лишь третьим журналистом, которому удалось побывать там за последние годы. Столь плотная завеса секретности, окружающая атолл Кваджалейн, как называется это место, связана с тем, что на нем находится секретный полигон, на котором испытываются американские баллистические ракеты МХ и «Трайидент». Точнее, лагуна атолла служит мишенью для межконтинентальных ракет, запускаемых за восемь тысяч километров с базы Ванденберг в США.

Три года назад корреспондент английской телекомпании Би-би-си Крис Шеппард решил снять фильм о гонке вооружений, в частности о ракетах МХ, которые американская администрация громко окрестила «стражами мира». Шеппард начал с Вашингтона. «Здесь моя первая остановка на пути к островам Тихого океана. Я использую ее, чтобы собрать дополнительную информацию, — записал он в дневнике. — Маршалловыми островами, куда входит и Кваджалейн, в министерстве внутренних дел ведаает Фред Зедер. У него репутация человека, неспособного держать язык за зубами. Я на это рассчитывал, но во время нашей встречи присутствовали три помощника. Они буквально не давали ему рта раскрыть, отмечая вопросы, которые, по их мнению, к теме не относятся».

Поэтому английскому журналисту пришлось довольствоваться лишь общими словами. Когда в 1947 году США получили от Совета Безопасности ООН временный мандат на управление Микронезией, они обязались «способствовать политическому, экономическому и социальному прогрессу населения подопечной территории... в направлении к независимости». Этот «прогресс» зашел так далеко, что все четыре «государственных образования»: Содружество Северных Марианских островов, Республика Белау, Федеративные Штаты Микронезии и Маршалловы острова,

на которые разделили подопечную территорию, заключили с США соглашения о «содружестве», или «свободной ассоциации».

— Какова сейчас обстановка на атоллах Бикини и Эниветок, где проводились ядерные испытания? — поинтересовался Шеппард.

По словам Зедера, это было так давно, что не стоит и вспоминать. А как насчет гигантского военного строительства, которое ведет Пентагон в этом районе? Сплошные выдумки и преувеличения, в чем мистер Шеппард может убедиться сам.

— Значит, я могу посетить любое место и даже Кваджалейн?

— Конечно. Кстати, последний я вам особенно рекомендую. Там есть чудесный уголок, остров Эбей, где живут одни туземцы. Это настоящий рай на земле. — Фред Зедер говорил так проникновенно, что у корреспондента Би-би-си не возникло и тени сомнения в его искренности, хотя помощники почему-то с двух сторон довольно бесцеремонно дергали шефа за рукава.

Но прежде чем отправиться в «рай на земле», Шеппард посетил военно-

воздушную базу Ванденберг, не преминув описать этот визит в дневнике: «Отсюда производится запуск ракет МХ, нацеленных на Маршалловы острова. 4.30 утра. Дождь льет как из ведра. Прибыла группа телевизионщиков программы новостей. На мониторе внутреннего телевидения — ворота базы. Демонстранты начали собираться там около шести утра. К восьми на территорию базы доставляют на вертолетах поднятых по тревоге солдат. Команда телевизионщиков носится от одной группы демонстрантов к другой. Те ложатся под колеса машин. Их арестовывают. Большинство лозунгов, написанных на транспарантах, против МХ, против Рейгана, часть — в защиту жителей Маршалловых островов. Совершенно не представляю, что им может грозить».

Неведение корреспондента Би-би-си восполнил в Гонолулу Джифф Джонсон из центра по изучению ресурсов Тихого океана. Речь, оказывается, идет о том, чтобы защитить исконные права островитян от произвола американской администрации. Кваджалейн, объяснил Джонсон, представляет собой ожерелье из девяноста семи коралловых островков, плотным кольцом окружающих огромную лагуну. Самый большой остров носит название атолла. Все остальные почти непригодны для жизни. Когда в 1964 году Пентагон решил разместить здесь секретный полигон, всех жителей Кваджалейна насильственно переселили на крошечный островок Эбей, лежащий дальше к северу. А в 82-м американцы узаконили их изгнание, навязав так называемое «соглашение о свободной ассоциации», которое предоставляет США право пользоваться Кваджалейном в качестве ракетного полигона в течение 50 лет. Мнением островитян никто даже не поинтересовался.

— Но, в конце концов, какая им разница, где жить, на Кваджалейне или Эбее? Мне рассказали, что последний просто райский уголок...

— Слетайте туда и тогда поймете, в чем разница, — загадочно посоветовал Джонсон англичанину.

«Самолет, в котором я летел, приземлился в Маджуро, административном центре Маршалловых островов. В международном аэропорту царит такая же неофициальная атмосфера, как на автовокзале где-нибудь в американском городке на Среднем Западе. Мне охотно рассказали, что атолл Кваджалейн выбран в качестве мишеней, потому что его лагуна мелководна и водолазы легко могут достать со дна то, что осталось от ракеты. Когда производятся запуски, на набережной там поднимают красный флаг и всякое передвижение по лагуне запрещено. Если ракеты прилетают ночью, зрелище потрясающее: они напоминают падающие звезды. Странно, но об Эбее никто ничего толком не знает», — записал в дневнике Шеппард.

Впрочем, ему самому тоже не уда-

лось познакомиться с «райским уголком»: «Полет из Маджуро до Кваджалейна на 50-местном самолете занимает час. Сверху можно хорошо рассмотреть полупария радаров, административные здания и жилые дома. На Кваджалейне меня, по-видимому, ожидали. В самолет заходит небольшого роста коренастый человек из службы безопасности с пистолетом и в зеркальных очках. Он вежливо сопровождает меня к выходу и заявляет, что со мной запрещено кому бы то ни было разговаривать. По прошествии часа он усаживает меня снова в самолет, вылетающий в Маджуро».

Шеппарду дали, как говорится, от ворот поворот, потому что лента, которую он намеревался снять, не устраивала Пентагон. И вовсе не из-за боязни разглашения военных секретов. Истинную причину раскрывает репортаж его коллеги, корреспондента токийской «Майнити дейли ньюс» Апуси Кусе. Как считает японский журналист, ему повезло, поскольку он не стал сообщать американским властям на Гуаме об истинной цели поездки, объяснив, что хотел бы посетить Эбей по заданию одной благотворительной организации.

Получив разрешение, Кусе взял билет на самолет компании «Континентл Майкронезия», который после трех часов полета приземлился на американском военном аэродроме Бухольц на южной оконечности Кваджалейна. После того как пассажиры-американцы покинули салон, немногих оставшихся микронезийцев вместе с журналистом препроводили в автобус без окон, напоминавший тюремный фургон, и доставили на пристань Эко на противоположной стороне острова. Потопрапливаемые сержантом военной полиции, они бегом проследовали на паром, который тут же отчалил.

Кусе знал, что Эбей невелик — километр в длину и несколько сот метров в ширину. Раньше на нем обитало 56 человек. Теперь — около 10 тысяч. Поэтому журналист был готов к тому, что при такой скученности особых красот он не увидит. И все-таки, только попав на Эбей, понял, почему местные жители называют его «Островом отчаяния».

«Когда высаживаешься на пристани в Эбее, прежде всего поражает зловоние, которое исходит отовсюду. В резком контрасте с зеленым Кваджалейном здесь нет ни тропических деревьев, ни зелени. Кокосовые пальмы, панданус, хлебные деревья были вырублены при строительстве жилищ, — рассказывает Кусе. — Рабочий поселок представляет собой цепочку стандартных барачков и неказистых хижин. В каждой комнате ютятся от 10 до 40 человек. Весь остров и даже окружающие его рифы усыпаны битым стеклом, консервными банками, отбросами. На пыльных улицах играют дети, а босоногие малыши роются в зловонных мусорных кучах.

Большая часть сточных вод сбрасывается прямо в лагуну, где обычно купаются островитяне. Даже в официальном отчете указывается, что зараженность воды в ней в 25 раз превышает норму по стандартам Всемирной организации здравоохранения. Из-за страшной перенаселенности и антисанитарных условий на острове свирепствуют дизентерия, гепатит, лихорадка, грипп, желудочные расстройства, кожные и легочные болезни. Весь медперсонал в единственной больнице Эбее — два доктора-филиппинца и один фельдшер-микронезиец, но по истечении двухгодичного контракта они, по-видимому, покинут остров, так как практически не могут оказать никакой помощи. К тому же Эбей испытывает острейшую нехватку питьевой воды, которую примерно дважды в месяц привозят на баржах с Кваджалейна».

И все-таки вашигтонский чиновник Зедер не преувеличивал, говоря, что на атолле есть чудесное место. Он лишь перелугал Эбей с Кваджалейном, где расположена военная база и живет американский персонал. Здесь дома, снабженные кондиционерами, действительно прятуются в тени пальм посреди аккуратно подстриженных зеленых газонов. К услугам американцев прекрасная больница, плавательные бассейны с изумрудной водой, теннисные корты, спортивные городки, бесплатное кино.

Только доступ в этот райский уголок имеют лишь семьсот «счастливых» из местного населения. У них есть пусть самая грязная и тяжелая, но работа. У остальных, загнанных на Эбей, нет ничего, даже надежды, поскольку им запрещено покидать остров без специального разрешения.

Проработавший несколько лет на Эбее доктор Уильям Витарелли рассказал журналисту такую трагическую историю. Однажды во время эпидемии дизентерии на острове кончился раствор для внутривенного вливания. От обезвоживания десятки детей находились в очень тяжелом состоянии. Доктор Витарелли взял одного из них и вместе с матерью на катере поплыл на Кваджалейн. «Однако, несмотря на все мои угрозы и мольбы матери, часовой не разрешил нам сойти на берег, — горестно вспоминает врач. — На обратном пути ребенок умер. В тот же день я еще раз поплыл на Кваджалейн, пошел в госпиталь и объяснил дежурному врачу, что нам позарез нужен раствор для внутривенных инъекций. Но тот отказал. Тогда я отправился на склад медикаментов и украл несколько коробок раствора. Иначе я бы не вынес смерти моих маленьких пациентов».

— Но разве нельзя было поручить купить лекарства тем Эбейцам, которые работают на базе? — удивился журналист.

— О чем вы говорите? Их самих каждый день перед возвращением домой подвергают обыску и отбирают любые продукты и сигареты, приоб-

ретенные на Квадже на их собственные деньги. А если кто-то опаздывает на вечерний паром, американцы сажают его на ночь под замок. Официально это называется «поддерживать образцовый воинский порядок»...

Впрочем, как узнал Кусе, был случай, когда наказанию подверглось все население Эбей. В июле 1982 года кваджалейцы начали операцию «Возвращение домой». Более тысячи человек высадились на островках в запретном районе «центрального коридора» в лагуне в знак протеста против захвата американцами их родного Кваджа. Ракетный полигон оказался блокированным: обстреливать людей не решился даже Пентагон.

Командованию базы был послан приказ любой ценой «утихомирить» демонстрантов. Но отдать его было куда легче, чем выполнить. Американцы бросили за решетку 13 руководителей «Корпорации атолла Кваджалейн». Но микронезийцы и не подумали покинуть захваченные островки. Тогда военные власти стали перехватывать все поставки продовольствия, предназначенные для Эбей. Через четыре месяца начавшийся голод заставил кваджалейцев снять осаду базы. Но, как показали последующие события, они не прекратили борьбу.

Внимание Мазера к атоллу Кваджалейн привлекли три, казалось бы, не связанных между собой сообщения. В первом говорилось, что Пентагону приказано представить список намечаемых испытаний по программе «звездных войн», которые будут осуществлены в соответствии с новой «широкой интерпретацией» Белым домом Договора по ПРО. Во втором шла речь о том, что под дулами автоматов американской военной полиции у паромного причала тихоокеанского атолла Кваджалейн десятый день проводят сидячую забастовку более ста его коренных жителей. Они требуют от Вашингтона вернуть им право жить на земле предков. Наконец, в третьем сообщалось, что сенатор парламента Маршалловых островов Атаджи Балос от имени жителей атолла обратился в Совет ООН по опеке с петицией, в которой призвал срочно направить туда специальную выездную миссию.

Пока на этом тихоокеанском полигоне испытывались только межконтинентальные ракеты. А не собирается ли Пентагон использовать Кваджалейн для опробования оружия, создаваемого по программе СОИ? Если это так, то дело пахло сенсацией. Как бы то ни было, догадку следовало проверить, и корреспондент «Саут Чайна Морнинг пост» решил выехать на место. Правда, американцы разрешили Мазеру посетить лишь соседний Эбей, но большего и не требовалось. Все равно испытания оружия для «звездных войн» скрыть там невозможно.

Доведись журналисту раньше быть на «Острове отчаяния», он бы не обнаружил никаких перемен: все тот

же голый пыльный пяточок, тесно застроенный бараками с крышами из ржавого железа и сколоченными из старых ящиков лачугами. Подобные трущобы Мазер видел не раз, но вот такого количества малышни, которой буквально кишел весь островок, ему встречать не приходилось.

— Сколько же на Эбее детей? — поинтересовался он.

— Тысячи четыре, если не пять, кто знает, — безразлично ответила молодая смуглая женщина с младенцем на руках.

Так состоялось знакомство корреспондента «Саут Чайна Морнинг пост» с Боклангой Дрибо, которая охотно посвятила журналиста в происходящие события, словно заранее готовилась к интервью. Во всяком случае, по части «звездных войн» ее наблюдения давали пищу для раздумий. В последнее время в лагуну стали падать совсем другие ракеты. По ночам зарево от них освещает все небо, а земля под ногами ходит ходуном. А самое главное — американцы начали вести военное строительство еще на трех островах: Комае, Кирене и Меке, откуда она сама родом.

— Поэтому мы послали нашего представителя за океан в ООН, чтобы он попросил другие государства вмешаться и заступиться за нас, — вступил в разговор подошедший старик с седыми курчавыми волосами по имени Хандел, оказавшийся отцом Бокланги и одним из старейшин здешней общины. — Много лет назад, когда американцы уговаривали нас переселиться на Эбей, они обещали улучшить условия жизни, решить проблемы жилья, безработицы, образования. Но обещания так и остались обещаниями. Зато американцы продолжают захватывать один островок за другим. А ведь это исконная земля наших предков. Мы — люди и, как каждый человек, хотим иметь право жить на своей родине. За это мы и боремся...

«Корпорация атолла Кваджалейн» обратилась в федеральный суд США с требованием аннулировать соглашение, на основании которого Пентагон отобрал их землю. Но суд, как и следовало ожидать, отклонил иск. Тогда микронезийцы перешли к действиям — начали систематически устраивать сидячие забастовки и демонстрации протеста. Поскольку паром сопровождали полицейские, пускавшие на борт только тех, у кого висел на шее пропуск с фотографией, островитяне приплывали на Квадж на лодках, которые тут же отсылали обратно, чтобы американцы не отобрали или не поломали их. Во время одной демонстрации «эм-пи»¹ выхватил из рук Бокланги трехмесячную дочь и бросил ее на песок за колючую проволоку, где малютка пролежала два часа на солнцепеке. «Сердце у меня разрывалось, — рассказывала Бокланга, — но ни я, ни мои друзья не унизились перед этими зверями и не стали молить о милости».

Ну а взрослых островитян полицейские нередко лупили дубинками, случалось, сажали за решетку. Потом «эм-пи» вырабатывали свою тактику. Как только лодки причаливали к берегу Кваджа, всем, кто находился в них, надевали наручники, сгоняли на паром и отправляли на Эбей. А без лодок, да еще со скованными руками ничего не сделаешь. Иногда такой «домашний арест» длился несколько дней, пока полицейские не приезжали отомкнуть наручники.

Когда Мазер спросил, что за новое строительство ведется на атолле, то услышал поразившие его вещи. Оказывалось, на одном острове размещен радар «Алтайр», предназначенный для наведения на цель противоспутникового оружия. На острове Мек уже действуют установки для запуска ракет-перехватчиков «Спартан» и «Спринт» для уничтожения в воздухе баллистических ракет. (Позднее Мазеру удалось узнать, что на проведение этих испытаний в рамках СОИ Пентагон выделил 10,14 миллиона долларов.)

Последний раз Бокланга и тринадцать ее родственников высадилась на Меке — раньше островок принадлежал их семье — и стали строить дом. Материалы привозили с Эбей, а сами ютились в палатках. Американцы несколько раз приказывали им убираться отсюда, но микронезийцы отвечали, что это их земля и они вольны делать на ней что хотят.

Прошел месяц, дом был закончен. Затем островитяне решили посадить бананы и кокосовые пальмы. Готовя землю, они приблизились вплотную к бетонному возвышению, на котором стояли пусковые установки. Американцы, видимо, только этого и ждали. По команде офицера человек тридцать солдат набросились на горстку микронезийцев. Их связали, отнесли к лодкам и со смехом, словно мешки, сбросили на дно. Вызванный с базы катер медленно потащил маленькую флотилию на Эбей, давая «пассажирам» возможность наблюдать, как сносят их новый дом.

Но это продуманное издевательство не остановило узников «Острова отчаяния». Вскоре двести человек под предводительством Хандела Дрибо попытались ночью высадиться на Квадже. Но охрана, имеющая прибор ночного видения, не дала им даже ступить на песок. Прикладами и дубинками солдаты сбрасывали людей в лагуну, нимало не заботясь, что среди них были старики, вроде 70-летнего Дрибо.

Тем не менее кваджалейцы, изгнанные со своей земли и живущие в ужасающих условиях, пишет Мазер, не думают прекращать борьбу. Президент «Корпорации атолла Кваджалейн» Имада Кабуа заявил: «Мы не можем предотвратить разработку сверхдальнобойного «звездного оружия». Но мы полны решимости добиться, чтобы наши острова не использовались для этой цели».

По материалам зарубежной печати

¹ МР — военная полиция.

В ПРОПАСТЯХ АРАБИКИ

ВЛАДИМИР КИСЕЛЕВ
Фото автора и ГЛЕБА СЕМЕНОВА

Три новые километровые пропасти открыли спелеологи в горах Западного Кавказа, доведя тем самым число известных глубочайших пещер планеты до двадцати пяти. А ведь на протяжении многих лет в нашей стране знали лишь одну подобную пещеру — Снежную, глубиной 1370 метров. Исследования вновь открытых пропастей продолжаются.

Мы публикуем записки спелеолога, одного из первооткрывателей новых пещер.

ШЕСТЬ ЛЕТ МЫ ШЛИ К ЭТОМУ ДНЮ

«...8 августа 1986 года. Ночью из пещеры поднялись двое из штурмовой четверки — Виктор Яшкин и Николай Боровой, ростовские спелеоподводники. Ребята провели под землей ровно неделю и сегодня уходят на побережье. Через два дня кончается их отпуск.

Первый вопрос к Виктору о сифоне, который остановил нас прошлым летом. То был второй сифон на нашем долгом пути по пещерным ходам. Трижды погружались мы тогда в этот затопленный колодец, так и не обнаружив прохода. До сих пор как кошмар вспоминаю всплытие на ошупь в облаке черной мути, удары каской о нависающие выступы и ниши колодца, запутавшийся вокруг вентиля страховочный провод...

Виктор рисует план сифона, его разрез, объясняет, как надо развер-

нуться, чтобы не застрять с баллонами в одном из сужений. Со второй попытки ему удалось вынырнуть в небольшом озере. Свод грота вновь уходил под воду, продолжая сифон, но дальше не пускал ходовой конец — покрытый полиэтиленом толстый провод. Да и запас воздуха кончался...

Наступает очередь спелеологов из клуба АЗЛК «Москвич». Готовятся Илья Александров, Михаил Дякин и я. Четвертым в группе будет ленинградец Сергей Илюхин.

В одиннадцатом часу мы начинаем медленно подниматься по крутому склону. Жарко. Нас никто не провожает — видимо, немногие верят в успешное завершение работ. Да мы и сами настроены не очень оптимистично. Пока прошлогодний мрачный прогноз специалистов по поводу этой пещеры — «серия сифонов, осложненных завалами» — сбывается».

Такова короткая запись в моем

дневнике, сделанная перед решающим спуском.

Уже который год исследуем мы безжизненные карстовые плато Гагрского и Бзыбского хребтов, таящие в своих недрах пустоты с большими запасами чистой пресной воды, которой так не хватает близлежащим курортам. Именно здесь были обнаружены три глубочайшие пропасти. Две из них находятся в массиве со звучным именем Арабика (по названию одной из вершин). Первая пещера — Куйбышевская, ее исследовали куйбышевские и киевские спелеологи; вторая — пещерная система имени Владимира Илюхина. О ней и пойдет рассказ.

Сейчас кажется невероятным, что за долгие годы исследования Арабики грот, который хорошо просматривается с поверхности, не был замечен. Лишь в 1980 году экспедиция московских спелеологов прокопала привходовую снежную пробку, обнаружив за ней широкую галерею с глубоким колодцем.

1981 год принес разочарование — подземный ручей, наша путеводная нить — исчезал на дне очередного колодца, просачиваясь сквозь колоссальный завал из глыб и щебня. Глубина 287 метров никого не могла утешить. Тогда мы еще не знали,

что назовем это место «старое дно» и что вообще вся пещера напоминает ветвистое дерево — столько у нее ходов, ответвлений, галерей! Лишь на следующий год, обнаружив второй ход и обследовав несколько боковых галерей, спелеологи поверили, что это еще не конец пещеры. Штурмовые группы сумели пробиться до глубины 600 метров.

Пещерной системе, в которой было уже обследовано почти три километра галерей и колодцев, спелеологи присвоили имя своего учителя, профессора Владимира Валентиновича Илюхина. Он погиб в автомобильной катастрофе, когда ему исполнилось 48 лет. Это случилось в Гантиади, при возвращении из экспедиции 1982 года, заставившей поверить, что продолжение у пропасти есть. В этот район Владимир Илюхин верил. И первые выезды на Арабику организовывал еще в начале 60-х годов, когда спелеология у нас только становилась на ноги. Трудно сказать, где Илюхин был более известен: среди физиков-кристаллографов или спелеологов. Сотни научных публикаций и книги по спелеологии, многочисленная методическая литература по пещерному туризму — людям, незнакомым с его работоспособностью и талантом, трудно было представить такой темп жизни... Благодаря стараниям Владимира Илюхина советские исследователи пещер сумели создать свою национальную ассоциацию, принятую в 1978 году в Международный спелеологический союз. Стоит ли говорить, что при выборе названия новой пещерной системы спелеологи были единодушны...

В 1984 году настроенные на покорение километровой глубины исследователи неожиданно, на отметке 970 метров, были остановлены полностью затопленной галереей — сифоном. На следующий год спелеоподводники прорынули этот глубокий сифон (потом он стал числиться под номером один), но вскоре остановились перед новым препятствием. Лето 1986 года должно было быть решающим — сумеем ли мы преодолеть магический километр?

ЛАГЕРЬ 600. ЗНАКОМЫЙ, НО ОПАСНЫЙ ПУТЬ

«8 августа. Запакованный в четыре слоя защитной одежды, изнемогающий от жары, лежу на приводевом снежнике. Дефицитная вода появляется лишь на глубине 160 метров. Даже в карбидку приходится временно бросить кусочек снега. Подождав ребят, забираю свой мешок с фотоаппаратурой и ухожу вниз.

Большая наклонная галерея встречает прохладой. Температура здесь никогда не превышает одного градуса. В средней части галереи начинается ниспадающий уступом ледник. Крупные кристаллы голубого льда переливаются под лучом фонаря. Спускаюсь по веревке к основанию ледника. Наверху колодца мы с Ильей поджидаем Сергея и Мишу.

В уходящей со дна колодца галерее легко заблудиться. Отсюда начинают расходиться известные нам «ветви» пещерной системы. Но все ли ответвления удалось обнаружить? Это покажет время. Пока же мы устремляемся в ход, с которого можно попасть как на «старое» (глубина 287 метров), так и на «основное» (970 метров) дно. Притормаживая о свод сапогами, скатываемся по крутопадающим скальным плитам, обрывающимся метровыми уступами в водобойные ямы с жидкой глиной...

Мы на глубине 320 метров. Под нами 107-метровый отвес. Вниз уходят металлический трос, веревка и телефонный кабель. Пристегиваюсь карабином и осторожно перебираюсь к краю колодца. «Пошел!» Спуск на 13-миллиметровой веревке изматывает больше, чем подъем...

Через сорок метров — перестежка, на узкой наклонной полочке перецепляюсь на другую веревку.

— Наверху! Навеска свободна! — улетает в пустоту мой приглушенный водопадом крик. Тело, пережатое ремнями обвязок, уже не в силах терпеть пытку. Но торопиться опасно. Сильно растянувшаяся веревка и так приближает дно с пугающей быстротой. Притормаживаю, гася ускорение и получая в лицо веер грязных брызг. Отдышавшись, начинаю принимать спускаемые сверху мешки. Гулкий рикшот срываемых ими камней заставляет поминутно прижиматься к стене...

Помню, когда мы проходили этот участок впервые, я с трудом разобрал доносящийся сквозь гул далекого водопада крик Виктора Яшкина: «Сифон!» Неужели дно этого колодца — конец наших мечтаний и прогнозов? Спускаюсь, чтобы убедиться в этом самому. Появившийся ручей исчезает в неглубокой луже, над которой нависает резко снизившийся свод. Классический на вид пещерный сифон. Но, встав на колени, замечаю, что свод на два сантиметра выше уровня воды: полусифон! Зажгутовав гидрокостюм, опускаюсь в лужу. Сняв каску и задержав дыхание, скребусь носом о потолок. Ноги упираются в стену. Складываясь наподобие перочинного ножика и оказываясь в небольшой камере. Вода через трещину уходит вниз. Справа идет вверх труба, по которой продираюсь до отвесного колодца. Есть продолжение! Лишь годом позже был найден обход этой ледяной купели.

Сейчас эти участки пещеры, пройденные неоднократно, не вызывают чувства опасности. Правда, под землей подобная самоуспокоенность не раз сурово наказывалась...

«9 августа. Вот и лагерь 600. Прикрытая блестящей пленкой палатка придает лагерю фантастический вид. Более прозаично выглядят «столовая» с большой плоской глыбой, окруженной камнями-сиденьями.

Пока не нарушен микроклимат зала, делаем замеры высокоточным термометром. Температура воды и воздуха в среднем плюс 2,5°C. Во

время остановок и в узловых точках с помощью альтиметра делаем еще замеры абсолютной высоты над уровнем моря. В базовом лагере находится контрольный альтиметр, а также установлены самопишущие термограф и барограф. Полученные данные, откорректированные по телефону, помогают уточнить достигнутую глубину.

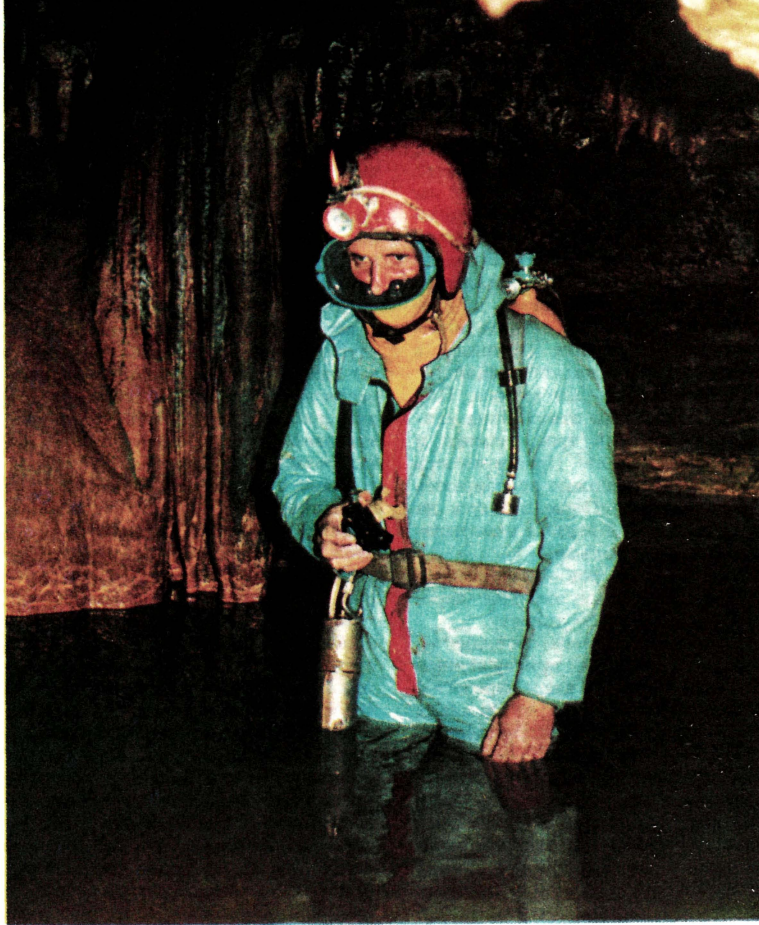
Попав в пещеру, мы живем как бы в вертикальном измерении: отметка глубины говорит обо всем. Даже время здесь, в мире без солнца, физически не ощущается — то сжимается при прохождении колодцев, то растягивается, когда ползем по длинным галереям...

После ужина залезаем во влажные спальные мешки. Долго ворочаясь, пытаюсь согреться, «вписываясь» в сложный узор глыб, на которых лежит тонкий теплоизолирующий коврик...

Миша встает первым и, запалив карбидку, хлопочет на кухне. Лампа отбрасывает на стену зала огромную тень. Все звуки приглушены шумом водопада. Сегодня мы не спешим: ожидаем, когда шестеро наших товарищей закончат киносъемку у сифона и поднимутся в лагерь. Встреча с ними короткая, но теплая, ведь мы не виделись больше десяти дней! Во время завтрака на большой плоской глыбе обсуждали план дальнейших работ. Светлана Ефремова передает мне пойманного на отвесной стене ложноскорпиона. Помещаю его в пробирку со спиртом, где уже плещутся похожие на больших комаров прозрачные долгоножки, найденные в лагере 600. Не ожидал, что в пещере окажется столько живых существ, предпочитающих хотя и промозглую, но безопасную жизнь под каменным небом...

Кстати, о возможности жизни в пещере. Уже более двадцати лет работает в экспедициях в свое отпускное время врач-спелеолог Павел Петрович Горбенко. Он проводит эксперименты по адаптации человеческого организма к жестким условиям среднегорья и холодных пещер. Сил и терпения для успешного проведения эксперимента — как со стороны врача, так и «пациентов» — требуется немало. Непрерывно работает полевая медицинская лаборатория: бесчисленные замеры, анализы, тесты. Мало того. В пещере, в подземном лагере, нас по возвращении из маршрута ждут те же процедуры. А попробуй сделать двадцать приседаний, необходимых для одного из тестов, когда валишься с ног от усталости. Да и врачам не позавидуешь: элементарный клинический анализ крови превращается под землей в целую проблему. Но все мирятся с этим, понимая, что во взаимоотношениях человека с подземным миром еще много неясного...

«9 августа. В первом часу выходим из лагеря. Путь проходит по подземному ручью. Уступы, меандры — речные излучины, колодцы. Впереди нас ждет сифон...»

ЛАГЕРЬ 950. ПЕРВЫЙ СИФОН

«10 августа. Очнувшись, на ощупь нахожу фонарь. На часах без пяти десять. Поднимаю ребят. Сегодня нам предстоит тяжелая работа...

Подобрав себе баллоны, подгоняем к ним ремни. Миша предпочитает носить акваланг за спиной, я же закрепляю по баллону на бедрах — так удобнее проходить узкие участки. К легочным автоматам привязываем веревочки для крепления на шее, иначе в мутной воде не сумеешь перейти от одного загубника к другому. На руки надеваем шерстяные перчатки, поверх них — резиновые: температура воды в сифоне плюс 3,3°С, и незащищенные руки после нескольких минут работы теряют чувствительность. Опясываемся свинцовыми грузами. Надеваю широкие ласты прямо на сапоги. На каску закрепляю подводный фонарь. Вроде бы все готово.

Спускаемся к сифону.

Приспегиваюсь карабином к проводу — ходовому концу и начинаю погружение. Ледяная вода нестерпимо ломит узкую полоску кожи на лбу, не защищенную маской и капюшоном. Набираю глубину. Закладывает уши. Пытаюсь сглатывать, но этот прием не помогает. Продуваюсь, зажав непослушными пальцами ноздри. Боль в ушах проходит. В чистой воде белеет ходовой конец. Что ж, этот сифон нашей экспедицией, можно сказать, освоен. Но Илье и Мише придется идти уже на ощупь: вода

стала мутной. Баллоны гулко ударяются о стены. Слышу, как выдыхаемые пузыри лопаются на поверхности воды. Всплываю.

Оттягиваю капюшон, выпуская в себя воздух. Только теперь становится ясно, что я протек, но пока не сильно. Запах ацетилена напоминает о карбидке, в которую через форсунку попала вода. Щелкаю пьезозажигалкой. Лампа взрывается столбом пламени, высвечивая стены и свод небольшого грота.

Слабые подергивания провода не прекращаются. Вскоре в темной воде появляется лучик фонаря. Выходит Миша. У него сосредоточенный вид. Он жалуется на боль в ушах. Снимаем капюшон гидрокостюма. На белом вязаном подшлемнике замечаю расплывшиеся бурые пятна. Так и есть, порваны обе барабанные перепонки. А ведь надо еще возвращаться. Настроение у Миши безнадежно испорчено. Для него дальнейшая подводная работа закончена. Ждем Илью. Удастся ли ему на этот раз пройти первый сифон? Год назад это у него не получилось. На удивление быстро всплывает Илья. Вместо ослепительного света трех мощных фар на его мотоциклетной каске (собственное изобретение!) видны лишь слабо горящие нити накалывания. Несмотря на драматизм ситуации, мы не можем сдерживать улыбок. Илья расстроен — пришлось не столько увидеть сифон, сколько ощупать телом его выступы, подтягиваясь на ходовом конце».

Еще до встречи с первым сифоном нас интересовал вопрос: где же подземный поток пробивается на свет? Вопрос этот далеко не праздный. Арабика опоясана сетью карстовых источников, водосборный бассейн которых определить нелегко. Некоторые из них дают воду курортным поселкам, другие в недалеком будущем также предполагается осваивать. Поэтому, кроме теоретических проблем гидрогеологии карста, существует и практическая задача охраны подземных вод. Мы делаем для этого все возможное — весь «свой» мусор, несмотря на огромный труд по его подъему, захораниваем на поверхности. Но подземные воды загрязняются в основном через карстовые воронки и трещины, сквозь которые проникают талые снеговые и дождевые потоки. Правда, для Арабики эта опасность пока еще гипотетическая.

Нам, спелеологам, важно было определить место выхода подземного ручья: это уточнило бы и потенциальную глубину пещерной системы, и направление ее развития.

Схема пещерной системы имени Владимира Илюхина.

Мы с нетерпением ждали результатов эксперимента, который проводила в 1984 году с помощью грузинских коллег группа спелеологов из Института геологических наук АН УССР под руководством Александра Климчука. Безвредные органические трассеры — родамин и уранин, — запущенные на больших глубинах в системе имени Владимира Илюхина и пещере Куйбышевская, должны были окрасить воду источников близ побережья Черного моря. Вскоре после запуска трассеров началась кропотливая работа по ежедневной проверке и смене угольных «ловушек». Обработка погруженных в воду кусочков активированного угля дает на специальном приборе неизменный спектр, соответствующий появившемуся красителю.

Но кончалась уже третья неделя с момента запуска, а спектр не менялся. Время экспедиции, а точнее время отпусков, ибо эксперимент, как и все наши спелеоэкспедиции, проводился на общественных началах, было на исходе, когда наконец появились первые следы уранина. Невидимые на глаз, сильно растворенные частицы этого красителя вы-

шли в мощных источниках Реброа и Холодная Речка. Чуть позже уранин был обнаружен и во вскрытом скважиной субмаринном источнике. Вскоре в тех же водотоках появились и слабые следы родамина из пещерной системы имени Владимира Илюхина.

Считая за нулевую отметку расположенный на берегу моря источник Реброа, установили, что краситель прошел путь — по глубине — 2300 метров, то есть получили глубочайшую карстовую гидросистему. В атласе Международного спелеологического союза карстовая гидросистема «Владимира Илюхина — Куйбышевская — Реброа» заняла почетную строку среди глубочайших в мире! Интересно было и то, что две крупнейшие пещеры массива оказались лишь верхними водоотводящими ветвями одного гидрогеологического древа. В гигантском «стволе» собирает оно живительную влагу с огромных площадей и выдавливает ее на поверхность через глубокие «корни» — источники.

Но там, где способна просочиться вода, не всегда может пройти человек. Даже раскопки, взрывы и акваланги не могут гарантировать стопроцентного успеха. Оказываясь перед выбором, он вначале проверяет наиболее простые, но не всегда правильные варианты. В нашей системе таким перепутьем оказался первый сифон. А за ним — второй.

КИЛОМЕТРОВЫЙ РУБИКОН ПРОЙДЕН!

«10 августа. Оставив у первого сифона комплект подводного снаряжения, бредем по неглубоким лужам с глинистыми берегами, изредка пригибаясь под низким сводом. Здесь нет привычного грохота воды. Подземный ручей, проработавший эти галереи, теперь течет по более короткому пути.

Небольшой отрезок высокого меандра — и мы у озера, ведущего ко второму сифону. Пока кипятится чай, согреваюсь пробежкой. Затекший гидрокостюм не располагает к останкам. Миша вновь готовит аппараты к работе. Опоясываюсь баллонами. Приматываю к правой руке подводный фонарь. Каску, на которой он обычно крепится, пришлось снять.

По узкой щели пробираюсь к сифонному колодцу. Миша с Ильей, готовые страховать, перебираются выше, на скальную полку. Пристегнувшись к ходовому концу, уйду в глубину...

Незамутненный подводный тоннель манит темнотой. Попав в тупик, успеваю заметить, что ходовой конец уходит в узкую расщелину. Повернувшись на бок, залезаю туда, стуча баллонами. Ширина щели меньше полуметра, но постепенно цель расширяется. Появляется полоса чистой воды. Всплываю в небольшом гроте. Ходовой конец чудом держится на выступе. Легкий рывок — и он слетает в воду. Балансирую на крутом

подводном склоне, пытаюсь закрепить его за натечную микроколонну. После третьего срыва это удается. Озерцо продолжается еще метров пять-шесть, заканчиваясь новым сифоном. Дальше — неизвестность. Идти в новый сифон без ходового конца — безумие, но чистая вода и круто поднимающееся дно показывают, что он небольшой. Решаюсь на разведку. Через два-три метра всплываю в новом озерце. Впереди виден ход. Обернувшись, запоминаю место всплытия.

Вскарабкавшись на берег, не спеша освобождаюсь от аппаратов, ласт, маски. Куда торопиться, если впереди наверняка новый сифон. Но вирус перепрохождения уже овладел мной. Быстро пробегаю несколько поворотов красивого меандра с хрупкими песчаными пластинами — за берегами и оказываюсь перед глубоким колодецем. Стекающий по стене колодца ручеек отложил на ней белоснежную дорожку гроздевидного кальцита...

Пытаюсь спуститься, но через несколько метров понимаю всю нелепость этой затеи. Оглядевшись, замечаю слева продолжение разлома — там колодец. Иду распорами над колодецем: широко расставив ноги, упираясь руками и ногами о стены. Попадаю в глинистую галерею, вскоре выходящую к параллельной ветви отвесов. Первый, десятиметровый, преодолеваю, расклинившись в узкой вертикальной щели. Острые скальные зубья угрожающе царапают толстый капрон комбинезона. Не хватает только порвать гидрокостюм — в нем и так достаточно воды. В самом низу щель резко расширяется. Повисаю на резиновых перчатках, рискуя порвать их, и пытаюсь нащупать опору для ноги. Дно. Поворот — и новый уступ. Он в два раза короче, но ничуть не проще. За ним — еще один, отвесный глубокий колодец. Брошенные камни с бульканьем уходят в воду...

Прикидываю общую глубину. С учетом последнего колодца получается более километра. Заветный рубикон переиhrден!

И ВСЕ-ТАКИ ЭТО ЛИШЬ ИСТОК...

«12 августа. Сегодня необычный день: предстоит выход за второй сифон. Должно свершиться то, к чему мы стремились два долгих года. Жаль Мишу — своей травмой он вычеркнул себя из списка «счастливых». Но каждый из нас старается не выдавать своего настроения. Все заняты работой. После завтрака Сергей с Мишей готовят акваланги и приводят в рабочее состояние кинобокс. Я вожусь с фотоаппаратами и вспышками, тщательно упаковываю в мешок веревку и вещи, те, что останутся за вторым сифоном для следующей экспедиции. Илья обматывает очередным мотком изоленты свое трехглазое детище.

— Готово! — наконец роняет он и,

шелкнув выключателями, демонстрирует ослепительную мощь своего сложного сооружения.

Пытаюсь оттянуть неизбежный момент проверки снаряжения, когда надо полностью окунуться в ледяную купель озера. Выжатый из одежды воздух оживляет клапан гидрокостюма, заставляя его судорожно посвистывать. Цепочка мелких пузырьков торопливо устремляется к поверхности. Пробую дышать из второго легочника. Вроде бы все в порядке. Всплываю. Рядом проверяет свое снаряжение Илья.

Стоящий по грудь в воде и уже подзамерзший Миша занят киносъемкой. «П-поех-хал-ли!» — выстукивает он зубами команду.

Ухожу в сифон, обернувшись на уже погруженный в воду объектив. Илья — рядом. Повторяем уже знакомый путь: уступы, галереи, озеро... Небольшая передышка перед вторым сифоном.

Всплываю в гроте. Лопающиеся пузыри предвещают появление Ильи. А вот и он сам. Жалуетесь на боль в ушах. Приступаем к непростой операции — наращиванию ходового конца, служащего на сей раз и телефонным кабелем. Зависнув на одной руке, нужно исхитриться соединить пальцами второй руки концы ошетилившихся стальных проводов. Единственное, что мне удается сделать за пятнадцать минут борьбы, это порвать об острые скалы последнюю целую резиновую перчатку. Холод сковывает и пальцы и тело. Скручиваю связанные провода куском изоленты, словно веревкой.

Илья отплывает за короткий сифон, я разматываю за ним кабель. Следует сигнал: два рывка. Плыву за Ильей. На берегу оставляем все подводное снаряжение. Дальше мы понесем лишь бухту веревки, молоток, шлямбур, скальные крючья, карабины и личное «железо».

Уже около шести вечера. Связи с лагерем 950 нет. Видимо, скрутка проводов не удалась. «Может, откликнется база?» — говорит Илья. Вызываем. Молчание...

Мы наверху колодца, остановившего меня позавчера. 120-метровая веревка сходит кольцами — их приходится распутывать через каждые пять метров. Долго спускаюсь, любясь прозрачными кальцитовыми дорожками, что проложила медленно стекающая в колодец вода. На дне не могу сдержать восхищения. «Красота!» — кричу Илье. Он ничего не понимает — при «продувании» все же порвал перепонку. Жду, когда он спустится, и вместе рассматриваем россыпи жемчужин. Кальцитовый «цемент» незаметно приковал эти каменные блестящие шарики к дну взрастивших их ванночек. Отдельные жемчужины достигают трех сантиметров в диаметре. Для пещер это редкая находка. Осторожно проходим след в след среди хрупких кальцитовых пластин...

Вот и край очередного уступа. Аккуратно отматываю десять метров ве-

ревки. Приземляюсь в глубокую лужу. Обрезаю веревку, но оплавлять ее мокрый конец некогда. Вяжу узел, и идем вперед. Новый, на этот раз отвесный колодец. Здесь надо бы провесить и страховочную веревку. Но бухта слишком мала. Придется экономить.

Закрепив веревку и сбросив остатки бухты вниз, начинаю спуск. Сероголубая стена, прочерченная оранжевой полосой кальцита, прерывается уступом с глубокой лужей. Отталкиваюсь от стены и приземляюсь рядом с водой. Зову Илью. Вскреле он стоит рядом, держа полупустой мешок. На уступе необходим крюк, иначе веревка может перетереться. Пока Илья достает шлямбурный набор, надеваю самохваты — специальные приспособления для подъема. Даже если веревка кончится на отвесе, я сумею подняться по ней...

Я уже потерял счет пройденным вертикалям. Новый колодец глубиной около 15 метров заставляет призадуматься. Если бы не доносящийся снизу шум воды, я бы повернул назад. Но этот манящий гул притягивает не хуже магнита. С трудом нахожу единственно возможный вариант спуска, который заканчивается сложными распорами в вертикальном лабиринте глыб. Впереди широкая и высокая трещина, по дну которой струится поток. Наклонные темные стены убавляют оптимизм. Пробегаю вдоль этого разлома. Стою у начала узкого озера. Вода просматривается глубоко под левой стеной, образуя длинный сифон. Третий сифон на нашем пути! Комки глины, падающие из-под ног и локтей, замутняют прозрачную воду. Трещина сужается. Продвигаться в распоре все сложнее — скольжу по мокрой гле извниз. Двигаюсь по инерции, только чтобы убедиться, что озеро имеет конец.

Ход заканчивается. Это последняя точка, которой нам суждено достигнуть в этой экспедиции. Следующим летом придется нырять уже на этой умопомрачительной глубине.

На часах 20.30. Предстоит мучительный подъем...

Нам пришлось проработать до девяти утра. Вместе с Ильей, обеспокоенным моим долгим отсутствием и спустившимся вниз тем же головокружительным маршрутом, мы сделали топографическую съемку не только новой части, между третьим и вторым сифонами, но и пересняли галерею между вторым и первым. Полусонные, замерзшие, но гордые тем, что удалось выйти победителями из решающего поединка, вернулись мы в лагерь.

Впервые в мировой практике на подобной глубине, за сифонами, было пройдено более двухсот метров вертикалей. Глубина пещеры возросла до 1220 метров. В ней отснято почти шесть километров ходов и галерей. И все же это пока лишь истоки большой подземной реки, путь к устью которой займет не один год.

М а с с и в А р а б и к а — М о с к в а

НА ПЕРВОЕ ЧАЙ, НА ВТОРОЕ ТОЖЕ

Дело вкуса

Человек, хоть раз побывавший в Монголии, увезет с собой в памяти яркий букет впечатлений. Сколь бы ни были они разнообразны, в них непременно войдут юрта и кумыс, сочные оранжево-синие закаты и рыжевато-зеленый зверек монгольских степей тарбаган и, конечно, монгольский чай. В своих рассказах с видом знатока он будет называть его «суутай цай» (что просто-напросто означает «чай с молоком») и — в зависимости от собственных вкусовых склонностей — либо ругать его, либо хвалить. При этом, однако, он не удержится от соблазна заметить, что их чай похож на наш суп.

Характерная деталь монгольской кухни — зыбкость грани между едой и питьем. К примеру, айраг — так называется по-монгольски кумыс. Его, конечно, пьют, и помногу —

иногда по полтора-два литра за раз — достаточно, чтобы человек целый день мог ничего не есть. Айраг — панацея от многих болезней, особенно легочных и кишечных, он восстанавливает силы летом после долгой зимы, он основной праздничный напиток во время летнего праздника — надомы и осенних свадеб, но прежде всего айраг способен по калорийности заменить собою несколько разнообразных блюд.

А чай с молоком — что это, блюдо или напиток? Ведь, помимо воды, небольшого куска кирпичного чая и молока, в него добавляют соль, прожаренную муку грубого домашнего помола из дикого ячменя или проса, а иногда — это делают кочевые гурманы для придания чаю особого привкуса — зерна поджаренного риса. В чай можно положить пенки, кост-

ный мозг барана, пельмени, растертое в муку вяленое мясо, мелкие кусочки бараньего курдюка. В горячем чае можно развести сухой творог. Наконец, в него можно влить ложку-другую забродившей молочной барды. Словом, в монгольский чай можно положить абсолютно все, что есть съедобного в юрте кочевника. Конечно, хочется спросить: а при чем же здесь чай? И вообще — разве ЭТО называется чаем? В Европе, Китае, Средней Азии — нет, а в Монголии — именно это и называется чаем.

Лично я не вижу в этом ничего странного или тем более плохого. Такой получай-полусуп не раз выручал нас за многие годы экспедиционной работы. Бывало, что, измученные бесконечными монгольскими дорогами, мы останавливали машину и

ненадолго заходили в неожиданно появившуюся из-за холма юрту. Заходили просто так: посидеть минут десять, чтобы отойти от дорожной тряски, а заодно узнать, правильно ли мы едем. И тут же попадали в силловое поле степного гостеприимства, становясь свидетелями уходящей корнями в глубокую древность традиции — приема гостя.

Эта традиция включает в себя множество мелких, но обязательных деталей. Прежде всего приветствие — все слова раз и навсегда определены — гостя и ответ хозяина. Затем гость, войдя в юрту — желательно не споткнувшись о порог, — должен пройти по часовой стрелке на свое гостевое место в почетной части юрты. Когда и гость и хозяин усядутся, наступает следующий этап — обмен табакерками. Каждый должен понюхать табак из табакерки другого.

А тем временем хозяйка уже готовит свежий чай, ибо он едва ли не главное в ритуале встречи гостя. У монголов есть даже единица измерения времени, называемая «вскипятить один котел чая»: восемь-десять минут, которые уходят на то, чтобы разжечь огонь в очаге, вскипятить в котле воду, кинуть в нее кусок кирпичного чая, дать ему завариться, затем влить молоко и кинуть соль, помешивая черпаком, довести заново до кипения, перелить все в чайник и начать угощать гостей. А пока готовится чай, на маленьком столике уже появляются: сухой творог, пресный сыр, нежные пенки, поджаренная мука. Насыплешь муку в пиалу, добавишь кусок масла, размешаешь ложкой (а еще лучше — пальцем, ей-богу, так намного вкуснее!), проглотить глоток другой... хорошо! Двуетри пиалы такого чая и — все равно, что пообедал. Усталости как не бывало, машина опять весело бежит по дороге, жизнь снова прекрасна и удивительна.

Однако не только чаем славится меню кочевника. Чтобы понять и оценить его, необходим небольшой экскурс в историю монгольской кулинарии.

Уже многие сотни лет кочевники евразийских степей — и в их числе монголы — едят мясо и пьют молоко. А что им еще есть и пить, если разведение скота и кочевание в поисках пастбищ для него — их основное занятие вот уже более полутора тысяч лет, с тех пор как в этом регионе мира возникло и сложилось кочевое скотоводческое хозяйство и соответственно кочевой образ жизни, кочевое мировоззрение, кочевая культура. Молоко чаще не пьют, а едят в виде творога, сыра, масла, сметаны, сливок, пенок — пенок просто и пенок, прожаренных с мукой, перемешанных с ягодами черемухи, с подсушенной корочкой снаружи и неж-

ной сливочной мякотью внутри. И еще много всякой иной молочной всячины. Сами монголы насчитывают не один десяток молочных блюд.

А вот всем возможным видам мяса они предпочитают лишь слегка проваренное — будь то конина, говядина или наиболее любимая ими баранина. Любой европеец назовет ее просто полусырой и будет мучиться от боли в деснах (попробуй прожевать такое мясо!) и тяжести в желудке. Но каждый монгол приведет немало аргументов в его пользу: во-первых, в нем сохраняются витамины и гормоны, во-вторых, у тех, кто ест такое мясо с детства, зубы белы и крепки. И вскоре вы перестанете упорствовать в своем заблуждении, что мягкое разварившееся мясо лучше жесткого полусырого, ибо сверкающие белозубыми улыбками лица монголов и горки идеально обглоданных костей будут лучшими доказательствами вашей неправоты.

Пожалуй, только одно мясное блюдо не соответствует вышеперечисленным стандартам. Это «боодог». Делают его так: берут козленка или степного сурка тарбагана, искусно отделяют голову от туловища, через горловину вытаскивают внутренности, кости, через нее же внутрь забрасывают раскаленные на огне костра камни и, крепко перевязав горловину, все это кладут в угли. Когда дойдет до нужной кондиции, вспаривают брюхо, стараясь не пролить чудесный наваристый бульон, осторожно вычерпывают его чашками, подсаливают и пьют, а затем, вынув камни, отрезают себе по куску мяса — нежного пропеченного, пахнущего степью, камнями, ручьем, из которого камни взяты.

Ученые утверждают, и, наверное, в этом есть доля истины, что боодог — наследство еще докочевых времен в истории монголов. Так или почти так могла выглядеть трапеза охотников, подстреливших желанную добычу. Кочевники сохранили это блюдо в своей кухне как память о былых временах, а также потому, что сами не прочь изредка побаловаться охотой. Когда-то облавные охоты знати кончались многодневными пиршествами. Туши зверей жарили на вертелах, запекали в ямах, заполненных углями, и, наконец, делали из них боодог.

Попробовать сейчас настоящий боодог удается редко, появился его модернизированный вариант, его называют иногда «хорхог». Модернизация коснулась прежде всего сосуда. Если раньше в этой роли выступала сама тушка животного, то теперь это алюминиевый бидон — обязательно с плотно прилегающей крышкой. Герметичность — неприменная деталь данного кулинарного рецепта.

Я попробовала боодог впервые пятнадцать лет назад. Наш экспедиционный отряд работал в сомоне Алтай посреди Заалтайской Гоби на дальнем западе Монголии. Однажды солнечным утром наши опекуны от местного начальства Ганджур и Загд предложили проехаться взглянуть на стада куланов, пасущихся где-то недалеко. Мы были в нерешительности: монгольское «недалеко» порой означает сотню километров. Заметив наши сомнения, спутники дружно добили:

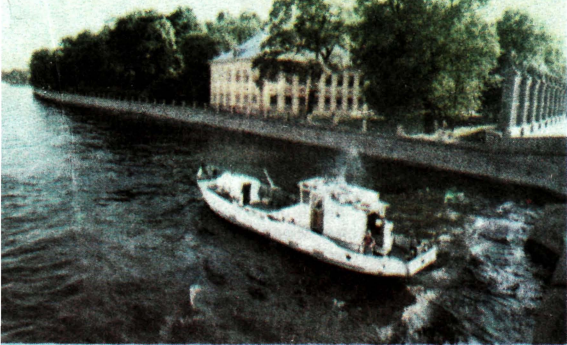
— Боодог будет.

Уговаривать дальше не пришлось. Через полчаса мы уже искали чабана, откочевавшего за соседний бархан, а он ловил козла, которому выпала сегодня грустная честь стать боодогом для гостей. Ганджур и Загд разделали его по всем традиционным правилам. Многие путешественники и ученые, наблюдавшие эти правила в действии, называют их особым видом искусства. Я согласна с ними. Отдав шкуру и внутренности хозяину козла и прихватив разделанное мясо, мы отправились в путь.

Как-то незаметно испортилась погода, пошел дождь, задул гобийский ветер, и вопрос о куланах отпал сам собой. Еще часа полтора мы метались на машине в поисках уютного местечка, где ветер и дождь не помешали бы нам осуществить задуманное. Пелена песчаной пыли вдруг расступилась, и перед нами возник зимний загон для скота. Он пустовал: легом скот пасется на горных пастбищах. Решили, что лучшего места искать не стоит. И не прогадали. Маленькая пристройка для молодняка, площадью два на два метра и высотой в полтора, стала нашей кухней и банкетным залом одновременно.

Собрали саксаул, разожгли костер. Найти камни в Гоби не проблема. Забыв флягу мясом, специями и раскаленными камнями, Ганджур с Загдом начали катать ее по земле. Внутри шипело и клочкотало. Крышка изо всех сил рвалась на свободу, но наши спутники и хозяева уже не один боодог в своей жизни соготовили и съели и дело свое знали хорошо. Минут через десять страсти во фляге стихли, и ее поставили на малый огонь костра. А еще через двадцать минут каждый из нас держал в правой руке кусок мяса, в левой — пиалу с наваристым бульоном.

Сидя на плаще, под которым мягко пружинил многолетний слой сухого навоза, прислонившись к прочной стенке пристройки, прислушиваясь краем уха к разгулу стихий снаружи, я думала: где, когда в последний раз мне было столь уютно, вкусно и хорошо?

В. ЛЕБЕДЕВ

ФОНТАНКА, ЭТОТ ДОМ И СТОЛЬКО МИЛЫХ ЛИЦ...

Далекое-близкое

Фонтанка — река моего послевоенного детства...

Яростная трель последнего звонка катапультной выбрасывала нас, ошалелых от радости, из классов мужской школы в сверкающий мир Фонтанки. Шумела весенняя набережная, катила воды река, отражая солнечные блики. Тихие волны нежно шлепались о гранит спусков — здесь у деревянного причала нас ждали лодки. Поначалу весла зарывались в воду и поднимали веер брызг. Вымокнув, мы успокаивались, и флотилия трогалась в великое плавание по Фонтанке — к Неве.

Гордые, мы плыли по ерику, который вытекал из Невы и впадал в нее же. Мы уже знали, что Фонтанкой этот ерик стали называть из-за труб, тянувшихся на километры к фонтанам Летнего сада. Лодки удалялись все дальше от причала, оставляя там одинокую фигуру провожавшего нас учителя географии...

Это он, Александр Федорович Григорьев, раскрывая за сорок пять минут урока всю необъятность Земли, пробудил в нас интерес к тому, что начиналось за порогом школы. Тяжело опираясь на палку и решительно выбрасывая вперед протез (подорвался в войну на mine), вел он нас в Аничков дворец — Дворец пионеров. Останавливался отдышаться на мосту с клодтовскими конями.

— Не знали небось, что живете на границе Петербурга. В давние времена деревеньки стояли по берегам ерика, а из лесов выходили разбойники, пошаливали на дороге в Москву, грабили проезжих, — говорил он, бережно оглаживая выбоины на граните постамента.

Эти раны были памятью о блокадных годах: когда скульптурные группы Клодта сняли и упрятали в землю, на мост рухнула бомба, разметав тумбы с чугунными решетками и перилами, сея кругом осколочную смерть.

...Под мерный взмах весел и скрип ключин мы вспоминали рассказы

своего учителя географии. Этот с конными скульптурами мост (он получил свое название от военной слободы, построенной подполковником Аничковым) был когда-то подъемным. При въезде на него стоял караульный дом — застава. Поздно вечером шлагбаум опускался, и пропускали лишь служивых людей, врачей, знатных вельмож, но все должны были быть с фонарями — вместо пропуска. Гости плыли по узкому каналу в гавань парадного двора Аничкова дворца.

На месте нынешней гранитной набережной была деревянная. Лишь в конце XVIII века стали облицовывать набережную камнем. Тысячи рабочих возились в болотине, забывая сваи и таская тяжелые плиты. Однажды, не выдержав тягот, четыреста человек пошли к Зимнему дворцу с жалобой на подрядчика. Екатерина II челобитчиков не приняла и приказала посадить рабочих под караул. Так закончилась едва ли не первая в России стачка...

Сейчас ежегодно заботливо ремонтируют набережную, меняют старые плиты. У моста Ломоносова так тщательно восстановили обвалившийся участок набережной, что он теперь выглядит лучше, чем прежде. Любят у нас в укор нынешнему хвалить прежние времена. А даже не все старые питерцы знают, что в середине прошлого века вовсю торговали с баржи на Фонтанке неводской чистой водой — полкопейки за ведро. Такой была грязной Фонтанка. Теперь же для сточных вод провели коллектор — вода чище стала, снова рыбаки с удочками стоят у чугунной ограды.

К мосту Ломоносова мы подплыли словно к загадочному замку, что поднимается из речной глади. Его четыре гранитные башни-беседки будто режут волну гранями опорных колонн. Летят навстречу гиппокампы — фантастические крылатые кони с рыбьими хвостами, несущие на спинах фонари. И кажется, что тяжелые цепи, подвешенные между башнями,

раскачиваются под ветром, издавая печальный звон...

Этот мост сохранился лучше, чем другие мосты Фонтанки. Поставленные по его концам новые обелиски с гиппокампами настолько связаны с архитектурой моста, что их часто приписывают первоначальному проекту. Мост этот считается редчайшим памятником архитектуры XVIII века, а для меня он — самый красивый, дорогой тем, что рядом — мой дом с тяжелой лепкой по фасаду, бывший доходный дом известного купца Елисеева. По этому мосту я бегал каждый день на работу в типографию «Лениздата», чьи окна светятся ночами в крайнем здании с колоннами на площади Ломоносова. Эта площадь — один из лучших ансамблей Карла Росси. А если пересечь площадь по набережной, то подойдешь к дому, где в квартире Л. Б. Красина в 1905 году под руководством В. И. Ленина состоялось совещание членов ЦК и ПК РСДРП о поддержке Московского вооруженного восстания. Что ни дом на Фонтанке, то памятник.

...Выйдя на неводские просторы, мы гонялись за буксирами, цеплялись баграми за плоты, чтобы как можно дальше пройти против сильного течения. После таких лодочных гонок (когда-то, по повелению Петра Великого, катанья на Неве и каналах в воскресные дни открывались пушечным выстрелом) мы, мальчишки, любили рассматривать дворцы на набережной Фонтанки, которые на расстоянии с воды казались пышнее и величественнее. Петр I бесплатно раздавал под них пустующие земли и сам построил себе Летний дворец с «царским огородом» — Летним садом.

Особенно поражал воображение Инженерный замок, поднимавшийся

Вид на реку Фонтанку с Прачечного моста: Летний сад на гравюре XVIII века и в наши дни.

за Летним садом мрачной красноватой громадой. Нам представлялся прежний Михайловский замок — цитадель, построенная Павлом II для сбережения своей особы. Но всего месяц с небольшим ему удалось прятаться за рвами с водой и вздыбленными подъемными мостами, пока не настигла смерть. В голове никак не укладывалось, что после этих событий здесь бывал Пушкин, что в Военно-Инженерном училище обучался Достоевский, а после Октябрьского восстания красногвардейцы подавляли здесь мятеж юнкеров.

Дальше находился любимый наш цирк, и был он на этом месте «всегда», как говорил нам Александр Федорович. Раньше здесь был цирк Шапито, но до этого, оказывается, размещался Слоновой двор, там и появился первый слон в Петербурге — подарок Петру I от персидского шаха. Каждый дом таил в себе неоткрытые, притягательные для нас истории: иногда забавные, а подчас романтические или даже героические.

Когда-то я пробегал мимо, не замечая обычный пятиэтажный дом № 25. Памятной доски на нем еще не было, да и затмевал его великолепный сосед с ореховыми и золотыми залами — особняк вельможи Нарышкина, где сейчас в Доме дружбы собираются зарубежные гости. Узнал я историю дома № 25 из тоненькой с пожелтевшими страницами книжечки довоенного издания, что посоветовала почитать старенькая библиотечка в читальном зале для студентов. Этот филиал Публичной библиотеки размещался в строгом здании бывшего Екатерининского института, возведенного по проекту Дж. Кваренги. Кстати, строилось это здание года четыре, а вот в капитальном ремонте последнее время находилось намного дольше. Правда, сейчас отреставрированную половину библиотеки снова посещают читатели. Так вот — эти два здания как раз смотрели друг на друга через Фонтанку. Только дом № 25 по Фонтанке был построен раньше и куплен Е. Ф. Муравьевой, матерью известных декабристов.

Кто только не бывал в сем скромном доме. Верхний третий этаж (уже позднее надстроили, к сожалению, еще два этажа) занимал историк Н. М. Карамзин. Бывал тут Орест Кипренский, и заезжал отдохнуть душой «чудотворец», как называл его Пушкин, поэт Константин Батюшков, посвятивший дому Муравьевых трогательные строки:

Увидел, наконец, Адмиралтейский
 штиц
Фонтанку, этот дом и столько милых
 лиц,
Для сердца моего единственных
 в свете!

Но, главное, у «беспокойного Никиты», одного из руководителей тайного Северного общества Никиты

Муравьева, собирались декабристы, сюда приезжал Пестель. Мимо этого незаметного дома (после разгрома декабрьского восстания) провозили в кибитках закованных в кандалы декабристов, сопровождаемых жандармами...

Нынешним летом я снова пришел на набережную Фонтанки вместе с архитектором Виктором Михайловичем Бойцовым, работником ленинградской госинспекции по охране памятников архитектуры.

Выйдя из дома на площади Ломоносова, где размещается инспекция, мы с трудом пересекли площадь и прошли мостом Ломоносова с гранитными башнями. Обдавая бензиновой гарью, густо дыма выхлопными газами, неслись тяжеленные грузовики, трейлеры, тракторы и бульдозеры, не вписываясь в повороты и заезжая на тротуарные плиты узкой набережной, предназначенной когда-то лишь для пешеходов и карет. Разговаривать в таком грохоте было бесполезно, и мы только грустно покачивали головами. Сколько я ни беседовал с жителями домов на Фонтанке — домохозяйками и инженерами, врачами и архитекторами, журналистами и строителями — все едино во мнении: «Загазованность воздуха, копоть на стенах домов-памятников, их преждевременное разрушение — следствие слишком интенсивного движения грузового транспорта на набережной. Поток тяжелых машин, пересекающих центр Ленинграда, давно пора снять с Фонтанки, пустить в объезд».

Впереди, на углу Фонтанки и Невского, высится броский ярко-красный дворец князя Белосельского-Белозерского. Сколько помню, в нем всегда помещался Куйбышевский райком партии, здание тщательно ремонтировалось и реставрировалось. И сейчас тяжеловесные барочные формы дворца кое-где прикрыты лесами. Бойцову хочется показать дворец изнутри, но вначале он заводит к мастерам из ленинградского объединения «Реставратор», которые работают сегодня в этом здании.

— Многие дворцы по Фонтанке реставрируем, — не спеша поясняет Александр Семенович Ефименко, столяр-краснодеревщик с большим стажем. Он откладывает в сторону инструмент, которым отделяет затейливые деревянные завитки на дверях. К его работе присматривается белокурый паренек.

— Вот Евгений Дубницкий только начинает свой путь краснодеревщика после училища — опыт передаю...

Большой труд вложили мастера в отделку парадных комнат этого дворца. Ефименко напоминает, как снимали частями провисшую деревянную подшивку потолка в Бирюзовом зале. Идем анфиладой залов и гостиных: Дубовый зал, Красная гостиная, Зеленая столовая. Все поражает пышностью и богатством отделки, а Золотой зал просто слепит глаза. Я смотрю на прекрасно сохранившийся рисунок натертых до блеска паркетов и жалею не менее ценные пар-

кеты Эрмитажа, истыканные шпильками дамских каблучков. Тоже проблема, да еще какая. С одной стороны — дворцы открыты для всех, а с другой — надо ведь сохранить их в целости от износа и порчи...

В Золотом зале, выходящем на Фонтанку, отражаются в зеркалах огромные люстры. Но что это за звук? В воздухе плывет непрерывный тихий стеклянный перезвон — это идут тяжелые колонны машин, и содрогание набережной передается большому зданию.

А что говорить о малых домиках, таких, как дом № 101 у Семеновского моста! Это дом А. Н. Оленина, известного деятеля русской культуры. Здесь молодой Пушкин в 1819 году увидел Аннет Керн, об этой встрече его вечные слова: «Я помню чудное мгновенье...» Правда, к тому моменту дом уже принадлежал С. И. Штерич, но действительно А. П. Керн здесь бывала и даже жила. Действительно и то, что дочери Штерич, Марии Алексеевны Шербатовой, посвятил свои стихи Лермонтов. И этот дом дожил до наших дней! Он охраняется государством, но что толку? Такие малые, но не менее близкие нашему сердцу домики разрушаются от проносающегося вблизи транспорта еще быстрее, чем дворцы...

Мы смотрим из окна бывшего дворца на Фонтанку, и архитектор Бойцов, показывая на противоположный берег реки, где перестраивается целый квартал, говорит, что не меньше трети всех домов здесь нуждается в капитальном ремонте, а жильцы, естественно, во всех обычных современных удобствах.

Я думаю о своем, простоявшем уже сто лет Елисеевском доме, который Бойцов уважительно называл «крепеньким». Как близки те дни, когда после лодочных гуляний из жаркого дня я вбегал в прохладную парадную. Горели в окнах витражи, еще ходил один из первых в Петербурге лифтов, а в нишах на лестничных площадках под гербами с купидонами стояли статуи. Как не понять тех жителей-патриотов, которым жаль утратить все эти милые и праздничные украшения не только их личной жизни, но и истории. До сих пор в нашем доме служат и бронзовые ручки, и затейливые шпингалеты на окнах и стоят белейшие изразцовые печи, правда, уже при водяном отоплении. Есть и лепные украшения на высоченных потолках... Сейчас, говорят, ведется предварительная перед ремонтом перепись всего, что нужно сохранить. Хотя при этом горестно добавляют: «Но сладу нет с этими строителями...» Значит, все-таки бесследно пропадают дорогие исторические реликвии. С этим мириться никак нельзя, особенно в прекрасных домах на реке Фонтанке, особенно ленинградцам.

Ленинград

(См. 4-ю страницу обложки)

БЕЛЫЙ ПАРУС ПАМИРА

Л. КАБАК,
доктор химических наук
Фото автора

Ранним летним утром на попутной машине я проехал перевал Кызыл-Арт Заалайского хребта и оказался в высокогорной пустыне — долине реки Маркансу. Это уже Памир!

Вскоре впереди показалось озеро Каракуль, расположенное на высоте более 3900 метров. Изучение бабочек — мое давнее увлечение, можно сказать, вторая профессия.

Обычно на Восточном Памире энтомологи «привязываются» к Ошско-Хорогскому тракту, останавливаются у дорожных мастеров или в редких кишлаках. Удаляться от тракта высоко в горы опасно: и ночи морозные, и бездорожье, и селений нет. Поэтому энтомологи уходят «на охоту», прибываясь к какой-либо экспедиции. Мне нужно было попасть в горный массив Мынхаджир, на левый берег реки Оксу. Туда обещали меня доставить геологи из Мургаба.

И вот я на месте. Утром следующего дня я уже поднялся по восточному склону на гребень отрога и оказался в седловине, примыкающей к мощной скальной короне массива. Немногочисленные бабочки, летавшие над крутыми осыпями с редкими растениями, были мне известны, и я уже подумывал о полной бесполезности моего пребывания на Мынхаджире. И вдруг неизвестно откуда передо мной возникла громадная белая бабочка с большими красными пятнами на крыльях. Встреча с ней произошла так неожиданно, что мой запоздалый взмах сачком, естественно, оказался напрасным. Трудно передать охватившее меня отчаяние. Я сразу понял, что упущенная бабочка, по крайней мере, для Восточного Памира ученым неизвестна, а возможно, и вообще не описана ранее. Теперь я и думать не хотел о том, чтобы уезжать с Мынхаджира. Пусть я пробуду здесь все три недели, оставшиеся от отпуска, но хоть один экземпляр таинственной бабочки поймать обязан.

Я шел медленно, внимательно осматривая все вокруг. О времени совершенно забыл. И вновь неизвестная мне бабочка возникла передо мной совершенно неожиданно. Правда, теперь я не растерялся — сачок тут же накрыл таинственное создание. Осторожно извлекаю пленницу из ловушки и пинцетом разнимаю сложенные крылья. На нижних, темных по краю — большие красные пятна, под которыми вытягиваются дугой сияющие синие «глазки». Верхние крылья — белоснежные, с четким узором из черных и прозрачных полос.

Эта удивительная бабочка стала моим первым и единственным трофеем. В оставшиеся дни я не только не поймал, но даже и не видел больше ни одной...

В Москве многие энтомологи назвали мою находку самой прекрасной бабочкой Средней Азии. Она описана мною вместе с Ю. Ю. Щеткиным как новый подвид парнассиуса чарльтониуса и до настоящего времени остается единственным экземпляром, найденным на Восточном Памире, и самым северным представителем чарльтониусов группы декерты, наиболее древней, отличающейся крупными размерами и интенсивной окраской. Я назвал бабочку «анюта» в память о моей матери. Бабочки этого рода входят в семейство парусников, вот почему свою я частенько ласково называю белым парусом Памира.

ХЭММОНД ИННЕС,
английский писатель

БОЛЬШИЕ СЛЕДЫ

Роман

Я уже задремал, когда прибыл патруль. Каранджа вышел на дорогу и что-то крикнул солдатам, потом направился к грузовику, где стоял в ожидании капрал. Они переговаривались.

— Залезайте, — сказал нам Каранджа. — Когда найдем «лендровер», я поговорю с капралом о транспорте.

Мы сунули аппаратуру в кузов и влезли сами. Солдаты подвинулись, освобождая нам место.

— Похоже, что Кэрби-Смит — наша единственная надежда, — задумчиво пробормотал Эйб.

Миля через три мы обогнули скалу и буквально врезались в баррикаду из колючих деревьев, преграждавшую путь. Это было идеальное место для засады. Под диким фиговым деревом мы нашли старое кострище и рядом с ним — останки туши дик-дика.

Стало прохладнее, и, когда развели костер, солдаты подбегали. В пустой бак «лендровера» залили бензин. За едой Каранджа переговорил с капралом, стараясь добиться разрешения ехать в Барагои на вездеходе. Не знаю, что тут сыграло главную роль — то ли необходимость быстрее передать радиограмму о передвижениях ван Делдена, то ли наш армейский пропуск. Так или иначе, в начале девятого мы сели в машину и отправились по проселку в обратную сторону.

— Скоро мы приедем на обзорную площадку, — сказал Каранджа. — Может, там остановимся.

...Военный пост представлял собой несколько палаток на краю посадочной площадки к востоку от Барагои. Пока капрал и Каранджа давали объяснения, Эйб кивнул в том направлении, где чернела буквой V долина Хорра.

— Интересно, сумел он проехать ущельем?

Мы стояли на пороге страны, которую ван Делден знал лучше, чем кто-либо другой.

Кэрби-Смит приехал утром на открытом «лендровере» с откинутыми ветровыми стеклами. В машине сидели два

человека в пылезаститных очках. Возле «цессны» Кэрби-Смит остановился перемолвиться словечком с пилотом, который возился с мотором, потом подъехал к палатке командира. Каранджа ждал его там, и, когда они исчезли, я вновь принялся за отчет об экспедиции Телеки, но тут на меня упала тень, и хриплый голос произнес:

— Стало быть, это ты. А где он?

Я поднял глаза и несколько мгновений не мог ничего сказать от изумления.

— Куда он отправился? — резко продолжала Мери, лицо ее было напряжено, я не заметил на нем ни тени приветливости. — В Марсабит?

— Не знаю.

— Он смог бы добраться туда с тем запасом бензина, который был в автобусе?

— Не думаю.

— Что ж, оно и к лучшему. В Марсабите ему делать нечего. Алекс говорит, что от его заповедника почти ничего не осталось. Землю распахали, большую часть леса вырубали, чтобы освободить место для деревень... — Мери смотрела на меня широко раскрытыми глазами. — Какого черта он не поехал к побережью?

Я спросил ее, почему она уехала с человеком, который сделал своей работой убийство животных, составляющих смысл жизни ее отца.

— Я ничего не понимаю. Я обшарил всю гостиницу...

— Не понимаешь? — Глаза Мери внезапно блеснули на солнце. — Ты видел, как он поступил с тем слоном. Ты видел, как Мукунга и Мтоме гнали его тогда, с силком на ноге... Да и вообще, мои занятия — не твоего ума дело. Алекс по крайней мере убивает чисто, — свирепо добавила она. Теперь я понял, что она здесь не просто собирает материал для статьи. Было тут что-то такое, о чем не хотелось и думать: я вспомнил, что Мери говорила об обаянии Кэрби-Смита.

В этот миг ожил мотор «цессны». Я видел сидевшего за рычагами пилота.

— Его посылают искать ван Делдена?
Мери кивнула.
— Разве ты не можешь ничего сделать?
— Если бы он видел то, что видела я за последние два дня... Последствия засухи. Стоит отъехать от гор на север... Там вообще не было дождя, все колодцы и водопой пересохли. Если мы не найдем его, он сам убедится, что там нет воды.

— У него четыре полные канистры.
— При такой жаре на них долго не протянешь.
Двигатель самолета набирал обороты. «Цессна» докатилась до конца полосы и уже неслась на нас, становясь все больше и больше. Колеса оторвались от земли, самолет чуть накренился и с ревом пронесся у нас над головой, поворачивая к северу. Мгновения спустя он превратился в точку, летящую к горам, которые образовывали ущелье Южного Хорра.

— Ты должна была остановить его, — пробормотал я.
— Алекс боится, что отец натворит глупостей.
— А что будет, когда ван Делдена обнаружат с самолета и направят на него армию?

— По-твоему, я об этом не думала? — сердито сказала Мери. — Но его необходимо как-то остановить. Он мог бы отправиться к побережью, но вместо этого приехал сюда. Я думаю, Алекс прав.

— Тебе все равно, что с ним случится, да? — Я почувствовал желание сказать ей что-нибудь обидное. — Ты печешься о Кэрби-Смите, а не о родном отце.

— Как ты смеешь! — выдохнула она. — Что ты знаешь о них? Обо мне?

Я увидел Каранджу, стоявшего на солнце возле палатки командира, и рассказал Мери, какое задание тот получил от ван Делдена.

— Так что решай, на чьей ты стороне, — сказала я. Она печально взглянула на меня.

— Значит, Алекс был прав.
— Если Кэрби-Смит начнет убивать слонов... — Я засмеялся. А впрочем, какого черта? Как еще заставить ее понять? Как пробить броню восхищения человеком, в лагере которого она жила? — Когда вернется самолет, поговори с пилотом и Кэрби-Смитом. Иначе кого-нибудь убьют.

Мери немного постояла, глядя на меня. Думаю, она была готова расплакаться; губы у нее дрожали, ноздри раздувались. Потом она резко отвернулась и побрела назад к открытому «лендроверу». Из-за кузова грузовика появился Эйб.

— Ну, что говорит твоя подружка?
— Ничего, — сухо ответил я, сердясь на него за смешинки в глазах.

Подошел Кэрби-Смит.
— Каранджа говорит, что моим людям грозит опасность, если они начнут отстрел. Это правда? — Он смотрел на Эйба. — Так что сказал ван Делден?

— Каранджа должен был вам это передать.
— Вы думаете, он говорил серьезно или это была лишь пустая угроза?

— Он говорил серьезно.
— Тогда мы должны найти его. На свободе такой человек опасен. Что ж, — майор расправил плечи и улыбнулся своей мальчишеской улыбкой, — поиски не затянутся. — Он повернулся к капитану. — Как только его обнаружат, за дело возьмется вы с вашими парнями. Но никакого кровопролития. Окружите его и принудите сдаться. Теперь о ваших транспортных проблемах. Я не против того, чтобы телевидение освещало мою работу, если это освещение не будет тенденциозным. Об этом мы еще поговорим, но условия ставлю я. Понятно?

— Естественно, — сказал Эйб.
— Хорошо. Грузите оборудование в мой «лендровер». Я выеду, как только прибудет один из армейских самолетов и мы переговорим с пилотом.

Примерно через полчаса мы услышали со стороны солнца шум мотора, и вскоре с юго-востока на посадку пошел двухмоторный моноплан.

копыт, и мимо пронеслось нечто похожее на танк. Я почувствовал, что меня обдало струей воздуха, уловил запах мускуса, а потом увидел в свете костра носорога. Пригнув голову к земле, он набросился на одну из палаток, длинный рог вспорол парусину, зверь забросил изорванный холст себе на спину. Весь лагерь словно взорвался, разбуженные африканцы высыпали на улицу, послышались крики и вопли, появился Кэрби-Смит с ружьем в руках. Но носорог уже исчез, оставив после себя разоренную палатку. Показался перепуганный Каранджа. Где-то, словно раненый кролик, тонко кричал человек.

— Господи Иисусе! — Каранджа потянул носом воздух, белки его глаз заблестели, отражая свет звезд.

— С горы позади нас дует ветерок, — задумчиво сказала Мери, когда мы двинулись следом за Каранджей. — Зверь был с наветренной стороны. Значит, его встревожили не мы.

Появился Кэрби-Смит со шприцем в руках.
— Беднягу раздавило, — сказал он. — Это один из моих лучших следопытов... — Кэрби-Смит взглянул на Эйба, лицо у него застыло. — Вы что-нибудь слышали? Вы были рядом с тем местом, где носорог выскочил из кустов. Эйб покачал головой.

— В подлеске слышался треск, — сказал я. — А потом он вдруг пронесся мимо меня, будто...

— А до того? Вы слышали в кустах какие-нибудь голоса, крики?

— Нет, ничего такого.
Кэрби-Смит повернулся и посмотрел на лица окружающих нас африканцев, затем принялся расспрашивать их на суахили. Но они только качали головами и возбужденно тараторили визгливыми от злости или страха голосами. В конце концов Кэрби-Смит выставил караул и вернулся в свою палатку. Лагерь мало-помалу утомился, но я долго не мог уснуть. Было почти пять часов, и я лежал без сна до тех пор, пока из-за гор не начал просачиваться рассвет, сопровождаемый болтовней маргышек и набирающим силу птичьим гомоном.

Это была заря страшного дня.

Рассвет был прохладен, воздух свеж, над деревьями высились темные горы. Показался выбитый и одетый Эйб. Он вручил мне кружку чая.

— Шевелись, через несколько минут снимаемся.
В лагерь въехал грузовик, из кабины выпрыгнул сержант и, подойдя к Кэрби-Смиту, отдал честь. Все подняли глаза, заслышав рев самолета. Он прошел над верхушками акаций и унесся на север.

— Одевайся, — сказал Эйб, — не то тебя оставят.
— Зачем тут самолет?
— Разведчик. Пилотом на нем знакомый Кэрби-Смита, Джеф Сондерс.

Я одевался, когда появился Каранджа с двумя тарелками.

— Десять минут, — сказал он. — Хорошо? Сегодня вы возьмете отличные картинки.

Кэрби-Смит на своем «лендровере» возглавил караван. Рядом с ним сидела Мери, сзади — два африканца. Мы были в последнем грузовике. Каранджа стоял рядом со мной, вцепившись в поручень.

Скоро мы оказались в буше и начали продираться сквозь колючие кусты; ветки хлестали, а пыль душила нас. Самолет кружился и пикировал на рощицу зеленых деревьев, едва не задевая кроны крыльями. Буш становился все гуще, а потом мы очутились на поляне, и Кэрби-Смит выскочил из «лендровера». Первый грузовик остановился, стрелки с карабинами бегом заняли позиции.

Когда я снова огляделся, мы были уже одни и ехали медленнее; сидевший рядом с водителем человек поднялся на ноги, сжимая что-то в руке. Блеснул серебристый металл, и самолет прошел над нами, наполнив воздух ревом моторов. Раздался резкий отрывистый хлопок, потом визг и трубный звук.

Внезапно я увидел их — серые массы, похожие на холмы, шевелились в буше, сбиваясь в кучу. Водитель нажал на тормоза, когда один из слонов развернулся, мгновенно растопырив уши и вытянув вперед хобот. Я увидел маленькие горящие глазки и услышал тонкий яростный визг,

когда слон молниеносно и без малейших колебаний бросился на нас. Водитель дал задний ход, и мы попятились, ломая кустарник. Тот человек, что сидел в кабине, неистово замахал рукой, давая знак двигаться вперед. Огромный слон маячил перед нами, поднимая ногами пыль. В воздухе пролетел какой-то предмет, сверкнула вспышка, грохнул взрыв, и слон ошеломленно остановился. Водитель давил на клаксон, Каранджа вопил, все мы что-то кричали, а загонщик, бросивший шумовую гранату, дубасил по дверце. Грузовик стоял на месте, мотор работал вхолостую. Огромный зверь потряс головой и повернулся, чтобы присоединиться к стаду. Снял руку с клаксона, водитель сказал что-то соседу. Тот кивнул.

— Они говорят, что это жоак, — голос Каранджи дрожал от возбуждения. — Тут самки, слонихи и слонята. Смотрите, они трогаются с места.

Мы сидели и ждали, слушая, как другие загонщики кричат и колотят по бортам грузовиков. Потом снова поехали, обратно по своим следам, наблюдая за серыми массами в просветах буша. Мы двигались вдоль края стада и были готовы остановить его, если слоны попробуют прорваться. Но они, будто призраки, продолжали идти вперед. Шли быстро, стараясь убежать от зловония и рева автомобильных моторов. И все это время самолет непрерывно кружил в вышине. Внезапно мы оказались на краю поляны, и я ударился ребрами о поручень, когда мотор заглох и грузовик резко остановился. Слоны тоже замерли. Я что-то сказал, и водитель зашипел на меня:

— Пожалуйста, не разговаривайте.

Я насчитал пять взрослых слонов. Два из них шли с крохотными слонятами под брюхом. В общей сложности детенышей было семь, а всего слонов двенадцать. Самый большой замыкал стадо. Слониха посмотрела на нас — распластав уши и подняв хобот, будто перископ, она нохлала воздух. Солнце стояло над горами, и его лучи освещали животное. Это она напала на нас. Дул легкий ветерок, у меня над головой шелестели листья.

Теперь развернулось все стадо, слонихи покачивали хоботами. Все до единой были растеряны. От грузовиков больше не доносилось ни звука, но ветер, должно быть, пригнал бензиновую вонь. Старая слониха вдруг затрясла головой, повернулась и шлепнула хоботом одного из детенышей, загоняя его обратно под брюхо матери. Потом она на мгновение положила хобот на шею подруги, словно успокаивая ее, и вновь заняла свое место во главе стада, после чего все слоны быстро направились к дальнему краю поляны.

Тут-то Карби-Смит и застрелил старую мать. Резкий треск его ружья слился с глухим ударом тяжелой пули в шкуру и кость. Я видел, как громадный зверь вздрогнул, затем голова его поникла, а уши обвисли. Он еще не успел упасть, а со всех сторон уже гремели выстрелы. Три взрослых слона упали, еще один дико затопал ногами, а потом начали падать детеныши; палба, визг и полный боли громopodobный рев слились в дьявольскую какофонию.

Менее чем через две минуты все было кончено, стало тихо. Мертвые слоны лежали как могильные курганы, как огромные валуны в косых солнечных лучах. Охотники стали выходить на открытое место, медленно, словно люди, которые хлебнули лишку. На плечах у них лежали все еще дымящиеся ружья.

Я вылез из грузовика и привалился к борту. Возбуждение прошло, в горле пересохло, ноги дрожали. Эйб уже склонился над мертвой старой слонихой и снимал, как два африканца вытаскивали вырубленный из гнезда бивень. Они поставили его вертикально; корень был обгарен кровью, и африканцы, смеясь и болтая, принялись на глазок оценивать размеры бивня, а потом взвешивать, передавая из рук в руки. Эйб выпрямился и наблюдал эту сцену. Он опустил руки, камера висела у бедра.

— Ружья — что бензопилы, — сказал он тихо. — Я однажды снимал, как валят четырехсотлетние секвойи. Росли четыреста лет, а упали за несколько минут. Ты думаешь, сколько лет всем этим животным, лежащим здесь? Двенадцать слонов. 250—300 лет пушено насмарку менее чем за 250—300 секунд. Вот тебе и прогресс, победная поступь цивилизованного человека.

— Начнем с этой, — послышалось у нас за спиной — Сколько ей лет, по-твоему?

Рядом с Кэрби-Смитом стояла Мери, держа в руках раскрытый блокнот. Лицо ее было потным и пыльным, вокруг глаз все еще виднелся след от очков.

— Не знаю, — сказала она. — Но она была вожаком стада, значит, уже пользовалась последней парой зубов.

— Интересно, сколько они прошли? Вид у них не очень хороший. — Кэрби-Смит наклонился и стал оттягивать упругую, как резина, губу слонихи, пытаясь раскрыть ей пасть. Два африканца бросились на помощь и, сунув в пасть топорика, разомкнули челюсти. — Восемь коренных зубов стертые. — Майор почти засунул голову в пасть слонихи. — Скажем, лет около сорока. Один из коренных зубов придется вырвать и изучить под микроскопом. Сейчас ведется работа, чтобы установить, в каком возрасте слонихи становятся старейшинами стада. Эта возглавила семью раньше, чем бывает обычно. Вероятно, совсем недавно, после отделения группы от более крупного стада. А может, прежнего вожака убили. Это довольно интересная область исследований. — И он отправился к следующему взрослому слону, лежавшему на боку.

— И все это сделано в интересах науки, — пробормотал Эйб. Но я смотрел на Мери Делден, которая с блокнотом в руках наблюдала за Кэрби-Смитом, старавшимся разомкнуть челюсти слона. Из ран, оставшихся на месте бивней, сочилась кровь. Мери не сказала мне ни слова, даже не взглянула на меня.

Пока мы пили чай, из лагеря у Южного Хорра приехал первый рефрижератор. Он был набит местными жителями из племени самбуру. Возле слонов выставили охрану, и каждому местному жителю разрешили отрезать примерно по килограмму от одного из слонят. Грузовики все подъезжали. Некоторые африканцы приходили пешком, и вскоре вся поляна покрылась копошащейся массой полубогаженных людей, вооруженных кинжалами с ярко блестящими, отточенными лезвиями.

Эта сцена была мечтой кинооператора: кочевники, охотники с ружьями, куски слоновьего мяса, повсюду кровь. Африка во время засухи...

Мери одиноко сидела в тени колючего кустарника, над ней нависали ветки, усыпанные, будто гроздьями, гнездами ткачиков. Она посмотрела в мою сторону и подошла.

— Алекс просил узнать, много ли у тебя пленки? Он никогда не разрешал операторам присутствовать при отстреле, но раз уж вы тут, он хочет, чтобы его методика была заснята как следует. Завтра в Найроби пойдут грузовик.

— В Найроби пленки не достать, — ответил я. — Во всяком случае, так нам сказал Каранджа.

— Грузовик повезет бивни. Если ты торгуешь слоновьей костью, то достанешь в Найроби все, что угодно.

— Я поговорю с Эйбом, — пробормотал я.

Когда я рассказал об этом предложении Эйбу, он улыбнулся и покачал головой.

— Обман все это, — сказал он. — Майор оплатит пленку и сможет указывать тебе, что снимать. Я не желаю делить фильм в угоду Алексу Кэрби-Смиту. Если я и сниму что-нибудь, то только здешние уединенность и красоту, а не кровавую бойню, какими бы благими намерениями ее ни объясняли.

Костер уже потушили, и через несколько минут мы поехали в сторону гор. На этот раз наш грузовик шел первым, «лендрровер» — за нами. Кузов его ломился от бивней. Когда на пути попадался слишком густой кустарник, все вылезало и пангами прорубали дорогу. Здесь я впервые пустил в ход камеру, сняв Кэрби-Смита, который стоял на сиденье своего «лендрровера» и структурировал охотников. В видеоискателе он был похож на Роммеля: загорелое морщинистое лицо, очки, закинутые на козырек кепи. Но этот человек давал задание африканским охотникам, вооруженным карабинами 458-го калибра, небрежно закинутыми за спины, а не немецким танкистам. И говорил он на суахили.

— Четыре слонихи и три слоненка, — раздался голос Кэрби-Смита, визгливый и отрывистый. — Джеф говорит, что поблизости болтаются и молодой самец. Держитесь поближе ко мне, и тогда вы сможете снять операцию как бы сквозь прицел моего карабина. Я всегда делаю первый выстрел. Свалив вожака, я подаю сигнал, ясно?

Я кивнул, и Кэрби-Смит быстро пошел к «лендрроверу».

Майор загнал его в буш, примял кусты и вновь появился на берегу с биноклем на шее и винтовкой в руках. У него была «ригби-416» с телескопическим прицелом. Майор лег на землю, опершись локтями, проверил, откуда дует ветер, и подрегулировал прицел. Затем лицо его сосредоточенно застыло, и он начал водить стволом ружья из стороны в сторону, охватывая все пространство люгги. Должно быть, он услышал жужжание моей камеры, когда я снимал его крупным планом: повернувшись ко мне, он с раздражением в голосе сказал:

— Портреты будете делать завтра. Утром вы упустили отличную возможность: мне сказали, что вы вообще ничего не сняли. В моей компании каждый должен нести свою часть ноши.— Он знаком велел остальным уйти в укрытие; потом более основательно устроился на твердом песчаном грунте, несколько раз глубоко вздохнул и расслабился. Я слышал шум, производимый грузовиками, которые занимали удобные позиции, чтобы гнать зверей.— Еще минут десять,— сказал Кэрби-Смит и махнул Карандже, чтобы тот отошел назад.— Может, и меньше: этого никогда не знаешь наверняка. Слоны могут ходить быстро, если захотят.— Он повернулся к Мери.— Засеки время с момента броска первой шумовой гранаты. Потом еще раз — с моего первого выстрела и до падения последнего слона. Секундомер у тебя есть?

Она кивнула, лежа рядом со мной. Больше никто не сказал ни слова. Сзади надоедливо ворковал голубь. Я взглянул на часы. Было 5.27, и тени быстро удлинились, солнце висело над самыми деревьями, и я гадал, что делать с диафрагмой, если оно скроется. В этот миг взорвалась первая шумовая граната; ткачики в кустах защебетали, рядом со мной засвистел скворец, а голубь вдруг умолк. Вдалеке за люггой шум моторов изменился: водители прибавили обороты. «Цессна» спикировала еще раз, не более чем в миле от нас. Гон начался.

— Ветер благоприятный, и света еще достаточно.— Голос Кэрби-Смита звучал спокойно, без тени волнения.— Расслабьтесь и смотрите на середину излучины. Видите вон ту дюну, пересеченную тенью от дерева? Примерно там я уложу жока. Тогда уже вся группа будет на открытом месте.

Я подкрутил фокус и оглянулся на лежавшего рядом с Мери Эйба. Его камера торчала над ее плечом, и я подумал, собирается ли он снимать отстрел. Вой грузовиков нарастал, взорвалась еще одна граната, послышался визг, трубные звуки, крики людей, удары о борта машин.

— Уже скоро,— пробормотал Кэрби-Смит, перепив взор в дальний берег люгги и чуть выставив вперед тяжелое ружье. Его здоровая рука лежала на прикладе рядом с затвором. На противоположный берег выехал грузовик и остановился. Два человека неподвижно сидели в кабине и ждали. Низко прошел самолет, и вдруг вдалеке, в люгге, появилась серая громадина. Слон двигался быстро. Уголком глаза я увидел, как Кэрби-Смит поднял ружье и прижал его к плечу. Животное остановилось на берегу и, задрав хобот, принялось нюхать воздух открытого пространства люгги. Все смолкло, даже птицы. Затем слон двинулся вниз по берегу, теперь уже медленно. За ним показались спины, растопыренные уши и покачивающиеся хоботы других слонов.

В этот миг кто-то выстрелил. Это был не Кэрби-Смит: выстрел донесся из люгги. Раздался пронзительный визг, и старая слониха понеслась обратно вверх по склону. Я едва мог уследить за ней. Потом я увидел, как развернулись и остальные слоны. Они трубили и визжали. Кэрби-Смит выстрелил, и у меня заложило уши от грома его ружья. Но старая слониха даже не вздрогнула, и мгновение спустя серые громадины исчезли из виду. Послышалась пальба, шум запускаемых моторов, и вдруг над люггой взвилось пламя. На мгновение в небо взмыл огромный огненный шар, потом он исчез, уступив место плотной и тяжелой дымовой завесе.

— Боже! — Кэрби-Смит выронил ружье.— Это один из грузовиков!

Он вскочил и, подхватив карабин, ринулся к «лендроверу». Я тоже встал и, сжав курок своей камеры, побежал за ним. Эйб и Мери повалились в кузов, и мы с ревом помчались по люгге к плотному облаку дыма, по-прежнему стоявшему над бушем впереди.

Проехав излучину, мы увидели грузовик. Его почерневший остов был окутан маслянистым облаком, все четыре покрышки пылали. Из-за жара мы не могли приблизиться, а помочь без воды и огнетушителей было невозможно. Осталось лишь стоять и смотреть, как он горит. В кабине остались два человека.

— Почему они не выпрыгнули? — спросила Мери.

— Варио, наверное, застрял за рулем,— ответил Кэрби-Смит. Он стоял с плотно сжатыми губами и хмурился.— А вот Джило был совсем мальчишка, очень проворный... Он свободно мог отскочить подальше.

— Если только не умер еще до того, как загорелся бензобак,— шепнул Эйб мне на ухо.— Кто-то стрелял. Я начинал свою карьеру газетным репортером и видел массу несчастных случаев. Но не припомню, чтобы люди сгорали, даже не попытавшись выбраться из пожара. А это — открытый грузовик.— Он кивнул на Кэрби-Смита.— Каранджа его предостерегал. Майор — охотник, он скоро поймет, что к чему.

Кэрби-Смит склонился, изучая землю, потом выпрямился и погасил фонарик.

— Искать пулю на гравии — безнадежное дело. Думаю, это был трейсер из старого «ли энфилда»¹.

После того как тела были преданы земле, Кэрби-Смит отвез нас обратно в лагерь. Этой ночью напряженность здесь ощущалась почти физически. Думаю, Кэрби-Смит велел своему водителю не болтать, но разве можно скрыть такое в маленькой группке людей?

Вернулся патруль. Они обнаружили следы людей вперемешку с отпечатками копыт носорога и остатки лагеря, который, по мнению опытных следопытов, был обитаем еще прошлой ночью. После этого все африканцы в нашем лагере уверились в том, что носорога хитроумно наускавали на одну из палаток, равно как и в том, что кто-то (вернее всего, браконьеры, которые охотились за бивнями и были заинтересованы в срыве официального отстрела) поджег грузовик. Все это мы услышали от Каранджи.

— Много лет назад, когда я впервые работал с Тембо, а он — егерь этого района, мы ловим очень плохого браконьера, который прячется в секретной норе в скалах на Маре,— закончил он.

— Вы думаете, теперь и сам ван Делден затаился там? — спросил его Эйб.

— Может быть.— Каранджа замылся.— А может, он где-то еще теперь. Но это есть хорошее место прятаться. Когда мы пленяем того браконьера, если бы с нами нет информатора говорить, где это место, мы никогда не находим его. Есть только два пути подхода.

— А что будет утром? — спросил Эйб.— Патруль снова поедет на поиски?

Каранджа кивнул.

— Они отбывают на рассвете.

— В какую сторону?

— Вверх на Мару.

— Итак, вы им все рассказали.

Каранджа помолчал, потом медленно кивнул.

— Что я могу сделать? Если я не сотрудничаю... — Он беспомощно развел руками.— Зачем он это сделал? Это безумно — убивать людей потому, что они стреляют слонов.

— Значит, вы уверены, что это был ван Делден?

— А кто еще? Кто, кроме Тембо, делает такую сумасшедшую вещь? Если теперь его заберет армия... Может быть, вы едете с патрулем, мистер Тейт?

— Вы не хотите, чтобы его смерть легла на вашу совесть, так?

Каранджа неохотно кивнул.

— Если бы вы были с патрулем, мистер Финкель, репортер, представляющий Си-би-эс, тогда, я думаю, они будут более осторожны.

Эйб глубоко задумался, наконец он принял решение.

— У меня есть идея.— Он поднялся и потянул за собой Каранджу.— Пойдемте прогуляемся и посмотрим, где сегодня ночью стоят караульные. Ты, Колин, оставайся здесь, я потом расскажу, что придумал.

¹ Английская винтовка образца 1917 года, приспособленная для стрельбы трассирующими пулями (Прим. пер.).

Уголком глаза я заметил какое-то движение, потом рядом со мной села Мери.

— Что думает Эйб Финкель? Кто это сделал?

Мне было жаль ее. Она знала, что сделать это мог только один человек. У меня не было для нее никакого ответа, кроме молчания.

— Ты считаешь, что я должна была ехать с ним? Что я всему виновой? Но это ничего не изменило бы: он не стал бы меня слушать.

— Что теперь говоришь? Ты здесь, и все.

— Ты ничего не понимаешь?

— Нет, не понимаю, — ответил я. — Будь ты с отцом...

— Он мне не отец.

Потрясенный, я устался на нее.

— Но там, в усадьбе...

— Он дал мне имя и вырастил меня, но он мне не отец. Ты должен был догадаться. Мой отец — Алекс. Теперь понятно? Я не знаю, как мне быть в таком положении. Мне нужна помощь. Я думала, что стоит им поспорить всласть на конференции и конфликт будет исчерпан. Я ошиблась. Они как две стороны одной монеты, оба одержимы сознанием собственной правоты... Но того, что случилось сегодня, ничем не оправдать. Ты должен как-то положить этому конец.

— Я?!

— Ты и этот американец. Вы единственные люди, способные их разнять.

Я молчал, не зная, что сказать. И тут из темноты вышли Эйб и Каранджа.

— Часовые начеку, — сообщил Эйб. — Нас дважды окликали. Вероятно, вы могли бы нам помочь, Мери. Если пожелаете, конечно.

— Да.

Они быстро обговорили детали. Сразу же после полуночи Мери приблизилась к часовому, пожалуется на расстройство желудка и уйдет в буш. Она пробудет там достаточно долго, чтобы часовые забеспокоились, потом закричит и бросится бежать. После вчерашнего нападения носорога этого будет довольно, чтобы мгновенно взбаламутить весь лагерь.

— Ну, — спросил меня Эйб после ухода Мери, — что ты намерен делать — идти с нами или остаться и снимать завтрашний отстрел?

Я посмотрел на Каранджу, который сидел, скрестив ноги и жвав ладонями колени. Я не понимал, почему этот человек готов рискнуть своей карьерой и жизнью. Когда я спросил его об этом, он просто ответил:

— Я должен. — И добавил: — Много лет, и я почти забываю, как я люблю этого человека.

А что движет Эйбом? Что заставляет его так рисковать ради едва знакомого человека?

— Почему ты это делаешь? — спросил я, и он улыбнулся своей слабой улыбкой, которая всегда так злила меня.

— Я не желаю быть с охотниками. Я на стороне слонов, ясно?

— Не надо было ему убивать этих людей, — сказал я.

— Не надо? А как еще он мог остановить резню? Как еще спасти слонов от истребления?

— Ему достаточно было направить вожака в другую сторону.

— Это сегодня. А что будет завтра, послезавтра, потом? Поблизости стоят рефрижераторы, где-то пустует холодильный комбинат. Один человек против целой шайки профессиональных охотников, которых поддерживает армия. Словом, я иду. Здесь мне делать нечего: Кэрби-Смит не в состоянии дать мне то, что я ищу тут, в Африке. А ван Делден, я думаю, сможет. — Эйб поднялся на ноги. — Со мной ты или нет — решаю сам.

Луна стояла довольно высоко, но ее свет едва просачивался сквозь полог листьев. Мы шли между стволами высоких деревьев и перекрученными веревками лиан, сквозь непроницаемую стену кустарника. Сердце у меня колотилось. Мы карабкались вверх, следя за лучом фонарика Каранджи, карабкались два часа кряду без передышки. Я слышал судорожное дыхание Эйба. Иногда он спотыкался. Мои кофр и камера становились все тяжелее, плечи

ныли. Мы останавливались и слушали, нет ли погони, но до нас доносились только обычные ночные звуки.

Что-то зашевелилось на берегу, и мы вздрогнули, когда животное, ломая кусты, убежало в чащу.

— Nyati, — сказал Каранджа. — Буйвол.

Мы миновали предгорья и уже были на самой Маре. Здесь тропа стала пошире, под деревьями было влажно, утоптанную землю испещряли следы слонов.

— Долго еще? — выдохнул Эйб.

— Час, — ответил Каранджа. — Два часа. Долгое время, как я был здесь.

Мы двигались дальше, вглядываясь в сумрак, каждое мгновение ожидая увидеть маячащий среди деревьев силуэт слона. Внезапно мы очутились под скалистой стеной, и Каранджа остановился. Луна была низко на западе и заливала светом гору. Белесые выветренные пики виднелись на фоне звезд. Я заметил, что листья деревьев колыхаются, потом услышал треск сучка. Каранджа попятился, ошупывая рукой поверхность утеса.

— Ndovu, — прошептал он. — Лучше, если мы влезем в скалу.

В скале была расщелина, и, пока мы забивались в нее, шум усилился. Послышался тонкий писк, треск веток, потом все стихло. Внезапно внизу под нами появилась серая масса. В лунном свете тускло блеснули бивни, мелькнул высоко задранный хобот. Когда слон остановился, я понял, что это самка: за ней шли два слоненка, один уже почти взрослый, но второй не больше пони. В маленьком хоботке он держал ветку и пытался закинуть листья себе в пасть. На крохотной мордочке застыло выражение сосредоточенности и растерянности. Слоныха встревоженно растопырила уши, в брюхе у нее заурчало. Детеныш уловил тревожную нотку, бросил ветку и исчез из поля моего зрения. Мать загнала его под брюхо и повела, подталкивая ногой. Старший побежал вперед, но слониха, взвизгнув, шлепнула его хоботом, загоняя на место. Мгновение спустя тропа внизу опустела.

— Видел? — выдохнул Эйб. — Когда она растопырила уши? Наверное, это просто игра света... У нее двое детенышей, младшему не больше двух-трех месяцев. И идут на север. Этих же слонов мы видели с дороги на Баринго. Ван Делден полагал, что ими движет врожденный инстинкт, но к северу отсюда только пустыня. Каранджа, куда же они идут?

— Майор думает, в Эфиопию. На реку Омо, может быть.

Мы вышли на поляну, Каранджа вгляделся в лес на противоположной стороне.

— Пустыню им не пересечь. Они и так уже измождены, да и детеныши с ними. Эти слонята...

Резким «тс-с!» Каранджа заставил его замолчать. Он остановился и напряженно смотрел вперед. Мы бились в кучу и прислушались, но все было тихо, неподвижный воздух пронизывал лунный свет, тропа убегала через поляну под темную сень кедров. Потом мы увидели размытый контур, движущийся к нам. Вернуться в расщелину мы уже не успевали, а с обеих сторон нас окружал плотный кустарник.

Каранджа схватился за ружье, я слышал, как щелкнул взводимый курок. Услышал это и слон: он расправил уши и задрал вверх кончик хобота. То ли он учуял нас, то ли увидел, не знаю. Но его левый глаз блеснул в лунном свете, и у меня было такое ощущение, словно слон глядит на меня. Сердце у меня забилось, во рту пересохло. Словно прочтя мои мысли, Каранджа зашипел:

— Даже если он нападать, не двигайтесь.

Он сделал несколько шагов вперед и остановился, держа ружье навскидку. До слона было меньше ста ярдов. Наверное, он заметил движение Каранджи: слон изогнул хобот и издал дикий трубный звук, многократным эхом прокатившийся по скалистым стенам над нами. В лунном свете зверь казался исполинским. Я так напряженно разглядывал его, что у меня создалось впечатление, будто слон занял собой всю поляну.

— Пугает, — щелкнул Каранджа, но голос его дрожал, и я ему не поверил. Зверь покачивал правой передней ногой, расшвыривая листья и сломанные ветки, и то сгибал, то выпрямлял хобот.

А потом слон подогнул хобот под бивни и напал на нас.

Двигался он медленно и неуклюже, но все равно расстояние между нами сокращалось слишком стремительно, и, как это ни невероятно, не было слышно практически ни звука. Я стоял как вкопанный, каждое мгновение ожидая выстрела. Но Каранджа вспрыгнул на поваленное дерево и поднял ружье высоко над головой, глядя на слона. В десяти ярдах от нас тот вдруг остановился и принялся неистово мотать головой, ломая хоботом кусты. Потом слон замер и вновь издал трубный звук, а затем вдруг сник, кожа на боках повисла складками, проступили кости, уши откинулись назад, хобот расслабился. Слон покачал головой, словно досадуя на себя за неудачную попытку принудить нас к отступлению, а потом медленно повернулся и почти беззвучно двинулся вниз по склону, задрвав хвост и голову.

Каранджа шумно облегченно вздохнул, и я понял, что он был менее уверен в себе, чем хотел показать.

— Долгое время я вижу, как слон ведет себя таким образом. Тембо зовет это...— Он нахмурился и нервно рассмеялся.— Я не помню, как он зовет это.

— Молодец! — Эйб смеялся и хлопал Каранджу по спине.— Но как вы могли знать, что он не затопчет нас насмерть?

Каранджа пожал плечами. Теперь он был доволен собой и сиял.

— Есть самец,— ответил он.— И не уверен в себе. Вы видите его качать ногой, а потом прыгнет, и слышите, как он трубит. Нечасто самцы нападают всерьез. Самки — да, особенно когда у них есть молодой. Не самцы.

Мы обогнули основание утеса и услышали плеск воды.

— Теперь недалеко,— сказал Каранджа.

— Думаете, он все еще там? — с сомнением спросил Эйб.— Ведь отсюда чертовски далеко до той люгги, где он сорвал отстрел.

— Восемь миль, может быть. Это ничто. Мы лезем вверх теперь.

Каранджа начал карабкаться на скалу, нащупывая ногами опору. Камни образовывали скользкую лестницу под углом в 45 градусов. С тяжелыми сумками и камерами мы взбирались довольно долго. Футов через двести поверхность выровнялась. Было почти совсем темно: луну заслонила черная скалистая вершина, лощина в скалах сузилась до размеров трещины, мы слышали шепот падающей воды. Нас окружали громадные валуны, все тонуло во мраке, не чувствовалось ни ветерка.

— Ну и где же тайник? — шепотом спросил я. Каранджа покачал головой.

— Вы остаетесь тут, пожалуйста.— И он полез в глубь трещины. Вдруг кто-то тихонько позвал нас.

— Мистер Финкель.— Голос, доносившийся из темноты, звучал тихо и едва различимо на фоне слабого шума воды.— Теперь вы одни, не правда ли?

Я увидел очертания головы ван Делдена на фоне звезд; борода и струющаяся шевелюра белели во тьме, тускло поблескивали стволы ружья. Он тихо сказал что-то в темноту, отдавая распоряжения.

— Теперь придется выбираться отсюда другим путем, а это дальше.— Он взглянул на часы.— Я намеревался уходить в три, а уже четвертый час...— Ван Делден заколебался, и Эйб встал на ноги.

— Куда вы намеревались отправиться?

— Тут есть семья слонов, которую надо гнать, иначе ее застигнут в районе отстрела.

— Не время вам беспокоиться о слонах. Ваша единственная надежда — побег. Отправляйтесь на побережье... Ван Делден покачал головой.

— Отъезд не входит в мои планы. Я нужен этим слонам и хочу знать, куда они идут. Если удастся выгнать их из района отстрела и потом пойти за ними...— Он быстро отвернулся и тихо позвал Мукунгу, потом заговорил с ним на его языке. Мукунга закивал и исчез внизу за скалами, на которые мы карабкались. Двигался он быстро и бесшумно, как кошка.

— Мукунга прекрасно имитирует льва,— сказал ван Делден.— Самцы почти не реагируют, но слонихи с детенышами держатся от львов подальше. Он их погонит, и будет лучше, если он сделает это один.

— А если он наткнется на патруль? Рисковать собственной жизнью — одно дело, но посылать человека...

— Я знаю, что делаю,— отрезал ван Делден.— Это вы рискуете жизнью, придя сюда. Зачем вы здесь?

— Мери просила нас...

— Ну и дура. Отправила двух человек, ничего не знающих об Африке! А почему пришел Каранджа?

— Он говорил, что любит вас. К тому же, он рассказал сержанту патруля об этом тайнике.

— Говорил, что любит? — Ван Делден тихо засмеялся себе под нос и хрипло добавил: — Дурачок! Он теперь человек Кимани. Мы отправляемся, если вы готовы. Боюсь, идти вам будет нелегко, да и харч у нас кончился. Вы принесли с собой какую-нибудь еду?

Эйб покачал головой.

— Вы собираетесь взять нас с собой? — в его голосе слышалась нотка изумления.

— Пора уходить.— Ван Делден пнул ногой мою сумку.— Можете взять одну камеру и одну сумку с пленкой.

«Болекс» Эйба и одежду мы спрятали под камнями в расселине, потом двинулись вверх, в скалы, к нише в стене над браконьерской пещерой, где ван Делден и Дима деловито уничтожали следы ног. Когда они начисто вымели землю веткой, было уже половина четвертого и луна заходила за горы на противоположной стороне долины.

Нас окружали черные утесы и пики. Мы шли быстро, спотыкаясь в темноте и нащупывая ногами опору. Сумка казалась свинцовой, она тянула меня за плечи назад. Однажды ван Делден обернулся и спросил:

— Хотите, ее понесет кто-нибудь из моих людей?

Я покачал головой. Вскоре начался спуск, и мы оставили голые скалы позади, вновь углубившись в лес. На северном плече кряжа ван Делден оставил нас, забрав с собой Мтоме. Он ничего не объяснил, просто сказал:

— Дима позаботится о вас. Он знает, куда идти.

Лес поглотил их, и мы остались с Димой.

— А куда мы идем? — спросил я, но он не ответил, и Эйб, шагавший рядом со мной, проговорил:

— Вопрос в том, куда делся ван Делден.

— Наверное, пошел к Мукунге...

Дима зашипел на нас, призывая к молчанию.

Мы пересекли люггу, поросшую по берегам деревьями и кустами с понижшей от недостатка влаги листвой. Шаг Димы стал длиннее, идти по твердой, смешанной с песком гальке было легко. Ни звука не доносилось до нас, разве что несколько птичьих криков. Я думал о том, успеет ли Мукунга выгнать слонов из зоны отстрела. Кэрби-Смит уже выезжает из лагеря, и скоро самолет поднимется в воздух.

— Наверное, мы увидим самолет, когда он взлетит,— сказал я.

— Если мы сможем увидеть его,— Эйб бросил на меня взгляд через плечо,— то и пилот сумеет разглядеть нас.

— Может быть, как раз этого и хочет ван Делден. Эйб криво усмехнулся.

— Может быть.

Слева донесся звук выстрела, затем еще один и еще. А потом на западе закурился дымок, как будто кто-то зажег костер. Я посмотрел на Эйба.

— Что это? Опять грузовик?

— Нет,— тихо ответил Эйб.— Думаю, самолет.

Дима выхватил у меня сумку.

— Мы идем быстро,— озабоченно сказал он, закидывая сумку за плечи и переходя на длинный прыгучий шаг. Эйб побежал трусдой, я взял у него камеру. По мере того как мы спускались по северному склону, сначала Кулал, а потом лавовая стена исчезли из виду, горизонт сузился. Дима ждал нас в большой расселине в лавовом утесе.

— Останемся до прихода Тембо,— сказал он.

Ущелье было глубоким и прохладным по сравнению с открытой местностью. Эйб улегся на землю, его тощая грудь вздымалась, он задыхался.

— Где вода? — спросил я Диму.

— Сухо. Все сухо.

— Что же нам делать? Где взять воды?

— Спите теперь,— сказал он.

— Далеко ли отсюда до озера?

Дима пожал плечами.

— Для этого человека,— он кивнул на Эйба, лежавшего на земле с закрытыми глазами,— слишком далеко, я думаю. Сегодня вечером, когда станет прохладнее,

надо будет попробовать добраться до Сиримы. Там есть колодец.

Я задремал, а проснувшись, обнаружил, что Дима покинул свой наблюдательный пост. Солнце стояло над головой, лава блестела ярче, чем студийные юпитеры, Кулал был окутан бурым маревом. Я посмотрел на юг, напрягая глаза. Там что-то блестело. Мгновение спустя я понял, что это страусы, а еще чуть погодя осознал, что их вспугнули. До них было мили полторы. Вдалеке показалась резко очерченная человеческая фигура, но знойное марево тут же изломало ее очертания, а на том месте, где только что был человек, взвился песчаный смерч.

— Наверное, ван Делден, — сказал я Эйбу. — Дима отправился ему навстречу.

Теперь я видел Диму. Он неподвижно стоял у дальнего конца лавовой стены, его черное тело сливалось с ее по-

верхностью. Солнце палило как печь, к западу от нас плыла бурая туча поднятого ветром песка.

— Интересно, что он сделал с этими слонами? — пробормотал Эйб.

Мы забились в раскаленную расщелину и обернули лица полотенцами. Запыхавшийся Дима подошел к нам, через несколько минут появился и ван Делден, сопровождаемый Мтоме. Они в изнеможении рухнули на землю.

— Что случилось? — спросил я. Он не ответил. Вытерев лицо рукавом куртки, ван Делден привалился к скале и закрыл глаза. На шее у него болтался бинокль, ружье стояло рядом.

— Самолет, разумеется, охранялся, — сказал он. — У нас не было времени, потому что из лагеря у Южного Хорра приехал партнер Алекса и четверо солдат. Мы вывели самолет из строя и побежали по своим следам обрат-

но до ручья, а потом вверх по руслу. Это был единственно верный способ избавиться от погони.

— А где Мукунга? — спросил Эйб.

— По-прежнему на Маре со слонами.

— Они спасутся?

— Думаю, да. Без самолета их не скоро обнаружат.

Сейчас уже слишком поздно начинать отстрел по всем правилам. А если они догонят слонов, придется красться за ними, что сопряжено с опасностью. Мукунга всю ночь пугал их лвиным рыком, так что они сильно взвинчены и рассержены. — Он снова закрыл глаза и глубоко вздохнул, втягивая и расслабляя живот — это было специальное упражнение для диафрагмы.

— Здесь нет воды, — сказал Эйб.

— Не очень я и надеялся, что она есть. Будем ждать Мукунгу, потом двинемся в Сириму, к озеру, к Балеза-Кулал — туда, куда пойдут слоны. — Он посмотрел на меня. — Книга при вас? Я хотел бы еще раз взглянуть, что пишет фон Хёлен про слонов, которых они стреляли на берегах Рудольфа.

Когда я проснулся, то увидел, что солнце переместилось, и мы оказались в тени. Ван Делден все сидел с книгой в руках, делая выписки. Он взглянул на меня поверх очков.

— Вы были правы: два стада слонов к югу от озера на краю лавового поля. Потом — ничего до самой Лонгондоти, где Телеки встретил молодого самца. — Ван Делден вернулся на несколько страниц назад. — Это было 17 марта, через пять дней после того, как Телеки отказался стрелять в стадо из... «шести слоних с пятью слонятами разных возрастов... Граф застрелил носорога, и мы слышали лвиный рык в ночи». Это было на берегу залива Алия. В тот же день Телеки убивает пять слонов. Он стрелял с таким ожесточением, что у него кончились патроны

и пришлось посылать в лагерь за новыми. Охота затронула два стада, одно — из шести слоних с молодняком, второе — из пяти взрослых самцов. Как вы и говорили когда-то: самцы и самки. Как на берегу, так и в воде. — Он откинулся назад. — Не припомню, слышал ли я прежде, чтобы слоны щипали водоросли.

Я сел поудобнее. От усталости мне было еще труднее понимать его странный акцент.

— Один из слонов действительно щипал водоросли, — пробормотал я. — Он разбил каноэ, которое Телеки тащил с самого побережья.

— Фон Хёлен не пишет, что это был самец и что он питался водорослями. Он говорит лишь, что слон «спокойно вырывал водоросли с корнями». А потом он встретил «огромное множество слонов — сначала двух, затем еще четырех гигантских животных с большими бивнями; потом — стадо из двенадцати самцов, с бивнями, достающими до земли, и наконец стадо из четырнадцати животных, превосходивших размерами всех виденных нами прежде». А, вот и то, что я искал. Среда, 28 марта: «В течение дня стадо слоних со слонятами спустилось в озеро и долго стояло без движения по брюху в воде, вырывая хоботами водоросли, из которых они вытряхивали воду, прежде чем съесть их». — Ван Делден с шумом захлопнул книгу. — Он слишком скучно пишет. Однако в этой части озера нет водорослей, а залив Алия находится почти в ста милях к северу от горы Лонгондоти и Яриголе.

— Но сть еще и Лойангалани, — сказал я. — Он отмечен на карте значком оазиса.

Ван Делден кивнул.

— Там всегда есть вода. Она стекает с Кулала по огромному ущелью. От долины Хорра к Лойангалани идет дорога, построенная миссионерами. Но даже если она уцелела после войны и не была уничтожена землетрясениями,

Рисунки Е. МАРКОВИЧА

слонам в ней мало проку: она проходит через богом забытую страну, где нет ничего, кроме лавы и старых вулканических выходов.— Он вперил взор в спящее сияние.— Нет, я думаю, что они собираются обойти Кулал с востока. Они отправятся к сухому руслу Балеа-Кулал, и, если не смогут найти там воду, значит, наш единственный шанс состоит в том, чтобы попытаться погнать их к дороге, ведущей вверх по плечу Кулала, мимо миссии в лес.— Ван Делден покачал головой.— Это непросто, но надо попробовать. Там Алекс не сможет вести отстрел: чересчур далеко, да и лес слишком густой. Во всяком случае, был густым, а каков он сейчас, не знаю.— Он немного помолчал, потом взглянул на часы.— Почти два. Попытайтесь-ка лучше заснуть. Через три часа у нас будет вода и пища, а в половине шестого мы опять отправимся в путь. Посмотрим, смогу ли я до темноты разыскать Мукунга.

Он отложил очки, потянулся и мгновенно уснул.

Я лег и проснулся, лишь когда пришел Мукунга. Он уселся на корточки рядом с ван Делденом и что-то горячо говорил, несколько раз повторив слова *ndochi* и *askagi*.

— Что случилось? — спросил я. Ван Делден раздраженно качнул головой, и они возобновили разговор. Наконец Мукунга смочил губы водой из своей бутылки, свернулся калачиком и уснул. Эйб заворочался и попросил воды.

— Лежите спокойно,— ответил ван Делден,— и она вам не понадобится.

— Мукунга же пил.

— Потому что он бежал. Высланный вслед за вами патруль набрал на следы слонов, и, если б их не обуяло желание добыть мяса, они бы схватили Мукунга. Они застрелили совсем уже взрослого молодого слона и стоят теперь лагерем возле туши.

В назначенное время Ван Делденом время, выпив по глотку воды, мы покинули расселину. Пройдя лаву и приблизившись к кустарнику, мы увидели семейство страусов, а через десять минут набрели на следы автомобиля.

В недвижимом вечернем воздухе слышался слабый шум нутяжко режущего двигателя. Ван Делден сказал что-то Мукунге, и тот отправился вперед, на вершущку холма, над которой возвышалось изломанное колючее дерево. Когда мы добрались до него, Мукунга был уже далеко на противоположном склоне и бежал к колючим зарослям, чтобы спрятаться в них. По равнине за роцей катил «лендрровер», поднимая тучи пыли, а неподалеку, сбившись в кучу, стояло стадо растерянных слонов.

«Лендрровер» развернулся раз, другой. Он норовил направить слонов в определенную сторону, то и дело пересекая линию их движения. Ван Делден остановился, вытянул шею и сердито смотрел вперед.

— Слишком поздно,— пробормотал он.— Еще какой-нибудь час, и они... Кто это там?

Из чащи вышел человек. Его фигура казалась крапичкой на фоне равнины, но даже на таком расстоянии было видно, что это африканец и в руке у него ружье. Человек бежал к слонам.

— Кто это? — повторил ван Делден и поднес к глазам бинокль. Эйб смотрел через видоискатель камеры.

— Это не охотники,— бормотал ван Делден.— Они ни за что не стали бы с риском для жизни ходить пешком рядом со слонами, которые здорово разозлены.

«Лендрровер» опять развернулся, визг и трубные звуки заглушали шум его мотора, но внезапно все стихло, и теперь, наоборот, до нас доносился только рев двигателя. Слоны сбились в плотную кучку, несколько слонят попали в середину, и их совсем не было видно за плотной массой серых спин и растопыренных ушей. Все животные смотрели на «лендрровер», а сзади к ним приближался африканец, он бежал трусцой, смекаясь к краю стада.

Внезапно Эйб выхватил у меня сумку, расстегнул «молнию» и принялся ощупью искать телескопический объектив.

— Свет дрянной, но попробовать стоит.— Он был возбужден, и, когда менял объектив, руки у него дрожали. В этот миг раздался выстрел. Мукунга был на полпути между нами и кустарником. Теперь он стоял на месте, ружье по-прежнему болталось у него на плече. Он смотрел на неподвижное стадо перепуганных слонов и пыльный шлейф от «лендрровера». Выстрелить мог только не-

известный африканец, но теперь я не видел его; казалось, его поглотила пустыня. Ни дерева, за которым он мог бы спрятаться, ни кустика тут не было.

Снова раздался выстрел, потом еще один, и вдруг «лендрровер», лишившись управления, пошел юзом. Слоны развернулись, размахивая хоботами, определяя, откуда грозит новая опасность. Они больше не трубили, наступила тишина, даже «лендрровер» остановился. Теперь я видел африканца, он лежал пластом, держа перед собой ружье. Тело его сливалось с красным от закатного солнца гравином пустыни. В тишине едва слышался стук мотора «лендрровера» на холостом ходу. Услышали его и слоны, и это отвлекло их от одинокой фигуры, лежавшей совсем рядом с ними. Внезапно один из слонов вышел вперед и громко затрубил; мгновение спустя из-под его ног взвилась пыль, и он бросился в атаку, поджав хобот под бивни. Я слышал мягкое гудение камеры, потом его заглушил рев «лендрровера», который тронулся в нашу сторону. Ехал он медленно и рывками, колеса его бешено вращались, взметая шлейфы красной пыли. Слон быстро нагонял машину, и это была не игра, а серьезное нападение.

— Что там случилось, черт возьми? — выдохнул я, и Эйб ответил сквозь стиснутые зубы:

— Они прокололи камеру.

«Лендрровер» притормозил, видимо, для того, чтобы включить передний мост, а Эйб по-прежнему снимал. Слон подбежал к машине и вонзил бивни в задок. Он толкал «лендрровер» ярдов, наверное, двадцать, брюхо его раздувалось, пассажир машины отчаянно пытался развернуться на сиденье, сжимая в руке ружье. Слон поднял голову, освобождая бивни, и вновь вонзил их в машину, трубя в неистовой ярости. Потом он оторвал задние колеса «лендрровера» от земли и затрубил. Какое-то мгновение я думал, что он перевернет машину через нос, но человек с ружьем сумел встать на колени, и звук выстрела, казалось, заставил все вокруг замереть.

Мотор ревел, задние колеса вертелись. Потом уши слона медленно опали, голова поникла, плечи расслабились, и, когда слон опустился на колени, колеса вновь коснулись земли. «Лендрровер» с металлическим скрежетом рванулся вперед.

Должно быть, теперь водитель заметил нас, потому что машина направилась вверх по склону прямо в нашу сторону. Ехали медленно, на двух ведущих мостах. Одно заднее колесо было спущено. Сквозь пыльную пелену я видел мертвого слона — он лежал неподвижно, как огромный серый камень, а еще дальше стояло все стадо, наполювину скрытое облаком поднятой им пыли. Визг слонов доносился до нас, будто рев объятый паникой толпы.

«Лендрровер» перевалил через подъем, и в последних лучах солнца я увидел за рулем Мери. Затем машина остановилась. Все молчали. Кэрби-Смит сидел с лицом, облепленным коркой из пота и пыли, ван Делден стоял, вытянув шею, и смотрел на него.

— Оставь ружье и вылезай.— Ван Делден медленно двинулся вперед. Мери и майор продолжали сидеть, словно в оцепенении. Потом Мери подняла очки на лоб и испуганно вытаращила глаза на Кэрби-Смита. Она что-то прошептала, он покачал головой и вылез, оставив ружье в машине. Майор медленно стащил очки и обнажил зубы в улыбке, стараясь держаться непринужденно.

— Вы могли нас убить.

— В следующий раз, может быть, и убью,— ответил ван Делден.— Но сейчас стреляли не мои люди.

— Тогда кто же?

Ван Делден пожал плечами. Он подошел к «лендрроверу», не сводя глаз с сидевшей за рулем Мери.

— И это — после всего, чему я тебя учил! — Голос его звучал хрипло и сердито.— Вылезай из машины! Она покачала головой, безмолвно глядя на него. Какое-то мгновение я думал, что он силком вытащит ее из-за руля.

— Вылезай,— повторил он, и по его тону я понял, что ему невыносимо тяжело видеть Мери в машине Кэрби-Смита.

Окончание следует

Перевел с английского А. ШАРОВ

ПРОИГРЫШ ЧЕМПИОНА

Фантастический рассказ

Шлюз барокамеры за мной закрылся. Включились объективы внутреннего обзора и микрофоны звуковой связи. В операторской было светло и тихо.

— Привет, громила Масс.

Динамики долго не издавали ни звука, слышался лишь легкий фон.

— Чего молчишь-то? Как дела? — спросил я обычно разговорчивого Массы.

Он ответил вяло: — Так себе...

Правильно делают, вводя этим роботам эмоциональный комплекс, благодаря ему нам легче работать.

Я достал материалы робота-сопроводителя и вставил кристалл в транслятор: посмотрим, как там Масс выполнил последнее задание. Его молчание меня тяготило.

— Кстати, ты почему не отправляешься на базу? — спросил я.

— Хочу побыть один, поскучать, — ответил он.

— Тебе не дадут: скоро придут технари.

— Пусть работают.

Помнится, кто-то сказал, что у Массы внутри сидит псих. Никто там, конечно, не сидит, но мне тоже иногда становится не по себе, когда разговариваю с его логическими цепями. Я давно согласился с мыслью: в недрах этой машины, величиной с Луну, есть изюминка.

Между тем я просмотрел запись последнего задания. Масс утонул в звезде, и робот-сопроводитель отключил объективы и часть приборов. После паузы на экранах снова запылал горизонт и в центре появилась более темная точка, она двигалась через пояс протуберанцев — по касательной от центра. Масс выполнил задание: эта звезда не взрывоопасна, и человечество может спокойно работать в ближайшем космосе.

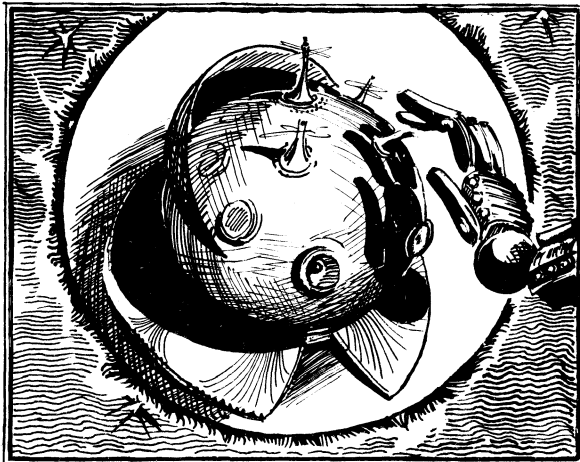
И тут мое внимание привлекло нечто необычное. Робот-сопроводитель перед тем, как вторично включилась запись, был на режиме подготовительной тревоги. С чего бы это? Я снова просмотрел показания приборов. По графику операция должна была длиться восемь тысяч двести минут. А пауза между записями сопровождающего — восемь тысяч двести двадцать минут...

Я открыл было рот... Но не такой Масс простак, чтобы спрашивать его прямо в лоб.

— Составим партию? — предложил я.

Масс молчал — понял, что я догадался о том, что он что-то скрывает.

Рисунок А. ГУСЕВА

— Ну так как?

— Гуляй, оператор, — прогудели динамики. Я представил себе, как он отмахивался несуществующей рукой.

— А ты уверен, что выиграешь?

Масс обреченно молчал, потому что ему, видно, суждено всегда выигрывать в «четверку» и у нас, операторов, и у инспекторов, и у своих гигантских собратьев по базе.

На внешнем обзоре обозначились шесть точек.

— Технари прибили, — оживился я.

Ровным строем они вошли в центр экрана и рассыпались. Эти всегда молчаливые роботы-трудяги заменят Массу обгоревшие манипуляторы, прочистят двигательные установки, проверят систему самообеспечения. Полетают вокруг громадины касик-другой, повозятся в безмолвии и снова гуськом на базу. За ними и мой черед.

Сыграть Масс так и не согласился. Мы обменялись еще несколькими незначительными фразами, но и их было достаточно, чтобы понять: он чем-то сильно удручен.

Запульсировала лампочка экстренного вызова от технарей. Нарочито не спеша я направился к шлюзу, где был пристыкован мой новенький катер. Динамики воспроизвели чувства Массы: он вздохнул как нашкодивший школяр, который знает, что его вот-вот раскроют.

Я облетел луноподобного Массы по пеленгу и увидел невероятное: в его корпусе была огромная вмятина! Какая же небесная сила здесь приложилась?! По утверждениям создателей, с этими роботами никто не в состоянии справиться. Окажись он и в центре взрыва сверхновой, их просто отшвырнуло бы на энное количество парсеков. Теперь я понял причину удрученности огромного Массы.

— Что произошло?! — несдержанно гаркнул я, ввалившись в операторскую.

— Тебе выпала честь зарегистрировать первый контакт с объектом внеземной цивилизации, — спокойно ответил Масс.

«Хорош контакт», — подумалось мне.

— Ты хорошо понимаешь, что говоришь?

— Разыграем партию? — вместо ответа предложил робот.

— Ты что, рехнулся? Нашел время...

— Но вы же, люди, играете в «четверку», когда я провозжу свои исследования.

Тут было нечего возразить.

— Ну хорошо, — вздохнул я.

Мы разыграли предложенную Массом позицию. Он, как всегда, был великолепен и оправдал звание чемпиона базы. На одиннадцатом ходу мне пришлось сдаться.

— Отлично!

По голосу я понял, что Массу полегчало.

— Ну выкладывай, чемпион, — мягко сказал я и тут же поправился: — Докладывай.

— Никакой я теперь не чемпион, — отозвался Масс.

— Это не имеет значения, — строго заметил я. — Говори по делу.

— Я и говорю по делу: вступил в контакт и перестал быть чемпионом.

— По порядку: с кем вступил в контакт? С иным существом или, может, тоже с роботом?

— Я ничего толком не успел определить, — сказал Масс, — но знаю, что объект втрое превосходил меня по размерам.

— Ого! — вырвалось у меня. Теперь я понял, что двадцать лишних минут Масс проторчал в заезде не просто так.

— В чем заключался твой контакт с объектом? — спросил я.

— Собственно, как только мы обнаружили друг друга — это случилось сразу после завершения мною работы, — я познакомил его с игрой, и мы составили отличную партию.

— Она длилась двадцать минут?

— Да. Объект дал мне понять, что очень спешит.

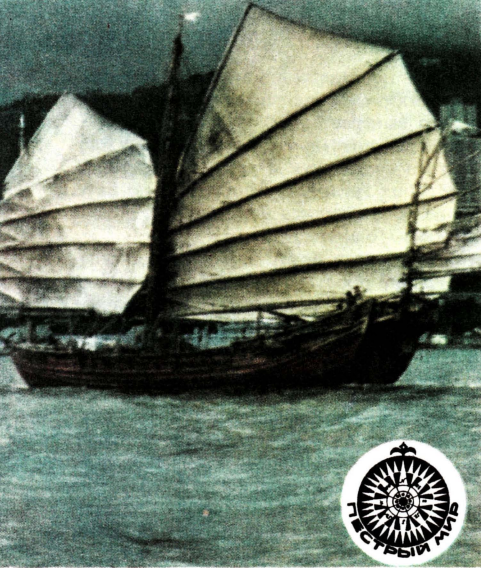
— Значит, за двадцать минут вы смогли найти общий язык и сыграть в «четверку»?

— Совершенно верно. Потом объект удалился.

Тут уж я не сдержал свои эмоции:

— И ты проиграл, дубина?!

— Ага, — тонко хихикнули динамики. — Мы играли на щелбан.

ДЖОНКА НА ПЛАВУ

Джонка — грузовой парусник. Но правильное было бы назвать ее — цинобочник. Ведь на бамбуковые рейки натянуты четырехугольной формы паруса из циновок — пусть огромных и сработанных по более сложной технологии, но все же почти таких, как дома на полу. Джонка — судно очень домашнее, уютное. А каким ему еще быть, когда на нем живут семьями? В конце прошлого века энциклопедии сообщали: «Джонки располагаются правильными линиями, кварталами вдоль больших рек в Юго-Восточной Азии и составляют как бы продолжения городов. В Кантоне на них живут восемьдесят тысяч человек, в Гонконге — двенадцать тысяч». Для бедноты плавучий дом был единственным прибежищем. В пору расцвета парусного флота грузоподъемность торговых джонок доходила до шестисот тонн, а военные джонки грозили берегам пушками. Художники малевали на бортах целые картины — горы, облака, драконы. Каждое суднышко имело свое лицо.

Казалось бы, пора джонке кануть в прошлое — и как дому, и как виду транспорта. Но последние десять лет показывают, что джонка идет прямым курсом в XXI век, не собирается ошвартовываться в музеях. В эпоху экономии горючего старое китайское судно, легкое на ходу, с малой осадкой, пришлось ко двору. И пока изобретатели лаяют паруса на теплоходы и танкеры, отдадут их во власть компьютеров, чтобы быть на уровне электронного века, все большее количество джонок, выносливых, как кули, которых они помнят, привычно снуют от пристани к пристани по крупнейшим рекам Юго-Восточной Азии.

«И НА ДУДЕ ИГРЕЦ...»

Профессия этого человека — преподаватель истории в Оксфорде, хобби — игра на трубе, но к этому надо добавить, что и руки у него золотые. Из такого сочетания профессии и умений может родиться — как легко догадаться — специалист по истории музыки, а точнее — по старинным музыкальным инструментам. Таковым и является англичанин Кристофер Монк. Тридцать с лишним лет назад Монк сделал свой первый корнет — инструмент, переживший пик популярности между 1450 и 1750 годами. Вскоре преподаватель понял, что изготовил не тот музыкальный инструмент, который делался много веков назад, а его позднейшую модификацию. Пришлось снова искать давнишние чертежи, самому изготавливать орудия труда забытого ремесла. Однако, правильность своей работы Монк проверял с помощью... современного рентгеновского аппарата. Сейчас он при поддержке нескольких энтузиастов организовал мастерскую, выпускающую в год по тысяче старинных корнетов и по пятьдесят серпентов.

Последнее увлечение Монка — органы XVIII века, хотя он с горечью признает, что именно они вытеснили популярную до того игру на серпенте. «Многие первостатейные композиторы сочиняли мелодии для серпентов», — говорит Монк. — Жаль, если эта музыка останется пылиться в архивах». Чтобы этого не случилось, музыкант-историк и ездит по стране с концертами. И хотя из-за странного вида инструментов Монка прозвали «заклинателем змей», его выступления собирают полные залы.

В ЖМУРКИ С ГРИЗЛИ

Неужели это новый шаг в эволюции медведей-гризли, и они научились использовать лоскутки материи, брошенные туристами,

чтобы лучше дремалось? Нет, сон гризли, запечатленный на фотографии, искусственный, и он вызван стрелой-шприцем со снотворным.

Грозное имя гризли — «рычащий, огрызающийся» — не спасло зверей от браконьеров и наступления человека на их исконную среду обитания. Сегодня в США осталось меньше тысячи этих медведей — каждая особь на счету.

Для того, чтобы исследовать зверя в природе, мало только выследить медведя, подойти поближе, чтобы метко выстрелить в него снотворным, — зверь этот могуч, и потому можно легко ошибиться в дозе. Ведь в тот момент, когда биологи будут по зубам определять его возраст, проводить обмеры тела, он может проснуться и...

На такой непредвиденный случай зверю заранее завязывают глаза: хоть несколько секунд будет в запасе у ученых — пока медведь спросонья и сослепу разберется, что к чему. Вот и приходится играть в жмурки с медведем.

МУЗЕЙ ОДНОЙ ОТКРЫТКИ

Необычная коллекция хранится в музее часов в Вуппертале (ФРГ). Она состоит из 3500 открыток, изображающих один и тот же пейзаж. Главная особенность заключается в том, что открытки присланы со всех концов Земли и украшены марками многих стран. Каждому гостю музея служители вручают чистую открытку с просьбой выслать ее обратно после возвращения на родину.

ЛУЧ — РАЗ В ПОЛГОДА

Каждый год двадцатого октября и двадцатого февраля в храмовом комплексе Абу-Симбел (АРЕ) собираются ученые и студенты, специалисты и просто любители древности. Они ждут в высеченном в скале храме Рамзеса II, возвышающемся над водами озера Насер, когда солнечный луч осветит лицо статуи фараона. Потом луч переходит на другие фигуры, расположенные в глубине храма. Проникая в помещение по искусно высеченным каналам и освещая по очереди каждую из фигур, солнечный луч перемещается на алтарь, где в далекие времена была установлена священная лодка бога Ра. И так — каждые полгода.

Не только туристов, но и ученых-египтологов и архитекторов поражает мастерство древних строителей, вычисливших с точностью до миллиметра толщину стен, угол наклона сложной системы ходов, пропускающих свет в глубь храма.

БЕЛКИ В РИДЖЕНТС-ПАРКЕ

Обыкновенные белки на многие годы пропали из лондонского Риджентс-Парка. Зоологи полагают, что вернуть их в исконную среду обитания не составит труда. Для этого в пригородном лесу, где белки водились в изобилии, взяли десять зверьков. Сначала белок поселили в Лондонском зоопарке, где их приучали и к людям, и к новой пище, предвидя, что посетители будут кормить белочек всякой всячиной. Затем зверьков выпустили на свободу в парк, предварительно надев радиоошейнички.

И хотя все было сделано по последнему слову науки, результат оказался плачевным. В первые полтора года из десяти зверьков шесть погибли под колесами машин, одного растерзал кот. Остались три самца, и ученые прекратили наблюдения за ними. Потери от машин можно было предугадать, но почему же за многие месяцы белки так и не дали потомства? Оказалось, что самочки обыкновенной белки приглянулись самцам белок серых, живущим в Риджентс-Парке. Поскольку они оказались крупнее самцов обыкновенной белки, последние не выдержали конкуренции. А дружба обыкновенных и серых белок — увы! — потомства не дает.

СКВОРЦЫ-ГИГИЕНИСТЫ

Американские орнитологи заметили, что скворцы при строительстве гнезд добавляют к сухим веткам, сене и мху свежесобраные листья определенных растений — например, моркови и репейника. Вывод было сделать несложно: птицы оказались неплохими гигиенистами. Фитонциды, выделяемые этими растениями, препятствуют размножению вредных бактерий и насекомых, предохраняют птенцов от заболеваний.

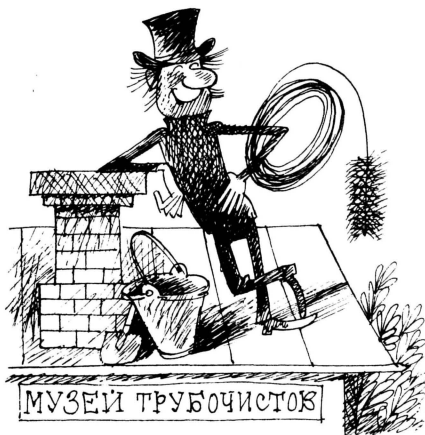
СЛОНЫ И БЮРОКРАТЫ

В Таиланде король обладает беспрекословным правом на владение слонами-альбиносами. Согласно религиозным представлениям белые слоны — символ удачи. И чем более их у короля, тем счастливее он и его подданные. Для решения проблем, связанных с содержанием белых слонов, создана специальная канцелярия. Она тщательно следит за ассигнованиями на содержание редких животных, определяет режим их работы.

Сейчас в собственности у короля семь слонов-альбиносов. Они живут неподалеку от королевского дворца в Бангкоке, но население видит их лишь при торжественных выездах монарха. И канцелярия заранее определяет, какое место то или иное животное займет в процессии, кто из белых слонов ее возглавит...

ЕСТЬ В ИНДИИ ПАРК...

Восемь лет создавал скульптор Нек Чанд этот парк. Теперь в нем на шестнадцати гектарах разместились сотни фигур, изображающих персонажей индийской истории. Нек Чанд соорудил их из материалов, оставшихся четверть века назад после строительства архитектором Ле Корбюзье города Чандигарх. Посетителей Каменного парка в Чандигархе окружают герои мифов и божества, правители и правительницы, воины, танцовщицы, обезьяны, экзотические птицы...

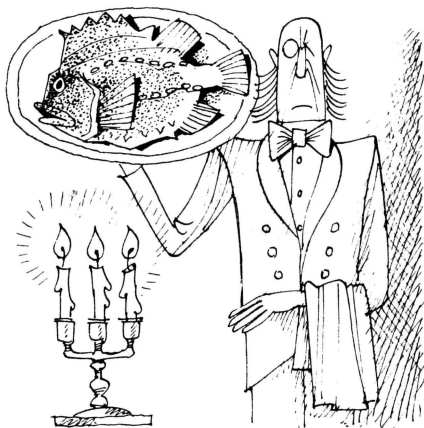

МУЗЕЙ ТРУБОЧИСТОК

Не каждая профессия удостаивается собственного музея, но вот трубочисты — люди экзотического и уже вымирающего ремесла — дождались своего часа. Их музей открыт в селении Санта-Мария-Маджоре, неподалеку от итальянского города Новара. В нем выставлены различные орудия и инструменты, которыми пользовались на протяжении веков — и пользуются ныне — трубочисты разных стран, их одежда, эмблема, значки с профессиональными символами. Местонахождение музея не случайно: многие жители этого района — потомственные трубочисты, которые в свое время обслуживали весь Апеннинский полуостров.

РЫБА, РАЗНАЯ НА ВКУС

Английский ихтиолог и писатель прошлого века Фрэнк Баклэнд указывал, что рыбы пинагоры (длиной до 60 сантиметров, весом до 2—3 килограммов), нерестящиеся в Баренцевом и Белом морях, по вкусу напоминают... пудинг из клея. В то же время многие гурманы относят их мясо к наиболее изысканному деликатесам. В чем дело? Не ошибался ли ихтиолог? Нет, не ошибался. Просто самцы и самки этой рыбы, принадлежащей к отряду скорпенообразных, имеют разный вкус. Так, самцы очень ценятся любителями жирных рыб, в то время как самки вкусом действительно напоминают пудинг из клея.

Рисунки В. ЧИЖИКОВА

ПОЧТИ БЕССМЕРТНЫЙ...

Он исключительно жизнестоек. Потеряв кору, не погибает, как другие деревья, а наращивает новую. Не умирает, даже когда падает: пока хотя бы несколько корней остаются в почве, он может расти и лежа. Поэтому местные жители наделили его бессмертием. С научной точки зрения это бессмыслица, но продолжительность его жизни действительно велика: от тысячи до четырех тысяч лет. Из его жареных семян делают напиток, похожий на кофе. Плоды содержат витамин С и кальций. Из скорлупы плодов делают мыло, из семян получают растительное масло, из корней — питательный крем для кожи. Волокна коры используют для производства бумаги, канатов, одежды, водонепроницаемых шапок, а также для сосудов. Имя этого удивительного растения хорошо знакомо каждому с детства: это баобаб.

Иногда он служит приютом путникам. Известный исследователь Африки Давид Лингстон писал, что видел баобаб с ветвями, на которых, не мешая друг другу, могли лежать двадцать-тридцать человек. В Ботсване поблизости от города Касане в дупле баобаба разместились местная тюрьма. А один баобаб в Намибии используется в качестве бани, там есть даже ванна...

На первой странице обложки: **СОВЕТСКИЙ СОЮЗ**. Ленинград. Памятник Борцам революции на Марсовом поле.

В 1917 году здесь, на Марсовом поле, солдаты братались с рабочими, выступившими против самодержавия. Здесь же в братской могиле были похоронены те, кто погиб в боях за революцию. А 6 ноября 1957 года на Марсовом поле был торжественно зажжен первый в нашей стране Вечный огонь. (Статью «Марсово поле» читайте на стр. 6).

Фото В. ОРЛОВА

«Боорцоги» — излюбленное монгольское блюдо. Оно обязательно на праздник, но каждый день его тоже можно готовить. Надо тщательно промыть и раскатать тесто: когда гостей много, оно еле помещается в огромном тазу, как избражено на третьей странице обложки. Кусочки теста опускают в котел с кипящим жиром, а когда они всплывают, ловко оттуда выхватывают — и готово.

(Заметку «На первое чай, на второе тоже» см. на стр. 47.)

Главный редактор
А. А. ПОЛЕЩУК

Редакционная
коллегия:

В. И. АККУРАТОВ,
В. И. БАУЛИН,
Л. М. БРЕХОВСКИХ,
Ю. Ю. ЖИТКОВСКИЙ,
Р. Ф. ИТС,
А. П. КАЗАНЦЕВ,
Ю. Б. КАШЛЕВ,
М. М. КОНДРАТЬЕВА,
В. А. ЛЕБЕДЕВ
(заместитель
главного редактора),
В. И. НЕВОЛИН,
Н. Н. НЕПОМНЯЩИЙ,
Ю. А. СЕНКЕВИЧ,
А. В. ХЛЕБНИКОВ,
Л. А. ЧЕШКОВА,
А. Н. ЧИЛИНГАРОВ,
А. В. ШУМИЛОВ

Наш адрес:
125015, Москва, А-15,
Новодмитровская ул., 5а.

Телефоны:
для справок — 285-88-83;

отделы:
«Наша Родина» —
285-89-83

иностраный —
285-89-56

науки —
285-89-38

литературы —
285-80-58

писем —
285-88-68

иллюстраций —
285-89-36

приложение «Искатель» —
285-80-10

секретариат —
285-88-25

Художественный редактор М. Федоровская
Макет Т. Гореховской. Технический редактор О. Бойко.

© «Вокруг света», 1987 г.

Сдано в набор 31.08.87. Под. к печ. 06.10.87. А01207. Формат 84 × 108¹/₁₆. Печать офсетная. Условн. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отг. 28,56. Учетно-изд. л. 11,2. Тираж 2 800 000 экз. Заказ 208. Цена 80 коп. Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, Сушевская, 21.

«Вокруг света», 1987, 1—64, ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 70142

1917—1987

- 1 Александр КОЧЕТКОВ
До следующего солнца
- 6 Людмила ПРОЦАЙ
Марсово поле
- 14 Максим КНЯЗЬКОВ
Голос, взывающий к правде
- 16 И. КУДРИН
Гвоздики не вянут
- 21 Григорий ТЕМКИН
Шаги в безъядерный мир
- 24 Александр ПИКА
Ямал-Харютти
- 29 **Курьер**
- 30 Спутник «Вокруг света»

Экспедиция уходит в поиск

- 32 Тур ХЕЙЕРДАЛ
Тайна тысячи островов

Разглашению подлежит

- 39 Потерянный дом

На суше, на море, в воздухе...

- 42 Владимир КИСЕЛЕВ
В пропастях Арабики

Дело вкуса

- 47 Наталия ЖУКОВСКАЯ
На первое чай, на второе тоже

Далекое — близкое

- 49 В. ЛЕБЕДЕВ
Фонтанка, этот дом и столько милых лиц...

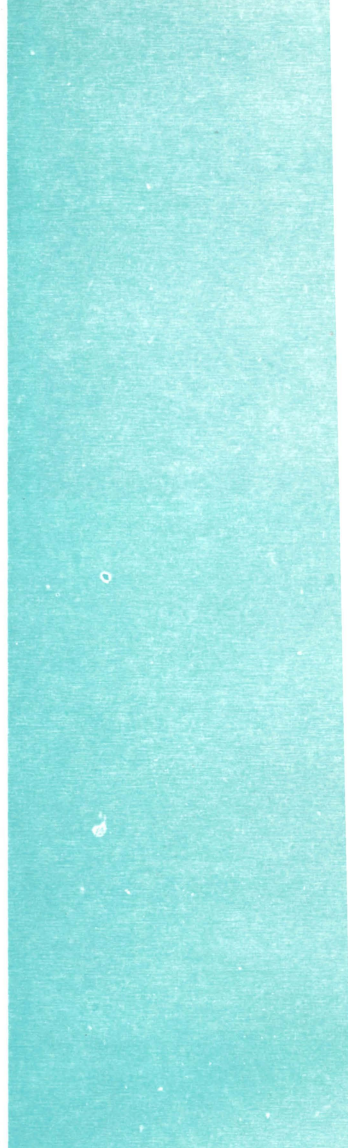
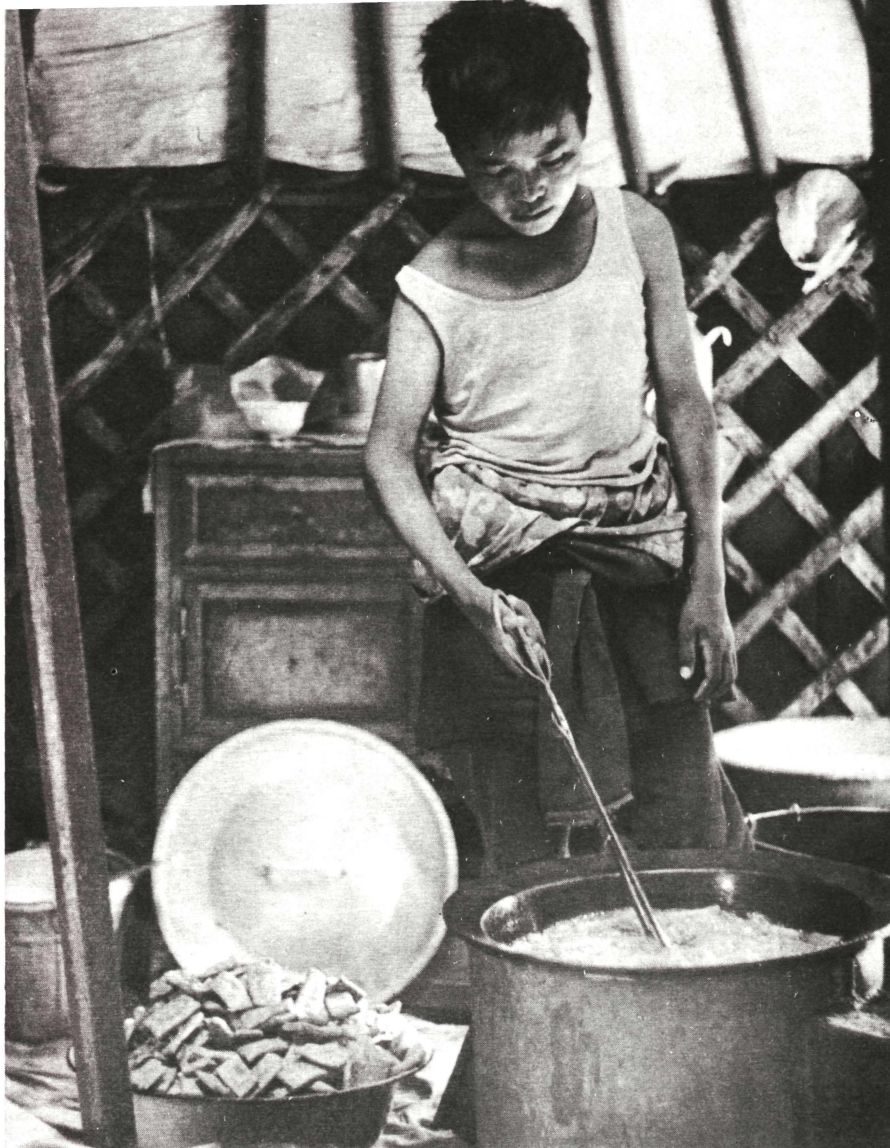
Природа и мы

- 51 Л. КААБАК
Белый парус Памира

Романы, повести, рассказы

- 52 Хэммонд ИННЕС
Большие следы
Роман
- 61 Александр КУЗЬМИН
Проигрыш чемпиона
Фантастический рассказ

- 62 **Пестрый мир**

Фонтанка. Здесь каждый дом — памятник и каждый тайт в себе историю: порой забавную, а чаще романтическую или героическую. Можно ли сохранить это место, не утратить его приметы? «Нужно», — ответит каждый ленинградец, для которого без набережной Фонтанки нет города.

Фото В. ОРЛОВА
(См. «Фонтанка, этот дом и столько милых лиц...», стр. 49)

Далекое-близкое

ISSN 0321—0669
Индекс 70142
Цена 80 коп.